

И. Н. ШЕРВАШИДЗЕ

Формы глагола в языке тюркских рунических надписей

«МЕЦНИЕРЕБА»

АКАДЕМИЯ НАУК ГССР

Институт Востоковедения имени акад. Г.В. Церетели

И.Н. ШЕРВАШИДЗЕ

Формы глагола в языке тюркских рунических надписей

Глубокоуважаемой Анне Владимировне
с наилучшими пожеланиями

И. Шервашидзе
16.07.86

«Мецниереба»
Тбилиси * 1986

81.2 Тюрк
Ш 491

Монография *содержит комплексное описание и дистрибуционный анализ форм глагола в языке древнейших памятников тюркской письменности, формальные критерии разграничения сфер глагольного словообразования и словоизменения, характеристику рунического алфавита и фонологической системы, а также новую интерпретацию известного по китайской хронике «Цзинь-шу» гуннского двустишия вкупе с рядом других деталей и аспектов, которые могут представить определенный интерес для тюркологов широкого профиля.*

Ответственный редактор
член-корреспондент АН СССР
Э.Р. ТЕНИШЕВ

Рецензенты: академик АН ГССР С.С. Джикия, профессор Н.Н. Джанашиа

Ш $\frac{4602010000}{\text{М 607 (06)}-86}$ 126—86 © *Издательство «Мецниереба», 1986*

Моим родителям

ПРЕДИСЛОВИЕ

Интерес к руническим памятникам долин Орхона и Енисея, несколько ослабевший спустя десятилетие после опубликования классических трудов В. Томсена, В.В. Радлова и П.М. Мелиоранского, в последнее время приобрел вполне устойчивый характер. Можно полагать, что область науки, занятая изучением этих памятников, стала важной самостоятельной сферой и что результаты научных поисков в этом направлении оказывают растущее влияние на общий уровень тюркологических исследований. Как известно, из числа сохранившихся тюркоязычных памятников орхоно-енисейские являются наиболее древними, и ссылка на них, естественно, предваряет любую серьезную работу по тюркологии. Эти тексты принадлежат эпохе, охватывающей вторую половину I тысячелетия н.э. Что же касается предшествующего периода, то, если прав П. Пеллио, считающий, что среди китайских фолиантов находятся и словари нескольких инородческих языков — включая сяньбийский, который, по его мнению, принадлежит к тюркской языковой группе[1], — то может оказаться, что некоторые из них действительно являются древнейшими памятниками тюркской словесности, еще ждущими своих исследователей (см. Бартольд 1968, 197 сл.; Баскаков 1969, 153). На сегодняшний день наука располагает всего лишь единственным отрывком, претендующим на приоритет по древности, и им является краткое двустишие, весьма неоднозначно транскрибированное и переведенное Г. Рамстедтом, Л. Базэном и А. фон Габэн.

В хронике «Цзинь-шу» (Фан Цяо 1884, 20 сл.), составленной в середине VII в., содержится записанное китайскими иероглифами двустишие на языке варваров (鞮鞨 цзе) — одного из племен сюнну, т.е. гуннов. Оно приводится в следующем контексте. Цзе родом, Ши Лэ, претендент на престол некитайского царства, собирался идти походом против другого претендента, гуннского предводителя Лю Яо, который в это время осаждал город Лоян. Однако приближенные отговаривали Ши Лэ от этой затеи. Тогда

[1] Однако по данному вопросу нет единого мнения. Л. Лигети, например, язык племени сяньби считает монголоязычным (Лигети 1955, 137 сл.), тогда как, по В. Эбергарду, он занимает промежуточное положение между тюркскими и монгольскими языками (Eberhard 1942, 45 сл.).

Ши Лэ обратился к прорицателю, который после гадания на звон колокольчика произнес следующее пророчество:

秀 支 替 戾 岡
僕 谷 劬 秀 嘗

Согласно китайскому переводу, данному в «Цзинь-шу» (軍 出 捉 得 曜 也), эта фраза означает: «Войско выйдет, Яо будет схвачен».

Вдохновленный предсказанием, Ши Лэ решился на поход. Победив и пленив своего врага (328 г. н.э.), он провозгласил себя императором Северного Китая (330 г. н.э.).

Насколько нам известно, в тюркоязычной принадлежности настоящего двустишия сомневался лишь Э.Дж. Пуллиблэнк[1], однако и он не предложил никакого енисейского прочтения приведенного текста, поэтому тюркская версия остается предпочтительной.

В тексте также дается перевод отдельных слов языка варваров (цзе), а именно:

秀 支 軍 也 (秀 支 означает 'войско'),
替 戾 岡 出 也 (替 戾 岡 означает 'выходить'),
僕 谷 劉 曜 胡 位 也 (僕 谷 означает 'варварское звание Лю Яо'),
劬 秀 嘗 捉 也 (句 秀 嘗 означает 'схватить').

Прежде чем обращаться непосредственно к тюркским толкованиям этого текста, следует попытаться дать максимально адекватное его фонетическое прочтение. На современном путунхуа он читается так:

Сю̀чжӣ тӣлѐгàн (~тӣлӣгāн)
Пӯгӯ̆ цю́йтӯдāн.

В IV в н.э. чтение соответствующих иероглифов, разумеется, было существенно иным. Поэтому Л. Базэн и А. фон Габэн читали

[1] Любопытно, что, например, К. Сиратори, первый пытавшийся сблизить по китайским материалам слова языка гуннов с тюркскими (Shiratori 1902, 1 сл.), впоследствии отказался от этого в пользу их сближения с эвенкийскими, в целом с тунгусо-маньчжурскими словами (он же 1970, 63 сл.). Э.Дж. Пуллиблэнк же на основе предложенной им реконструкции консонантной системы древнекитайского языка гуннов язык сближает с енисейскими языками (Pulleyblank 1962, 239 сл.), а, скажем, Л. Лигети — с палеоазиатскими (Ligeti 1950, 149).

двустишие по-древнекитайски в фонетической реконструкции Б. Карлгрена (см. Karlgren 1940, 461 сл.):

*sịôg t̂ịĕg t'iei liəd/liət kâng
*b'uk/b'ôk kuk g'ịu t'uk tâng.

По Пуллиблэнку (Pulleyblank там же, 264), оно читается так:

*sịu̯ᵡ-cịe theiᵡ-let/leiᵡ-kaŋ
*bok-kuk/yok gịou-thuk-taŋ.

Однако реконструкции Карлгрена, как и Пуллиблэнка, относятся заведомо к более раннему периоду, нежели IV в н.э.

Рассматриваемое двустишие должно читаться соответственно нормам позднего древнекитайского языка, что мы находим в реконструкциях С.А. Старостина[1]:

*sjə̀w-kje thə̀i-lə̄t/lə̀j-kāŋ
*bə̄uk-kōk go-thōk-tāŋ.

Как отмечалось выше, известны три основные попытки тюркоязычной интерпретации этого текста.

Ramstedt 1922, 31:

*sükä tal'iqaŋ,
*bügüg tutaŋ!

«Иди войной
(И) плени бюгю!»

Г. Рамстедт, в отличие от более поздних авторов, опирался на чтение К. Сиратори (см. Shiratori 1900, 11 сл.): siuk'i t'i-li-kang puh-koh kü-t'u-tang· «Если пойти войной, то можно захватить в плен Лю-яо». Поэтому он, естественно, не мог учесть некоторых особенностей древнекитайской фонетики, существенных для понимания восстанавливаемого им текста. Интерпретация Г. Рамстедта, несомненно, заслуживает внимания в том, что касается первой строки. Весьма интересно его предположение, что китайский l здесь может передавать общетюркский *l' (*l_1), в большинстве тюркских языков перешедший в š и сохранившийся только

[1] Мы приносим благодарность С.А. Старостину за консультации по фонетике позднего древнекитайского языка и любезное предоставление возможности ознакомиться с рукописью своей монографии «Древнекитайская фонология» (в печати), которая легла в основу наших дальнейших рассуждений на эту тему. Пользуясь случаем, мы приносим благодарность также Д.Д. Васильеву и С.Г. Кляшторному за содействие в работе над настоящим фрагментом.

в бу́лгарской ветви. В таком случае основу слова *thə̀j-lēt-kāη действительно можно отождествлять с древнетюркской tašiq- 'выходить, выступать, отправляться в поход'.

Однако вызывает сомнение прочтение Рамстедтом глагольных форм как императивных, не согласующееся с китайским переводом, и прочтение им второй строки. Действительно, слово bögü~bügü в тюркских текстах означает только 'мудрый, мудрец' и, вне зависимости от связи его с монгольским bφge 'шаман' или bφke 'крепкий, отважный и пр.', 'борец' (см. Lessing 1973, 123, 126), вряд ли могло служить титулом тюркского (гуннского) предводителя. Есть и фонетические трудности. Как будет оговорено ниже, для записи тюркских гласных переднего ряда в китайском языке того периода были иные графические средства. Кроме того, при прочтении второй строки как *bügüg tutaη мы вынуждены произвольно отделять слог *go- китайской транскрипции от второго слова и присоединять его к первому. Никак не учитывается также конечный *-k в слоге *-thōk- (*go-thōk-tāη).

Bazin 1948, 215:

*süg tägti ïdqaη,
*boquγïγ tutqaη!

«Пошлите армию в атаку
(И) плените полководца!»

В интерпретации Л. Базэна существенно отождествление титула *bə̄uk-kōk с тюркским *buquγ (у Базэна *boquγ). Л. Базэн указывает, что подобный титул, который обычно читают как *buqaγ, но который может быть прочтен и как *buquγ или *boquγ, имеется в надписи в честь Бильге-кагана в сочетании *boquγ tutuq. Особого внимания заслуживает выдвинутое Базэном предположение о том, что позднейшим развитием этой формы является старотурецкий титул buğ (у Базэна boγ), а также başbuğ. Действительно, в турецком языке имеются слова buğ 'вождь' и başbuğ 'главнокомандующий'. В старотурецком buğ TS 1963, 680, başbuğ (buğ, baş ve buğ) там же, 423 сл. 'reis, baş, başkan, komutan' представлены с ведущим значением 'глава, начальник; лидер, вождь'. Исключительный интерес вызывает чтение buγuγ χan у А. фон Лекока (von Le Qoq 1912, 147, 149 сл.; ср. Bang, von Gabain 1931, 16 сл.; они же 1929, 413) как параллельное форме qaγan qan 'верховный правитель' (ДТС 1969, 405), где buγuγ выступает, очевидно, в значении, синонимичном qaγan. В памятнике в честь Бильге-кагана эта форма зарегистрирована в качестве компонента имени собственного — *buquγ tutuq БК Ю$_{10}$, точно так же, как и титулы верховных правителей — qaγan или qan, ср. qan älči, baz qaγan (там же, 405, 417) и др. Из текста «Цзинь-шу» явствует, что в подчинении у Лю Яо были вассалы, старшего из которых

(岳 юэ 'старший правитель из вассалов') еще до решающего сражения между Ши Лэ и Лю Яо победил в бою Ши Цзи-лун, вассал Ши Лэ. Сочетание 僕谷 в тексте толкуется как 劉 曜 胡 位 — 'варварское звание Лю Яо'. Не случаен, вероятно, и тот факт, что в двустишии применена форма *qodï qo(d)- 'низлагать, низложить', соответствующая в русском переводе смыслу 'лишить власти (монарха)', равнозначному французскому détrôner и т.п. Отсюда можно сделать вывод, что Лю Яо занимал верховное положение в гуннской родо-племенной иерархии. Все это хорошо согласуется с предполагаемым значением 'вождь, предводитель, полководец' для почетного звания *buquγ.

Прочтение китайской транскрипции *bə̄uk-kōk как *buquγïγ (у Базэна *boquγïγ) вполне согласуется с заднерядным характером вокализма тюркской формы, поскольку в китайской передаче (*bə̄uk-kōk) возможна элизия 2-го гласного между двумя слогами.

В остальном интерпретацию Базэна нужно признать, по-видимому, недостаточной. В ней дается произвольное членение первой строки: 2-й слог первого слова и 1-й слог второго слова произвольно объединяются в *t̂i̯ĕg t'iei (по Карлгрену) = тюркскому *tägti 'атака'. Конечный согласный *-g (в слогах *si̯ôg t̂i̯ĕg) отождествляется с тюркским -g, хотя этого согласного в китайских формах, видимо, не существовало (во всяком случае в рассматриваемый период). Никак не учитывается китайский *-l в слоге *-lēt- (~-lə̀j-). Начальный согласный в чтении иероглифа 支 трактуется вслед за Карлгреном как *t- (*t̂i̯ĕg t'iei = *tägti), хотя в IV в. это был *k-. Помимо того, и Базэн, как и Рамстедт, дает тюркские формы императива, не согласующиеся с китайским переводом.

Von Gabain 1949, 246:

*särig tïlïtqan,
*buγuγ kötürkän.

«Ты выведешь войско,
Ты уведешь "оленя"».

Эмендация А. фон Габэн основана на предположении о том, что слово *bə̄uk-kōk может передавать тюркское слово buγu 'олень' в значении племенного (тотемного) названия. Помимо загадочной формы *tïlïtqan, прочтения *särig и *kötürkän никак не могут быть получены на основании китайской транскрипции.

Переходя к своей интерпретации, мы должны предварительно отметить следующее:

а) при интерпретации китайской транскрипции следует учитывать, что сочетания согласных китайскому языку IV в. н.э. были

несвойственны, поэтому при их передаче могут допускаться колебания, в частности вполне допустимы метатетические прочтения типа *-tk- = *-kt- и т.п.;

b) древнекитайские долгие гласные имели несколько более заднее место образования, поэтому они обычно передают заднерядный вокализм иноязычных (в частности, тюркских) источников. Напротив, краткие гласные были более напряженными и сдвинутыми вперед, поэтому они обычно транскрибируют иноязычные передние гласные;

c) при передаче многосложных слов в китайских транскрипциях часто наблюдается элизия срединных гласных.

Учитывая все эти соображения, а также указанные выше удачные элементы предшествующих трактовок, мы предлагаем следующее прочтение настоящего двустишия:

*sjə̀w-kjɛ thə̀j-lēt-kāŋ
*bə̄uk-kōk go-thōk-tāŋ.

*sükä tal'ïqtïŋ,
*buquγ qodï qo(d)tïŋ.

«К войску ты вышел,
Букуга низложил».

*sükä «к войску» — дательный падеж от sü 'войско'. В данном контексте «к войску» должно пониматься как «к [вражескому] войску».

*tal'ïqtïŋ «ты вышел» — 2-е л.ед.ч. прошедшего времени от *tal'ïq- 'выходить, выступать, отправляться в поход', т.е. *sükä tal'ïq- здесь должно пониматься как «выйти ("лицом к лицу") к [вражескому] войску (чтобы дать сражение)».

Значение первой тюркской строки «к войску ты вышел» несколько искажено в китайском переводе — 軍出 «войско выйдет», что вполне объяснимо, если исходить из того факта, что китайскому переводчику трудно было разобраться в структуре тюркской морфологии и важно было передать лишь общий смысл высказывания.

*buquγ 'букуг, вождь, предводитель, полководец' — китайское *bə̄uk-kōk может передавать как неоформленную основу, так и форму с суффиксом винительного падежа. Следует учитывать, что китайская транскрипция *bə̄uk-kōk не дает возможности определить звонкость/глухость срединного и конечного согласных, а также качество гласного 1-го слога (*u или *o), т.е. возможны и другие варианты чтения.

*qodï qo(d)tïŋ «ты низложил» — 2-е л.ед.ч. прошедшего времени. Китайское *go-thōk-tāŋ (~*gothōktāŋ) можно расчленить на *gothō- = *qodï 'вниз, внизу', 'низ' и *-ktāŋ = *qo(d)tïŋ «ты положил», т.е. *qodï qo(d)- представляет собой типологическую параллель русскому же 'низлагать, низложить'. Метафорическое использование пространственных наречий с глаголами 'класть' и 'бросать', по-видимому, является универсальной чертой, свойственной также и тюркским языкам, ср. функционально аналогичное выражение qodï kemiš- 'низвергать, низвергнуть', а также kemiš-qodï 'бросить вниз, сбросить': orunluqdïn qodï öz kemišti KP «он сбросил себя со своего трона»; kemšür qodï At. «[бог] свергает [гордеца]» (см. Clauson 1972, 596). В китайской форме нужно предположить элизию срединного гласного *o в многосложной последовательности. В тюркских текстах глагол qod- 'класть' фигурирует с конечным -d(-δ, -j), но не исключено, что в рассматриваемую эпоху существовала еще первоначальная производящая основа *qo- 'класть' (см. там же, 578 сл.).

Альтернативным вариантом было бы прочтение *qodïqtïŋ, где могли бы усматривать основу *qodïq-, производную от qodi (или qod-). Однако против такой трактовки говорит, в частности, то, что, судя по засвидетельствованным памятникам, подобная производная основа скорее имела бы непереходное значение.

Как видим, сказуемое второй фразы получает смысл 'низложить', как будто не прямо соотносящийся с китайским переводом (捉 'схватить'). Однако смысл текста в целом, как нам представляется, в результате подобной интерпретации не меняется и вполне согласуется с контекстом китайского предания. Чисто предположительно можно допустить и следующее. События, описанные в «Цзинь-шу», относятся к III-V вв. н.э., а время его составления датируется VII веком. Данное двустишие содержится в разделе, посвященном сверхъестественным способностям Футучэна, произнесшего это двустишие. Ши Лэ в бою не только победил Лю Яо, но и пленил его. Поэтому, чтобы усилить представление о прорицательском даре Футучэна, Фан Цяо, компилятор хроники, вполне мог заменить более адекватный китайский перевод тюркской формы словом 捉 'схватить'.

Мы видим, что глагольные формы в тюркском тексте оформлены лично-временны́м суффиксом *-tïŋ. Поэтому выше мы переводили их как «ты вышел», «ты низложил». Однако велика вероятность того, что в столь ранний период — IV в. н.э. — соответствующие глагольные формы имели еще вневременно́е значение перфекта (совершенного вида). В некоторых современных тюркских языках также возможно употребление формы прошедшего времени в функции настоящего и будущего времени (см. Serebrennikov 1961, 163 сл.; Серебренников 1971, 109 сл.; Щербак 1981, 81 сл.). Таким образом, рассматриваемый тюркский текст может быть переведен еще и так:

«К войску ты выйдешь,
Букуга низложишь», —

что уже вполне хорошо соотносится с общим смыслом текста «Цзинь-Шу» и китайским переводом.

Тот факт, что во второй строке тюркского текста мы получаем не 5, а 6 слогов, в данном случае никак не препятствует нашей трактовке, поскольку, согласно нормам китайского стихосложения, по которым, очевидно, было построено интересующее нас двустишие, отклонение в один слог было вполне допустимо и главным признаком стихотворности текста являлась рифма. Что касается тюркского стихосложения, то его нормы для рассматриваемого периода, конечно же, неизвестны.

Итак, мы можем с большой степенью уверенности считать, что перед нами первый записанный текст на тюркском языке, а чародей 佛圖澄 Футучэн, произнесший его, является первым тюркским поэтом, хотя, согласно тексту «Цзинь-Шу», этот столетний старец был родом из Индии и родовое имя его было 帛 Бо.

Предлагаемая работа ставит целью описать формы глагола в языке тюркских рунических надписей (далее ТРН)[1]. Исследованию глагольной системы в тюркских языках — как на ранней стадии ее развития, так и на современной — посвящена обширная литература, в том числе и специальные работы, например М.А. Ахметова (Ахметов 1978), Н.Н. Джанашиа (Джанашиа 1981) и др. Данная тема в языковедческой практике словно возведена в разряд "вечных тем", интерес к которым неувядаем, иными словами, постоянным остается изучение тюркских языков в целом, как древних, так и современных[2].

Разумеется, постановка вопроса в столь общем виде, как комплексное описание глагольных форм в языке ТРН, не дает возможности остановиться на ряде его аспектов, которые могли бы стать предметом отдельного рассмотрения, не уступающего по своему объему этой работе. Однако хотелось бы надеяться, что и настоящая работа может оказаться полезной не только как опыт обобщения многих наблюдений, связанных со структурой глагола в целом, но и как попытка уточнения ряда моментов, связанных с той относительно сложной системой, которую представляют глагольные формы в языке древнейших памятников тюркской письменности.

Автор выражает признательность лицам, помогавшим ему советами и деловыми замечаниями,— А.Н. Кононову, В.М. Насилову, Э.Р. Тенишеву, А.М. Щербаку, а также М.В. Крюкову, несколько позднее обучавшему его древнекитайскому языку. Last but not least он выражает глубочайшую благодарность Э.В. Севортяну за оказанную им всестороннюю поддержку в работе.

Работа была завершена в начале 70-х годов, и поэтому специальная литература, вышедшая позднее, учтена в ней лишь частично.

---

[1] Под этим названием имеются в виду древнетюркские надписи на стелах тюркским руническим (орхоно-енисейским) письмом. Текст надписей в основном цитируется по изданиям С.Е. Малова (Малов 1951; он же 1952; он же 1959), но и во многих случаях сверяется с текстами по изданиям других авторов. Переводы заимствованы преимущественно из отдельных словарных статей древнетюркского словаря (ДТС 1969). Переводы же, принадлежащие отдельным авторам, в том числе С.Е. Малову, отмечены специально. Под знаком * приводится перевод, предложенный нами.

[2] Следует заметить, что исследователи пока еще не располагают выверенными текстами целого ряда известных науке памятников, и потому лишь только после создания корпуса рунических надписей с точными транслитерированными текстами, основанными на обязательной аутопсичной проверке, можно будет приступить к созданию обобщающих работ по системному описанию грамматического строя языка рунических текстов (см. Кормушин, Д. Насилов 1972, 139). Между тем приятно отметить, что уже вышел в свет неоценимый по значению «Корпус» енисейских памятников Д.Д. Васильева (Васильев 1983).

Словообразование

Проблема глагольного словообразования в языке ТРН тесным образом связана с двумя важными вопросами, которые представляют не только теоретический интерес. Во-первых, это вопрос о разграничении имен и глаголов. Во-вторых, это вопрос о разграничении сфер словообразования и словоизменения.

Факты совпадения и нерасчленимости именных и глагольных корней или основ давно уже привлекали внимание тюркологов. Впервые совпадающие именные и глагольные корни и основы были наиболее полно учтены В.В. Радловым в его знаменитом словаре (Радлов 1963). Многочисленные исследователи не только констатировали случаи совпадения именных и глагольных корней или основ, но и не могли не заметить, что именные и глагольные корни-основы взаимодействуют с суффиксами, которые могут рассматриваться и как омонимичные, и как тождественные. Так, В. Банг отмечал, что один и тот же суффикс деятеля -či может присоединяться как к именным, так и к глагольным основам (Bang 1916, 918).

Со временем обнаружилось три принципиально различных подхода к объяснению совпадения формальной и семантической структуры именных и глагольных корней-основ. Исследователи западных школ тюркологии придерживались двух различных точек зрения. В. Банг считал, что глагольный корень в тюркских языках представляет собой глагольное имя (там же, 920). По К. Брокельману, при семантическом разделении имени и глагола последний может взаимодействовать с именными суффиксами так же, как имя может вступать во взаимодействие с суффиксами глагольной парадигмы (Brockelmann 1954, 197 сл.). К. Брокельман уклоняется от решения вопроса, носят ли глаголы сугубо отыменной характер, и говорит о совпадении их парадигм склонения и спряжения. В. Котвич придерживается мнения, что все глагольные формы в алтайских языках, за исключением повелительной, носят именной характер (Котвич 1962, 66).

Другая точка зрения наиболее четко была выражена датским тюркологом К. Грёнбехом, который видел в однозвучных словах простое совпадение первоначально различных слов (Grönbech 1936, 19). Г. Рамстедт, занимающий противоречивую позицию, частично присоединяется к этому утверждению, считая, что совпадения глагольных и именных корней-основ в алтайских языках либо принадлежат к древнейшей части пратюркского словарного фонда, либо носят случайный характер. Г. Рамстедт уверен, что в языках алтайской группы, так же как в индоевропейских и семитских языках, нельзя признать приоритет глагола над именем и что ошибочно полагать, будто для имен правомочна глагольная флексия и будто глаголы могут характеризоваться именной флексией. Имя и глагол, по мнению Г. Рамстедта, фонетически отличаются друг от друга, и им присуща способность взаимодействовать с различными суффиксами (Рамстедт 1957, 171 сл.).

При всем различии точек зрения на этот вопрос, нет окончательного и адекватного решения проблемы с привлечением исчерпывающего материала из современных или древних тюркских языков. В самом деле, можно ли пройти мимо того факта, что весьма большое число глагольных и именных основ совпадает и отличается между собой лишь по той парадигме, которая становится характерной для них только на более поздней стадии развития языка? Равным образом нельзя закрывать глаза и на факты слабой разграниченности ряда словообразовательных и словоизменительных суффиксов, присоединяющихся к глагольной или именной основе, точно так же как и на то, что личные показатели, входящие в качестве стабильных компонентов в глагольную парадигму, совпадают с суффиксами категории принадлежности, которые входят в именную парадигму и т.п.

В разработке рассматриваемой проблемы четкую позицию занимает Н.К. Дмитриев. Ему принадлежит мысль о двух ступенях в процессе развития именных и глагольных основ-омоформ (Дмитриев 1962, 572 сл.): первая ступень характеризуется формальным совпадением именной и глагольной основы, которые различаются в контексте в качестве синтаксических единиц, а не лексических; на второй ступени происходит дифференциация глагольных и именных корней или основ за счет фонетического чередования (kör- 'видеть, смотреть' — köz 'глаз'). На следующих ступенях имеет место появление словообразовательных суффиксов, с помощью которых от имен образуются глаголы (jaš 'год (о возрасте)' — jaša- 'быть в возрасте...'). Э.В. Севортян отмечает правильность наблюдений Н.К. Дмитриева, подтверждаемых широким материалом из азербайджанского и других тюркских языков, и проводит различие между омонимичностью глагольных и именных корней-основ на современном этапе и синкретичностью форм на ранних этапах развития тюркских языков (см. Севортян 1962, 362 сл.).

Представляется, что Э.В. Севортян наиболее последовательно проводит мысль о недифференцированности именных и глагольных корней-основ на ранних стадиях развития тюркских языков, имея в виду принципиальные различия между омонимичностью, с одной стороны, и синкретичностью, с другой. Различие между синкретизмом и омонимией, разумеется, не лежит только во временно́м плане.

Мнение Н.К. Дмитриева о ступенях в этом процессе должно быть подкреплено соответствующими данными тюркской исторической лексикологии, которыми на нынешней стадии исследований тюркологи еще не располагают в достаточной степени. Мысль Н.К. Дмитриева о различении на первой ступени формально совпадающих глагольно-именных основ в качестве синтаксических единиц должна быть конкретизирована в свете развития системы формальной дифференциации лингвистических единиц,

в области которой так много сделано в последние десятилетия. Говоря о формальном совпадении именных и глагольных основ, Н.К. Дмитриев имеет в виду только аспект выражения посредством сегментных и супрасегментных единиц, иными словами, чисто фонемную композицию этих глагольно-именных корней-основ. Вместе с тем, когда Н.К. Дмитриев говорит о различении этих корней-основ в качестве синтаксических единиц, остается неясным вопрос о различении этих синтаксических единиц посредством чисто позиционных критериев или дистрибуционных критериев в плане возможности взаимодействия этих глагольных и именных корней-основ в пределах слова с различными словообразовательными и словоизменительными суффиксами, принадлежащими к двум рядам, начинающим дифференцироваться рядом глагольного спряжения и именного склонения. Если речь идет именно о такой дифференциации синтаксических единиц, то с полным правом можно говорить о том, что на первой ступени имело место формальное несовпадение глагольных и именных основ, поскольку различие парадигматических критериев, выражающееся во взаимодействии корней-основ с суффиксами различных словообразовательных и словоизменительных рядов, само по себе говорит о формальном различении.

Сама же проблема совпадения глагольных и именных корней-основ является весьма обычной проблемой в области общего языкознания. Так, в английском языке слово back 'спина' может выступать в качестве глагола со значением 'поддерживать', прилагательного в значении 'задний' и наречия в значении 'назад, обратно'. В таких — казалось бы далеких, на первый взгляд, от тюркских языков — языках, как эскимосско-алеутские, например в алеутском, исследователи также отмечают нерасчленимость имени и глагола, где именное или глагольное значение передается добавлением к основе лишь синтаксических показателей именного или глагольного оформления (Мещанинов 1948, 132).

Факты глагольно-именной омонимии в древних и современных тюркских языках, результаты проведенных в этой области исследований и отчасти соображения теоретического порядка, подкрепленные ссылками на материалы нетюркских языков, А.М. Щербака приводят к мнению, что в тюркском праязыке почти любой первичный корень обозначал и предмет, и действие-состояние, иначе, был синкретичным (Щербак 1981, 12).

В языке ТРН глагольный класс выступает как самостоятельная часть речи, характеризующаяся не только специфичными семантическими признаками, но и своей разветвленной системой словообразования и словоизменения. При агглютинативной системе наращивания суффиксов, присущей древним и современным тюркским языкам, глагольные формы, например, легко могут субстантивироваться и, наоборот, именные часто приобретают глагольный статус (ср. Насилов 1963, 19).

Хотя ряд грамматических категорий, например лица и числа, одинаково характеризуют как именной, так и глагольный классы, тем не менее глаголу присущи специфические грамматические категории, находящие выражение в целом ряде формантов. Независимо от того, где те или иные тюркологи устанавливают демаркационную линию между глагольным словообразованием и глагольным словоизменением, и от того, представляет ли, например, такая категория, как залог, грамматикализованную категорию в языке или нет (см. Харитонов 1963, 4 сл.), глаголу в тюркских языках присуща способность изменяться по категориям наклонения, времени и лица; равным образом находит различные выражения и залоговая категория. Глагольная система языка ТРН отчетливо показывает выраженность указанных категорий.

Вопрос о разграничении сфер словообразования и словоизменения также представляет определенный интерес. Ряд тюркологов, в частности А.Н. Кононов, при описании глагольной системы исходят из понятия формообразования, которое противопоставляется понятию словообразования (Кононов 1956, 190). Вслед за Н.К. Дмитриевым и А.М. Щербаком (Дмитриев 1948, 132; Щербак 1961, 143, 163) в предлагаемой работе категории словообразования и словоизменения противопоставляются друг другу. Понятие же "формообразование", как синонимичное понятию "словоизменение", не использовано.

Вопрос о границе между словообразованием и словоизменением имеет не только теоретический, но и чисто практический интерес, поскольку описание форм глагольной системы сопряжено с правильным пониманием составных элементов глагольной конструкции и четкой сегментацией ее морфемной цепочки. Морфемы словообразования примыкают к корнёвой морфеме (jaγïla- Е 45_4 'воевать, сражаться' < jaγï 'враг'; qulad- КТб$_{13}$ 'делаться рабом' < qul 'раб, невольник'). Морфемы словоизменения примыкают к конечной части слова (jaγïladïm Е 45_4 'я воевал'; quladmïş КТб$_{13}$ '[народ] сделавшийся рабами'). Ч. Хоккет под показателями словоизменения рассматривает только морфемы спряжения и склонения (Hockett 1958, 209). Л. Блумфилд предлагает более сложный и неоднозначный подход к разграничению этих двух классов некорневых морфем. Показатели словоизменения могут следовать только за деривационными или словообразовательными морфемами, но никак не предшествовать им. Если словообразовательные морфемы приводят к возникновению новой единицы с новым лексическим содержанием, то словоизменительные морфемы могут выражать лишь определенные грамматические категории и отношения между лексическими единицами. Словоизменительные морфемы обычно замыкают слово, чего нельзя сказать про словообразовательные морфемы. Словоизменительные морфемы характеризуются той особенностью, что лексическая единица, к которой они присоединяются, не переходит из одного класса слов в другой, иными словами, сохраняет свой прежний статус части речи (Bloomfield 1964, 222).

Выраженные показатели наклонения, например императива, показатели времени и лица несомненно должны быть отнесены к сфере словоизменения. Глаголообразующие суффиксы типа +la-; +ad- и др. должны быть отнесены к сфере словообразования: во-первых, они образуют слова с новым лексическим значением, во-вторых, переводят образовавшуюся форму в результате наращивания суффиксов из разряда имен в разряд глаголов, в-третьих, за ними следуют суффиксы, принадлежащие к сфере словоизменения, например временны́е и личные показатели.

Сложнее обстоит дело с залоговыми показателями типа -n-; -t- и др.: bilin- Е 32_{16} 'сознавать, понимать' возвр. от bil-; bitit- Тон.$_{58}$ понуд. от biti- 'вырезать надпись; писать'. Подобно некоторым древним суффиксам типа -sa-, добавляемым и к глагольным корням-основам, они не переводят исходную форму в иной класс слов. И все же их следует отнести к сфере словообразовательных морфем, хотя они лишь модифицируют прежнее лексическое значение слова, которое, в свою очередь мотивированное семантическими признаками залоговых показателей, становится основой для наращивания словоизменительных суффиксов. Такой подход совпадает с мнением ряда тюркологов, включая Н.К. Дмитриева, А.М. Щербака и др.

Вкупе с другими причинами, видимо, в ряде случаев и большая удаленность залогообразующих морфем от исходной корня-основы (ибо между ними может инкорпорироваться, по крайней мере, одна морфема, с помощью которой от имен образуется глагол, ср. uruγsïrat- КТб$_{10}$ 'искоренять, прекращать род'), равно как и неспособность переводить форму, на которую они нанизываются, из одного класса слов в другой, наводит часть тюркологов на мысль относить залоговую категорию к формам словоизменения. Так, Н.А. Баскаков находит, что образование залоговой формы тесно связано с формообразованием глагола (Баскаков 1958, 104). Ф.Г. Исхаков и А.А. Пальмбах полагают, что суффиксы понудительного залога служат в тюркских и монгольских языках важнейшим средством глагольного формообразования (Исхаков, Пальмбах 1961, 274). А.А. Юлдашев считает, что с определенной точки зрения взаимный залог имеет некоторое отношение к словообразованию (Юлдашев 1958, 90). Подход этих авторов основан на иных критериях, нежели те, которые были упомянуты выше, и внимательный анализ их точек зрения должен стать объектом отдельного рассмотрения.

В поисках формальных разграничителей сфер словообразования и словоизменения привлекает внимание показатель отрицательной формы -ma-, -mä-, употреблению которого в глагольных конструкциях нами отведен самостоятельный раздел. Этот пока-

затель замечателен тем, что [illegible]дится на самом стыке морфем словообразования и словоиз[illegible]я. Вот ряд образцовых форм: täg-mä-dim КТм$_3$ «я не дошел»; una-ma-η Тон.$_{35}$ «не соглашайся»; bol-ma-zun КТб$_{11}$ «пусть не станет»; äšid-mä-dük БК С$_4$ «не слышащий [народ]»; basït-ma Тон.$_{34}$ «не дай себя одолеть!» (Кононов 1980, 184); tälin-mä-sär КТ$_{22}$ «если [земля] не разверзалась [под тобой]» и т.д.

В таком случае, действительно, в сфере словообразования окажутся не только глаголообразующие суффиксы, но и залоговые показатели (-t-; -n- и др.), а показатели наклонения, времени, лица, причастия отойдут в сферу словоизменения, где они и должны находиться по чисто формальным критериям. Что же касается самого показателя -ma-, -mä-, то представляется затруднительным отнести его со всей определенностью либо к сфере словообразования, либо к сфере словоизменения. Но тогда, равно как и другие критерии промежуточного состояния, остается рассматривать его в качестве суффикса, находящегося на стыке двух сфер — сферы словообразования и сферы словоизменения.

Язык ТРН свидетельствует о достаточной развитости глагольной словообразовательной системы, в главных своих чертах совпадающей с глагольной словообразовательной системой современных тюркских языков. Семантика словообразовательных суффиксов, с помощью которых глаголы образуются от имен, принципиально отличается от совокупности тех значений, которые привносятся залоговыми суффиксами, наращиваемыми на глагольную корень-основу. Словообразовательные морфемы, посредством которых глаголы образуются от имен, не привносят залоговых характеристик, усложняющих глагольную основу.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ГЛАГОЛОВ ОТ ИМЕННЫХ ОСНОВ

Словообразование глаголов от имен представлено определенными суффиксами. Только суффикс -la-, -lä обнаруживает исключительную активность, сохраняемую во многих тюркских языках и поныне. Неограниченная, в сущности, сочетаемость этого суффикса с исходны[illegible] формами сближает его в этом отношении со словоизмените[illegible]ыми суффиксами.

Взаимодействия [illegible]са, как и других, с основой обычны. Целесообра[illegible] главные значения, возникающие в результате с[illegible]уффикса с исходным именем, хотя некоторые иссл[illegible]жают скептицизм относительно такой попытки (с[illegible]58, 48 сл.). При характеристике семантического [illegible], образованных посредством этого суффикса, мо[illegible]ко[illegible]овать его меньшую содержательную разветвленность в сра[illegible], например, с тем, что наблюдается в современном лите[illegible]м узбекском языке, где А.Н. Кононов выделяет, по к[illegible]мера, семь подгрупп глаголов на +la-, +lä- в зависимости [illegible]рмации лексического значения, которую претерпе[illegible]ход[illegible] основа в процессе глагольного образования (см. [illegible]в [illegible], 247 сл.). Язык ТРН указывает на существенную [illegible]ере[illegible]рованность лексических значений, возникающих в р[illegible]ьтате взаимодействия этого суффикса с именной основой. Д[illegible]ференциация глаголов с +la-, +lä- в семантическом плане пойдет [illegible]двум линиям.

Большое число глаголов (п[illegible]группа) образуется в результате простой вербализации то[illegible]ического значения, которое присутствует в именной осн[illegible]ли именная основа значит, например, 'зима' — qiš, то п[illegible]дный глагол будет означать 'зимовать' — qišla- КТ$_{48}$; точно так же qïlïčla- КТ$_{45}$ 'поражать мечом' < qïlïč 'меч' и т.д.

+la-: tïŋla- 'слушать, прислушиваться' < tïŋ 'слушание': bu sabïmïn ädgüri ąšid qatïγdï tïŋla КТм$_2$ «эту речь мою хорошенько слушайте и крепко [ей] внимайте»; joγla- 'устраивать поминки, оплакивать' <joγ 'поминальный обряд' (ср. Кононов 1980, 235) : küli čurïγ joγlatï bädizin bädizti КЧ$_{24}$ «они устроили поминки по Кюли-Чуру и вырезали его изображение».

+lä-: sülä- 'воевать, ходить с войском, отправляться в поход' < sü 'войско, военный отряд': äčim qaγan birlä ilgärü jašïl ögüz šantuŋ jazïqa tägi sülädimiz КТ$_{17}$ «с моим дядею-каганом мы ходили войною на восток вплоть до Шантунгской равнины, [орошаемой] рекой Желтой»; ötlä- 'наставлять, советовать' < öt 'совет, назидание': täŋri bilgä qaγanta adïrïlmalïm azmalïm täjin anča ötlädim Oa$_3$ «'Да не отделимся мы от божественного Бильге-кагана и не совратимся', — так я поучал» (см. Малов 1959, 10).

В енисейских памятниках встречаются формы qatïγlan- Е 10$_7$ 'становиться крепким, стойким; проявлять стойкость; мужать' и qatlan- Е 42$_2$ 'быть мужественным; терпеть; мужаться'. Эти формы показывают, что деривация могла иметь место и в случае сочетания суффикса с адъективными основами, хотя не удалось с очевидностью установить, от какой именно основы возникло слово qatlan-, поскольку слову qat- присуща широкая омонимия (см. ДТС 1969, 432). Этот глагол синонимичен форме qatïγlan- с тем же значением, и не исключено, что в данном случае произошло выпадение слога -ïγ- (ср. Clauson 1972, 602); возможно также, что qatlan- явилось контаминированной формой, восходящей к глаголу qat-, который мог ассоциироваться с именной основой.

Небольшое число глаголов (вторая группа) с суффиксом +la-, +lä- характеризуется определенной семантической емкостью вследствие расширения значения по сравнению с первичной формой:

+la-: bašla- 'управлять, возглавлять' < baš 'голова', 'глава, предводитель, начальник': qïrq jïl ąl tutdum bodun bašladïm E 45_4 «сорок лет я управлял племенным союзом, был во главе народа»; qušla- 'охотиться (на дичь)' < quš 'птица', 'сокол для охоты': qušladačï bilgä tutuq joq E 48_5 «[вечно] готового охотиться (на дичь) мудрого тутука нет!»*

+lä-: äblä- 'женить; наделять жилищем, имуществом' < äb 'жилище, становище': äblädim oγlumïn qïzïmïn qaliŋsïz bąrtim C_6 «я наделил своих сыновей [при женитьбе] жилищем, своих дочерей я выдал [замуж] без выкупа»; järlä- 'осваивать, обживать' < jär 'земля', 'место', 'земля, страна': ärdäm üčün män järlädim E 28_1 «я освоил это место благодаря моей доблести».

Глаголы этой группы близко примыкают к глаголам, описанным в первой группе, поскольку содержание новообразованных форм и на этот раз тесно связано с содержанием именной основы, но для них характерна некоторая метонимичность и абстрагированность значения. Во всяком случае, семантический анализ глаголов с суффиксом +la-, +lä- показывает раннюю, относительно недифференцированную стадию сочетаемости словообразовательного форманта с именной основой, когда ее первоначальное значение всего лишь несколько модифицировано.

Характерно, что в рукописном памятнике «Гадательная книга» выделяется другая группа глаголов с морфемой +la-, связанная со значением 'кого-то или что-то родить'. Семантика производных основ и здесь диктуется содержанием исходной формы, ср.: qulunla- ThS II_7 'жеребиться, приность жеребенка' < qulun 'жеребенок'; urïla(n)- ThS II_9 'рожать мальчика' < urï 'сын, мальчик, юноша, мужское потомство' и др.

Т. Текин в качестве самостоятельного суффикса выделяет также форму +ra-, +rä-, например в словах qubrat- $КТм_{10}$ 'собирать' и qubran- $Тон._4$ 'собираться' (<*qub, ср. монгольское qubi 'часть, доля, порция', см. Tekin 1968, 109). Обычно эту форму рассматривают в качестве комбинаторного варианта суффикса +la-, +lä- (см. Clauson 1972, xlv; Кононов 1980, 117 сл.). Между тем форма +ra- — этимологически не совсем ясная форма и как вариант морфемы +la- в таблицу 1 включена чисто условно. Ср. еще пример из «Гадательной книги»: müŋrä- ThS II_{93} 'мычать, реветь' < muŋ 'нужда, забота; страдание, горе'. Нередко формант +ra-, +rä- встречается в глаголах звукоподражательного ряда, причем зачастую трудно установить именной характер основы, ср.: jaŋra- ThS II_{34} 'издавать звуки, произносить'; käŋrä(n)- ThS II_{34} 'звенеть, звякать'.

Другие словообразовательные суффиксы, которые будут представлены по алфавиту, вступают во взаимодействие с весьма ограниченным числом имен. Наиболее полный список этих суффиксов приведен Т. Текином (Tekin 1968, 108 сл.), правда, без сопроводительного анализа[1].

Суффикс +a-, +ä-, весьма распространенный в древнеуйгурском языке и в тюркских текстах более поздней стадии (см. Насилов 1963, 27; Brockelmann 1954, 218 сл.), в языке ТРН представлен весьма слабо. Этот суффикс придает новообразованной форме значение 'производить действие', соответствующее основному значению исходного имени:

+a-: sïγta- 'плакать, рыдать' < sïγït 'рыдание, плач', sïγtajoγla- парн. 'оплакивать': bunča bodun kälipän sïγtamïš joγlamïš $КТб_4$ «столько народов, придя, оплакивали [каганов]»; jaša- 'быть в возрасте...' < jaš 'год (о возрасте)': ol süŋüšdä otuz jašajur ärti $КТ_{42}$ «в том сражении ему было тридцать лет».

+ä-: ülä- 'делить' < *ül 'доля', 'часть' (см. Севортян 1974, 627 сл.): türk [boduniγ tą]rip ąl tutsïqïŋïn bunta urtïm jaŋïlïp üläsikiŋin jämä bunta urtïm $КТм_{10\,11}$ «я вырезал здесь (т.е. на этом камне), как вы, собрав тюркский народ, держали [воедино] племенной союз, как вы, заблуждаясь, распались (~ разделились), я также здесь вырезал»* (ср. Малов 1951, 28, 35). Ср. еще пример из «Гадательной книги»: örta(n)- ThS II_{14} 'гореть, пылать' < ört 'огонь'.

Анализ словообразовательной системы глагола в языке ТРН сопряжен как с трудностями прочтения надписей, интерпретирующихся различными исследователями неоднозначно, так и с трудностями этимологического характера. Эти задачи должны стать предметом специального рассмотрения и потому в отдельных случаях нами дается указание на решения, принадлежащие отдельным авторам, например тому же Т. Текину, который приводит пространный ряд самостоятельных прочтений текстов надписей (Tekin 1968, 231 сл.) и сегментации на грамматические элементы. В частности, Т. Текин коллекционирует и следующие формы с суффиксом +ä- (там же, 108): bädizä- 'рисовать, делать эскиз, украшать' в bädizät- < bädiz 'рисунок, изображение'; kürä- 'не покориться, стать непокорным' в kürägü < kür 'смелый, дерзкий, непокорный'.

В ограниченном числе примеров зарегистрирован суффикс +ad-, +äd-. После гласной основы, должно быть, употребляется

[1] Следует заметить, что при всех достоинствах монографии Т. Текина, содержащей интересные наблюдения при рассмотрении различных аспектов языка и во многих случаях дающей улучшенный вариант перевода орхонских текстов, книга этого тюрколога нуждается в дальнейших уточнениях с точки зрения сугубо лингвистической.

вариант +d-. Однако не исключено, что в нижеприведенной форме ($КЧ_5$) целесообразнее восстановить суффикс +[t]-, который в этом случае следует признать результатом ассимилятивных изменений на стыке глаголообразующего показателя и формы на -tuq, когда происходит не только уподобление обоих дентальных, но и дегеминация:

+d-: jaγï[d]- 'становиться врагом' < jaγï 'враг': aγïr čoluγïn jaγï[d]tuqda $КЧ_5$ «когда [он] со своим доблестным семейством сделался врагом». Ср. еще форму jaγïd- в тюркской надписи руническим письмом — в памятнике в честь Моюн-Чура: basmïl jaγïdïp äbimrü bardï $МЧ_{28}$ «став врагами [нам], басмыли пошли на мое становище».

+ad-: buŋad- 'огорчаться, печалиться, быть озабоченным' < buŋ 'печаль, скорбь, страдание, тягость, забота': buŋadïp qaγan ... tämiš Тон.$_{26}$ «будучи озабоченным, каган ... сказал»; bašad- 'предводительствовать, быть во главе' < baš 'глава, предводитель, начальник': maŋa lisün taj säŋün bašadu bäš jüz ärän kälti БК $Ю_{11}$ «во главе с Ли-сун Тай-сенгуном ко мне пришло пятьсот мужей».

+äd-: küŋäd- qulad- парн. 'становиться рабынями и рабами' (küŋäd- < küŋ 'рабыня, служанка'): qaγansïramïš bodunïγ küŋädmiš quladmïš bodunïγ $КТб_{13}$ «народ, лишившийся [своего] кагана, народ, сделавшийся рабынями и рабами». Ср. еще: jägäd- $БК_{36}$ 'улучшаться' < jäg 'хороший'.

В словаре Махмуда Кашгарского встречаются формы типа buqat- 'становиться быком' и atat- 'стать конем, вырасти [о жеребенке]'. Возможно, что именно этот вариант на +at- и имеется в енисейских памятниках, но сегментация словообразовательного суффикса затруднена из-за слияния его с последующим показателем прошедшего времени, ср.:

buŋusïz ulγatïm E 7_2 «я вырос без горя»;

oγlan toγdïm ärin ulγatïm E 29_1 «я родился мальчиком. Постепенно я стал героем-мужем» (Малов 1952, 57).

Дж. Клосон указывает на то, что с помощью этого суффикса образуются переходные и непереходные глаголы (Clauson 1962, 56), но приведенные здесь примеры говорят лишь о непереходном значении этих глаголов.

Суффикс +i-, +ï- дифференцируется в зависимости от характера корневых гласных исходной формы. По своей функции он сближается с суффиксом +a-, +ä- и +u-, +ü- (ср. там же, 155; Erimer 1969, 30 и др.).

+i-: biti- 'вырезать надпись, писать' < *bit (< китайское *pjĕt 'кисть для письма', ср. Севортян 1978, 156): bäŋgü taš toqïtdïm bitidim $КТм_{13}$ «я поручил воздвигнуть [этот] памятник и вырезал [на нем] надпись».

+ï-: toqï- 'бить, разбивать, громить' < toq (звукоподражательное слово): toquz ärig ägirä toqïdï' $КТ_{46}$ «девять мужей он, окружив, разбил». Ср. еще: jorï- Тон.$_{23}$ 'идти, ходить, передвигаться' < *jor, ср. jorčï (Brockelmann 1928, 94).

Суффикс +ik-, +ïq-, +uq- / +g-, +γ- встречается в весьма ограниченных случаях. Дж. Клосон считает, что +Λk-[1] образует непереходные глаголы или глаголы с пассивным значением (Clauson 1962, 156). К. Брокельман, вслед за В. Бангом и Г. Рамстедтом, отмечает способность суффикса +ik-, +ïq- взаимодействовать не только с именными основами, но и с глагольными (Brockelmann 1954, 218).

К разряду суффикса +Λk- относятся и элементы +g-, +γ-, засвидетельствованные в формах ičgir- и bošγur-. В этих формах к глаголообразующему +g-, +γ- присоединяется понудительный -Λr- (ср. там же, 206), тем самым придавая глагольной основе переходное значение[2]. Если даже залоговый -Λr- в структуре +gir-, +γur- является застывшей формой, то и в таком состоянии он сохраняет свою морфологическую значимость, сказывающуюся на общем содержании слова:

+ik-: ičik- 'покоряться, подчиняться' (досл. 'направляться внутрь') < ič 'внутренность': tabγačqa jana ičikdi Тон.$_2$ «он снова подчинился табгачам». Ср. еще: birik- $КТ_{27}$ 'соединяться, объединяться' < bir 'один'.

+ïq-: taγïq- 'подниматься, взбираться (на гору)' < taγ 'гора': balïqdaqï taγïqmiš taγdaqï inmiš $КТб_{12}$ «жители городов поднялись в горы, а жители гор спустились [вниз]». Ср. еще: tašïq- Тон.$_{30}$ 'выходить, выступать, отправляться в поход' < taš 'наружная, внешняя сторона'.

+uq-: joluq- 'встречаться' < jol 'дорога': sizimä joluqajïn E 10_{10} «встречусь-ка я с вами». Ср. еще пример из памятника в честь Моюн-Чура: bir jägirminč aj säkiz jägirmikä jiluqdïm $МЧ_{25}$ «восемнадцатого [дня] одиннадцатого месяца я встретился [с ними]».

+g-: ičgir- 'подчинять' понуд. от ičik- 'покоряться, подчиняться' (досл. 'направляться внутрь'), т.е. < *ič+ik-ir-, иными словами, +g- здесь восходит к суффиксу +(i)k- (ср. аналогичное положение в последующем примере при трансформации -q- > -γ-): arqïš ïdmaz täjin sülälim ... ičgirtim $БК_{25}$ «так как он не посылал караваны с данью, я пошел с войском... и подчинил [его]».

[1] Λ — символ гласной фонемы.

[2] Ср. обратную картину в образованиях с формантом +lan-, где одна из функций -n- заключается в превращении переходных глаголов в непереходные.

С.Е. Малов и др. в этом месте читают ičgärtim (Малов 1959, 16), что, в сущности, вполне допустимо, но в таком случае меняется возможность сегментации понудительного форманта -ir- на -är-.

+γ-: bošγur- 'учить, наставлять'. Несомненность понудительности -ur- подтверждается противопоставлением основ bošγur- и bošγun- МК 'учиться, обучаться'. Удобнее думать, что bošγur- < *boš+[u]q-ur-, хотя в данной форме не совсем ясна семантическая нагрузка исходной *boš[1]: türk bodun ölsikig anta aj̈ïγ kiši anča bošγurur ärmiš КТм$_7$ «тюркский народ, [это была] твоя погибель, [ибо] там дурные люди так наставляли [тебя]» (ср. Мелиоранский 1899, 62)[2].

На примере глаголов, встречающихся в языке ТРН, действительно может сложиться впечатление, что суффикс +Λk- употребляется с пространственным значением (ср. Насилов 1960, 21). Однако примеры из более поздних текстов, интерпретированные, в частности, К. Брокельманом и авторами ДТС (Brockelmann 1954, 218; ДТС 1969, 660), расширяют семантику рассматриваемого показателя. Одним словом, значение, которое он придает новообразованному глаголу, можно охарактеризовать так: с помощью этого суффикса образуются глаголы, означающие приобретение качеств или вхождение в сферу, обозначаемую лексическим содержанием исходного имени.

Суффикс +kä-, +qa- / +gä-, +γa- (ср. Clauson 1962, 155 сл.) встречается редко и сопряжен с особыми трудностями сегментации.

+kä-: kükä- 'приобретать известность, славу, стать известным' < kü 'известность, репутация' (Tekin 1968, 108): alpï ärdämi anta kükädi КЧ$_4$ «его геройство и доблесть там прославились» (ср. там же, 293).

+qa-: Дж. Клосон, А. фон Габэн, авторы ДТС и др. анализируют глагол jarlïqa- КТм$_9$ 'соизволить', 'приказывать, повелевать' — в отличие, например, от В.М. Насилова, А.Н. Кононова и др. (Насилов 1960, 21; Кононов 1980, 116: jarlïq +a-) — как jarlïγ +qa- (Clauson 1962, 156; von Gabain 1950, 68; ДТС 1969, 661). Правильность такой точки зрения все еще нуждается в дополнительной аргументации.

[1]А.Н. Кононов предполагает, что, может быть, *boš — окающий вариант слова baš 'голова', 'начало' (Кононов 1980, 180).

[2]Ср. форму tašïγïr- (< *taš+ïq-ïr-) понуд. от tašïq- 'выходить, выступать, отправляться в поход'. Она зарегистрирована в тюркской надписи в честь Моюн-Чура: čikig tašïγïrïŋ tämiš МЧ$_{22}$ «он сказал: 'Заставьте чиков выйти [из союза]'». Т. Текин, например, вместо ičgir- или tašïγïr- дает формы ičgär- и tašγar-, выделяя в них сегмент -gär, -γar как единый глаголообразующий показатель, указывая при этом на родство суффиксов +q-/+k- и +γar-/+gär- (см. Tekin 1968, 108).

+gä-: ämgät- tolγat- парн. 'мучить'. Здесь ämgät- понуд. от ämgä- 'мучиться' < *äm 'лечебное средство, лекарство' (ср. Tekin там же): igidiŋ ämgätmäŋ tolγatmaŋ БК С$_6$ «'Возвышайте и не мучайте!'»* Ср. еще kärgäk bol-: kärgäk 'конец' <*kärgä- ~ *kirgä- 'кончаться' < *kir 'край', 'граница', 'конец' (ср. kärgät- Chuast. 'ограничивать', Малов 1951, 393): kül tägin kärgäk boltï КТ$_{50}$ «Кюль-Тегин скончался (досл. пределом стал)»[1].

+γa-: ämgät- tolγat- парн. 'мучить'. Здесь tolγat- понуд. от tolγa- 'сдавливать, схватывать (о резких болях в животе)' < *tol 'схватки, схватка': igidiŋ ämgätmäŋ tolγatmaŋ БК С$_6$ «'Возвышайте и не мучайте!'»*.

Суффикс +sïra-, +sirä- является составным. По А. фон Габэн, +sïra- < +sïr+a- или +sïz+ra- (von Gabain 1950, 68)[2].

В плане значения этого суффикса образуются глаголы, указывающие на лишенность того, что обозначено в исходном имени:

+sïra-: qaγansïra- 'лишиться кагана' < qaγan 'каган, верховный правитель, главный хан': jäti jüz är bolïp ä̈lsirämiš qaγansïramïš bodunïγ ... äčim apam törüsinčä jaratmiš КТб$_{13}$ «когда [у Эльтериша] стало семьсот мужей, он устроил по установлениям моих предков... народ, утративший [свою] племенную организацию и лишившийся кагана»; uruγsïrat- понуд. от *uruγsïra- 'искореняться, лишаться потомства' < uruγ 'род, потомство': türk bodun ölüräjin uruγsïratajïn tä̈r ärmiš КТб$_{10}$ «'Погубим-ка и искореним тюркский народ', — говорили [табгачи]»* (ср. Мелиоранский 1899, 66)[3].

+sirä-: ä̈lsirä- (КТб$_{13}$) 'лишаться племенной организации, племенного союза' < ä̈l 'племенной союз, племенная организация': täŋri jarlïqaduq üčün ä̈lligig ä̈lsirätmiš КТ$_{15}$ «по милости Неба он лишил народ, имевший племенную организацию, племенной организации».

В одном случае по изданному С.Е. Маловым тексту в честь Бильге-кагана (Малов 1959, 11) выделяется суффикс +ta- (ср. von Gabain 1959, 27):

[1]Примерно так переводил эту фразу В.М. Насилов на лекциях, читанных им в Институте Стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова. Ср. иной перевод А.Н. Кононова со ссылкой на О.Н. Туна: kẹrgäk bol- 'скончаться' (досл. 'стать нужным Небу-богу') (Кононов 1980, 119).

[2]Вслед за В.В. Радловым (см. Севортян 1962, 313) часть исследователей, например А.М. Щербак, Т. Текин, А.Н. Кононов и др., считают, что +sïra- < +sïr ~ +sïz+a- (Щербак 1961, 173 сл.; Tekin 1968, 110; Кононов 1980, 116).

[3]Ср. еще перевод Т. Текина «(китаец), по слухам, сказал: 'Я убью и искореню тюркский народ'» (Tekin 1968, 194). Авторы ДТС эту фразу переводят так: «говорил тюркский народ: 'Погублю и искореню [себя]'» (ДТС 1969, 615; ср. Малов 1951, 37; Кляшторный 1964, 25 сл.).

toqta- 'насытиться, насыщаться' < toq 'сытый': olurtuqïm öltäčičä saqïnïγma türk bäglär bod[un] ögirip säbinip toqtamï közi jügärü körti БК$_2$ «после того, как я воссел [на царство] подобно обреченному на гибель, скорбящие [когда-то] тюркские беки и народ, радуясь, смотрели "вверх" довольными (досл. насытившимися) глазами»* (ср. Clauson 1972, 915).

С.Е. Малов форму toqta- переводит как 'становиться, удержаться' (Малов 1959, 104), а Т. Текин, предпочитая в этом месте транслитерацию toŋta- (ср. Orkun 1936, 60), поясняет ее так: 'отвергать (предложение); унижать, подавлять, загнуть, отогнуть' (Tekin 1968, 110). В.М. Насилов дает форму tosta- (Насилов 1960, 57). Разумеется, при таком разночтении переводы данной фразы этих авторов неоднозначны. Любопытно, что авторы ДТС упомянутые основы, как и многие другие из разряда полемических, обходят своим вниманием.

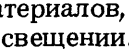
Суффикс +u-, +ü- засвидетельствован слабо, впрочем, как и в последующий период развития тюркских языков (ср. Brockelmann 1954, 215).

+u-: jaγut- понуд. от jaγu- 'приближаться, подходить'. Т. Текин скорее прав, когда полагает, что jaγu- < *jaγ, ср. МК 'рядом, близко' (см. Tekin 1968, 110): ïraq boduniγ anča .. jaγutïr ärmiš КТм$_5$ «они так приближали к себе... далекие жившие народы».

+ü-: törü- 'происходить, возникать, рождаться, появляться' < *tör 'род, отпрыск, потомок': kiši oγlï qop ölgäli törümiš КТ$_{50}$ «все сыны человеческие рождены, чтобы умереть»[1].

Т. Текин выделяет также и суффикс +rqa- в слове, которое, например авторами ДТС, интерпретируется иначе или не засвидетельствовано вообще:

toqurqa- 'считаться пресыщенным, сытым' в toqurqaq КТ Ю$_8$; БК С$_6$ < toq 'пресыщенный, сытый' (там же, 109).

Только в двух случаях исследователями отмечается суффикс +šur-, +šür- (см. Насилов 1960, 21), и оба глагола имеют значение враждебности и междоусобицы. Несмотря на недостаточность контрольных материалов, вопрос о данном показателе нуждается в специальном освещении. В самом памятнике вырезано kiŋsürt[ü]kin КТб$_6$. А. Вамбери дает käŋsür- (Vámbéry 1898, 31), П.М. Мелиоранский — käŋäšür- (Мелиоранский 1899, 65; ср. ДТС 1969, 299), К. Грёнбех — kiŋüšür- (Grönbech 1936, 122; ср. Tekin 1968, 110), а С.Е. Малов, А. фон Габэн и др. — kiŋšür- (Малов 1951, 29; von Gabain 1950, 250)[1]. В. Томсен, первый задумавшийся над этой формой, возводил ее к уйгурско-чагатайскому kängäš- 'советоваться', читая отрывок в тексте как kiŋäšür- (Thomsen 1896, 99, 142)[2]. А.Н. Кононов, опираясь на работы С.Е. Малова, Дж. Клосона и др., прослеживает следующую возможность трансформации этой формы: kęŋäšür- (~kiŋäšür-) > kęŋšür- (kiŋšür-) 'ссорить', 'вызывать вражду' < kęk (?kęŋ) 'вражда', 'ненависть', 'злоба' (Кононов 1980, 182).

Следует вообще заметить, что свободное варьирование š и s в рассматриваемых текстах наблюдается сплошь и рядом, ср., например, КТм$_{1-4}$-б$_{1-4}$ и др. Совпадение š и s объяснимо пренебрежением смыслоразличительными противопоставлениями этих фонем в речи авторов рунических надписей (ср. Трубецкой 1960, 29)[3]. Во всяком случае, без дальнейшей текстологической работы нельзя считать вопрос о kiŋšür- решенным, а его же связь со словом käg 'вражда' (см. Малов 1951, 394) вызывает новые сомнения в трансформации -g>-ŋ. Что касается формы joŋšur-, авторы ДТС рассматривают ее как производную форму от глагола joŋa- 'ябедничать, клеветать', полагая, таким образом, что joŋašur- не отыменное образование, а отглагольное, причем суффикс -šur- считают составным, выражающим значение совместно-понудительного залога (ДТС 1969, 272; ср. Кононов 1980, 170). Перевод данного отрывка в тексте остается и в этом случае принципиально тем же, но форма отыменного глагола отходит, следовательно, на задний план.

Таблица 1

Сводная таблица суффиксов, образующих глаголы от имен

Морфема	Алломорфа	Глагол	Исходная форма
+la-		tïŋla-	tïŋ
	/+ra-	qubrat-	*qub
	+lä-	järlä-	jär
+a-		jaša-	jaš
	+ä-	ülä-	*ül
+d-		jaγï[d]-	jaγï
	+ad-	bašad-	baš

[1] Т. Текин, например, +ü- отмечает только в приводимой им форме kiŋü- 'расшириться, стать широким' < kiŋsür- КТ В$_6$ (< *kiŋüsür-) 'проделать трещину между чем-нибудь' < *kiŋ 'широкий' (там же, 110). Такая сегментация формы kiŋü- (< kiŋ ~ käŋ) не вызывает сомнения, но связь этой формы с глаголом kiŋšür- КТб$_6$ требует дополнительных размышлений.

[1] С.Е. Малов предлагает также другой вариант: kiŋsür- (там же; ср. Tekin 1968, 233; Orkun 1936, 32).

[2] Другое написание В. Томсен читал, как joŋišur- и форму joŋiš- или joŋuš- возводил к уйгурскому joŋ- 'клеветать' (там же).

[3] К этому ср. Тенишев 1971, 289 сл.

Морфема	Алломорфа	Глагол	Исходная форма
	+äd-	jägäd-	jäg
+i-		biti-	*bit
	+ï	toqï-	toq
+ik-		birik-	bir
	+ïq-	taγïq-	taγ
	+uq-	joluq-	jol
/+g-		ičgir-	ič
	+γ-	bošγur-	boš
+kä-		kükä-	kü
	+qa-	jarlïqa- (?)	jarlïγ
/+gä-		ämgät- tolγat-	*äm
	+γa-	ämgät- tolγat-	*tol
+sïra-		qaγansïra-	qaγan
	+sirä-	ą̈lsirä-	ą̈l
+ta-		toqta-	toq
+u-		jaγut-	*jaγ
	+ü-	törü-	*tör

Проблема зависимости словообразовательных суффиксов от фонемной структуры исходной основы нуждается в дополнительном и разностороннем освещении, поскольку проблема в целом должна решаться с точки зрения выявления словообразовательного генезиса некоторых конечных согласных односложных и двусложных основ, равно как и с точки зрения последующего слияния ряда грамматических формантов с именной основой и утраты их словообразовательных функций (ср. Зайончковский 1961, 28 сл.; Рамстедт 1957, 147 сл.).

КАТЕГОРИЯ ЗАЛОГА

Категория залога отражает различные отношения между субъектом и объектом действия. Таких залогов в языке ТРН насчитывается пять: основной, возвратный, страдательный, взаимно-совместный и понудительный. В плане своих залоговых характеристик язык ТРН последовательно отражает возможные отношения субъекта к объекту действия или к самому действию. Основной залог передает действие или состояние, реализуемое субъектом действия, который выступает в качестве подлежащего.

Этот залог не получает внешнего выражения, иными словами, он оформлен нулевым показателем. Возвратный залог указывает на такое действие, которое исходит от субъекта действия и направлено на него же самого: jaγï bolïp ą̈tinü jaratunu uꞑaduq jana ičikmïš КТб$_{10}$ «став врагом и не будучи в состоянии создать что-нибудь для себя, он снова подчинился [народу табгач]». Страдательный залог указывает на действие, которое направлено извне на предмет или лицо: jäti ašnuqï äšim tašru ą̈tilti E 41$_2$ «семь первых моих дел были совершены вовне (т.е. за пределами страны)». Взаимно-совместный залог выражает действие, совершаемое взаимно или совместно двумя или несколькими субъектами: inim kül tägin birlä sözläšdimiz КТ$_{26}$ «мы поговорили с моим младшим братом Кюль-Тегином». Понудительный залог выражает действие, которое совершается его исполнителем при активном воздействии со стороны: bašlïγïγ jüküntürtimiz КТ$_{18}$ «имеющих головы мы заставили склонить [головы]».

За исключением основного залога, представленного нулевой формой, все другие залоги выражены сегментными морфемами, и в глагольной конструкции могут встречаться показатели нескольких залогов одновременно, причем за каждым залоговым показателем закреплен вполне определенный порядок в общем расположении морфем[1].

Относить ли суффиксы, выражающие залоговые значения, к сфере словообразования или к сфере словоизменения? Как отмечалось выше, демаркационная линия между показателями словообразования и показателями словоизменения проходит через отрицательную форму, и, следовательно, согласно этому критерию, залоговые форманты остаются в сфере словообразования. Следует, однако, заметить следующее: форма залоговых морфем в существенной мере зависит от фонемной композиции исходной основы и некоторых ее семантических характеристик, но, в отличие от морфем словообразования, в таких индоевропейских языках, как английский (black-ness 'чернота', fidel-ity 'верность'), немецкий (merk-en 'замечать', Merk-mal 'признак', merk-würdig 'странный') или русский (ход-ок, ход-ик-и, хож-ал-ый, ход-ов-ой, ход-ун), где появление нового слова со словообразовательными элементами рассматривается как неологизм и, таким образом, суффиксы словообразования обслуживают ограниченный список деривационных форм, залогообразующие суффиксы

[1] См., в частности, замечания Г. Глисона по поводу порядка словообразовательных и словоизменительных морфем в глагольной системе турецкого языка (Глисон 1959, 164 сл.). Квалификация же Г. Глисоном, например, показателей возвратности и пассивности в качестве морфем первого порядка, а показателей каузативности — в качестве морфем второго порядка нуждается в исправлении. Вероятно, порядки залоговых морфем в тюркских языках носят неустойчивый характер, ср., например, в узбекском (Кононов 1960, 197) и др.

в тюркских языках вступают с исходными основами в исключительно широкое взаимодействие, наподобие словоизменительных показателей. Правда, Н.К. Дмитриев, считая залоговые формы словообразовательными, делает вывод: целый ряд показателей залоговых характеристик служит причиной того, что в башкирском языке и тюркских языках вообще их следует отнести к сфере словообразования, а не к сфере словоизменения (Дмитриев 1948, 184). Однако утверждение Н.К. Дмитриева, что одновременное употребление в одной морфемной конструкции нескольких суффиксов (в данном случае суффиксов понудительности) заставляет рассматривать залоговые категории в качестве словообразовательных элементов, а не словоизменительных, нуждается в уточнении, поскольку в общем языкознании встречаются случаи, когда в одной и той же морфемной конструкции слова употреблены несколько показателей, например множественного числа, относящихся к сфере словоизменения, ср.: древнетюркское sizlär Tiš. 'вы', где очевидно наличие, по крайней мере, двух показателей мн.ч., из которых первый, +z, правда, утратил свою активность. Залоговые показатели, сведенные ниже в таблицу 2, сближаются с формами словоизменения по тем особенностям, что в семантическом плане они не столько создают новое лексическое значение, сколько модифицируют его. В отношении свободы своего употребления и в плане незначительных семантических смещений в процессе функционирования, суффиксы, выражающие залоговые значения, сближаются с суффиксами словоизменения, притом в большей степени, чем рассмотренные выше показатели, образующие глаголы от имен, хотя уже отмечалось, что, например, +la-, +lä- также на редкость широко взаимодействует с исходными формами.

Возвратный залог

Возвратный залог образуется посредством суффикса -n-, -ïn-, -in-, -un-. Освещение различных аспектов возвратного залога на материале языка ТРН тем более важно, что показатель -n- относится к числу древнейших суффиксов в тюркских языках (Рамстедт 1957, 176; Севортян 1962, 478).

-n: ban- 'повязать, привязать (себе)' < ba-: 'привязывать', 'обвязывать, повязывать': altunlïg käšig bälimtä bantïm E 3_2 «я повязал золотой колчан себе на поясницу»; san- 'считаться, пересчитываться' < sa- 'считать, подсчитывать': sanγalï tüšürtimiz Тон.$_{27}$ «чтобы пересчитать (ся), мы приказали остановиться».

-ïn-: saqïn- 'думать, размышлять' < saq- 'думать': inim kül tägin kärgäk boltï özim saqïntïm КТ$_{50}$ «мой младший брат Кюль-Тегин скончался, я же загрустил».

-in-: tälin- < täl- 'сверлить, дырявить, пробивать': üzä täŋri basmasar asra jär tälinmäsär КТ$_{22}$ «[в то время], когда не давит небо и не разверзается земля»; äšin- < äš- 'скакать, бежать': ašnuqï atlarïm äšintim E 41_4 «я ездил на опережающих конях» (Малов 1952, 74).

-un-: tutun- 'держать, хватать (для себя)' < tut- 'держать', 'брать, хватать': joqaru at jätä jadaγïn ïγač tutunu aγturtïm Тон.$_{25}$ «я заставил [воинов] подниматься вверх пешими, цепляясь за деревья и ведя [за собой] коней». Ср. еще: ạ̈tin- jaratun- КТб$_{10}$ < ạ̈t- jarat- парн. 'создавать, творить'.

В глаголе jükün- выделяется суффикс -ün-, наделенный, однако, в данном случае семантическим признаком медиальности: jükün- 'поклоняться, кланяться' < *jük- 'преклонять колени, опускаться на колени' (см. Севортян 1962, 414): qaγanqa qirqïz boduni ičikdi jükünti Тон.$_{28}$ «киргизский народ подчинился кагану, повиновался [ему]».

В семантическом плане глаголы с возвратным показателем в языке ТРН не ограничены сферой действия, благоприятного для действующего лица, как это наблюдается, например, в азербайджанском языке. Они сближаются с отмеченным Э.В. Севортяном употреблением в киргизском и хакасском языках (там же, 481), где грамматикализация семантически не ограничена и глаголы могут обозначать действие как благоприятное, так и неблагоприятное для действующего лица.

Выявление показателя возвратного залога в ряде случаев связано с особым положением, когда исследователь не всегда уверен, что, отделяя суффикс -n-, он не отнимает тем самым составного компонента той основы, которая, возможно, прошла процесс переразложения, и -n- превратился, в сущности, в корневой элемент. Если в такой форме, как bilin- E 32_{16} 'сознавать, понимать', и др. суффикс возвратного залога достаточно четко отделяется от основы, прежде всего потому, что исходные формы сохраняют свое употребление, то в других случаях дело обстоит не столь уж просто. Можно полагать, что в такой форме, как, например, qubran- Тон.$_4$ 'собираться', элемент -n-, сохраняя признаки залогового значения, внешне воспринимается как неотъемлемая часть глагольной основы, и требуется некоторое усилие, чтобы осознать, что является исторически реальной исходной формой (в данном случае — *qubra-, ср. qubrat- КТм$_{10}$ 'собирать').

Впрочем, в текстах ТРН удается проследить процесс "приклеивания" и ряда других формантов к основе, когда они еще воспринимались в качестве словообразовательных элементов, хотя уже имеются и серьезные тенденции к перемещению границы исходной корневой морфемы и переразложения основы (ср. Hoenigswald 1960, 42).

В языке ТРН наблюдается любопытный феномен, когда формы возвратного и страдательного залогов выступают в смежной

позиции в функции однородных членов предложения при одном и том же подлежащем, причем в семантическом плане почти невозможно усмотреть дифференциацию страдательного залога от возвратного:

jär saju bardïγ qop anta alqïntïγ arïltïγ КТм$_9$ «ты бродил по всяким землям, совсем при этом изнемог и изнурился»*.

Дифференциацию трудно усмотреть потому, что парн. глагол alqïn- arïl- наделен медиальным значением, иначе, формы -n- и -l- представлены в контаминированном виде.

В енисейских памятниках не раз отмечено одно и то же слово — перен. 'скончаться, умереть' в двух вариантах: adïrïn- и adïrïl- в совершенно одинаковом сочетании с другими словами, характеризующимися тождественным управлением:

tačamqa adïrïndïm E 32$_{14}$ «я отделился от Тачама»;

qujdaqï qunčujïmγa adïrïldïm E 6$_4$ «я отделился от находящихся в покоях моих принцесс»*.

Иными словами, в ряде случаев наблюдается частичная взаимозамещаемость суффиксов -n- и -l-, которые теоретически выражают смысл разных залогов. Вопрос этот нуждается в дополнительном освещении: вероятно, параллелизм обоих суффиксов объясняется тенденцией к перераспределению функциональных свойств в пользу среднезалогового содержания.

В енисейских текстах, где только что усматривалась ограниченная взаимозамещаемость суффиксов -n- и -l-, встречается и форма adïr-:

altï jašïmta qaη adïrdïm bilinmädim üč äčimä jïta adïrdïm E 32$_{16}$ «шести лет я пережил смерть отца (досл. отделил отца) и не осознал [этого], о горе, я пережил смерть своих трех старших братьев».

Так как в этом месте идет речь о смерти отца и трех старших братьев усопшего, захороненного под памятником с Уйбата, то становится ясно, до какой степени последовательно дифференцировались формы adïr- и adïrïn- или adïrïl-: в первом случае имеется в виду 'отделение' кого-либо (в смысле смерти последнего), а во втором и третьем случаях 'отделение' предполагает смерть самого героя эпитафии.

Никто из тюркологов не отрицает наличия возвратного залога в тюркских языках, но исследователей больше интересует этимология этого суффикса, нежели сопоставление его с формой страдательного залога. Так, ряд авторов, например А.Н. Кононов, с известной долей вероятности возводят его к "местоименному n" (Кононов 1956, 194). Мнение Г. Рамстедта, что возвратный -n- (< -ni-) первоначально являлся как отыменным, так и отглагольным суффиксом (Рамстедт 1957, 151 сл.), косвенно усиливает эту гипотезу. А.М. Щербак отмечает раннюю дифференциацию формы на -l- как показателя страдательного залога и формы на -n- как показателя возвратного залога (Щербак 1961, 167),

причем неизвестно, как и когда произошла специализация этих форм в их общепринятом значении. Хотя у А.М. Щербака нет такого утверждения, из его слов все же можно сделать вывод, что в какой-то период истории тюркских языков возникла дифференциация форм, до того времени не имевшая места вообще. Однако думается, что в процессе развития тюркских языков происходило не расщепление одной и той же формы на два различных варианта, каждый из которых приобретал или приобрел свои собственные грамматико-семантические функции, а наоборот — частичное их слияние.

Страдательный залог

Для выражения страдательного залога в языке ТРН употребляется суффикс -l-, -il-, -ïl-, -ül-, а после основ с конечной гласной или плавным l — варианты -n-, -ïn-. Выше, в разделе о возвратном залоге, отмечалось и следующее: рефлексивная форма и форма пассива на базе медиальной ориентации в ограниченных случаях употребляются не только в смежной позиции, но и в частичном замещении. Однако особенность страдательного залога заключается не только в большой близости к возвратному залогу, в связи с чем можно, действительно, говорить о постепенной стабилизации общего возвратно-страдательного залога (ср. Баскаков 1952, 110), но и в той же категории безличности, которая при ярко выраженной бессубъективности действия отличает глаголы страдательного залога в семантическом плане.

Вот ряд примеров с показателем страдательного залога:

-l-: tasul- (?) 'подниматься (?)'. Т. Текин в данной форме -l- считает показателем страдательного залога (Tekin 1968, 115) и, по его утверждению, tasul- 'быть несомым кем-либо, тащимым' < *tašu- < *taš 'вне, с внешней стороны' (там же, 110):[1] [bo]dun anta bärmäziηä tasul[miš] O$_8$ «народ тогда поднялся, чтобы не отдать его [врагам]».

-ïl-: adïrïl- 'быть отделенным' < adïr- 'разделять, отделять друг от друга; разлучать': udačïna barsïm adïrïlu bardï E 28$_7$ «по его могуществу мой Барс был отдален» (см. Малов 1952, 54; Васильев 1983, 64, 102; Кляшторный 1976, 261). Ср. еще пример из памятника в честь Моюн-Чура: qatïl < qat- 'присоединяться, соединяться, вмешиваться': qan süsi ... qatïltïm МЧ$_7$ «я столкнулся ... с ханским войском» (Малов 1959, 39).

-il-: ätil- 'совершаться, делаться' < ät- 'совершать, создавать, строить': jäti ašnuqï äšim tašru ätilti E 41$_2$ «семь первых моих дел были совершены вовне (т.е. за пределами страны)».

[1] Между тем форма tasul- хотя и встречается в дефектном абзаце Онгинской надписи, тем не менее такая ее сегментация требует проверки, ср., например, у В.В. Радлова: tasulmïš [tasïqmïš (?)] (Radloff 1895, 249).

-ül-: tüzül- < tüz- 'приводить в порядок; наводить порядок, устраивать, улаживать' (ср. ДТС 1969, 603) : bu järdä ilurïp tabγač bodun birlä tüzültim КТм$_5$ «в этой стране, засев (т.е. основавшись), я связал свою жизнь [и жизнь народа] с народом табгач» (Малов 1951, 34)[1].

-n-: boγuzlan- 'быть умерщвленным (задушенным, зарезанным)' < *boγuzla-: järči jär jaŋïlïp boγuzlantï Тон.$_{26}$ «проводник [так как он] сбился с пути, был зарезан»[2].

-ïn-: qïlïn- < qïl- 'делать, создавать': üzä kök täŋri asra jaγïz jär qïlïntuqda ąkin ara kiši oγlï qïlïnmïš КТб$_1$ «когда было сотворено вверху голубое небо и внизу бурая земля, между ними обоими были сотворены сыны человеческие».

Определенный интерес представляет пример с глаголом tąrïl- < tąr- 'собирать, копить', который в данном случае не мотивирован семантическим признаком страдательного залога, а наделен медиальным содержанием, ср.:

jarïš jazïda ön tümän sü tąrilti Тон.$_{36}$ «в Ярышской степи собралось десять тюменов войска».

Определенный интерес представляет также и то, что в тюркской надписи в честь Моюн-Чура зарегистрирован сложный суффикс -nïl- (< -n- + -ïl-) в форме bošanïl- МЧ$_{19}$ 'быть освобожденным' < bošan- от boša- (?). Ср. противоположное расположение -l- и -n- в формах типа käslin-, türlün- (Brockelmann 1954, 204).

Взаимно-совместный залог

Взаимно-совместный залог образуется посредством суффикса -š-, -iš-, -iš-. В семантическом плане глагольная основа с элементом -š- указывает либо на взаимное значение, когда имеет место взаимодействие субъекта и объекта действия, либо на совместное значение, когда речь идет о совместном действии двух или нескольких субъектов действия (Clauson 1962, 158) :

-š-: ögläš- 'вникать, рассуждать' < *ögläš- (< ög 'разум, мысль') : anča ögläšmiš öŋrä türk qaγanγaru sülälim tąmiš Тон.$_{20}$ «так они рассудили и сказали: 'Да отправимся мы в поход на восток против тюркского кагана'» (Малов 1951, 66). Ср. еще: sözläš- КТ$_{26}$ < sözlä- 'говорить, рассказывать'.

[1] Написание 𐰴𐰞𐰺𐰃𐰠tüz^lt[i]m исследователями читается и интерпретируется неоднозначно (ср. Thomsen 1896, 116; Radloff 1897, 151; Erimer 1969, 34 и др.). В частности, например, А. фон Габэн и Дж. Клосон полагают, что здесь читается tusul-, восходящий к tusu 'польза' (von Gabain 1950, 67; Clauson 1962, 156), а, по Т. Текину, tüzül- 'заключить мир' < tüz 'спокойный, в порядке, в ладу (с чем-либо)' (Tekin 1968, 109).

[2] Ср. еще пример из «Гадательной книги»: qunčuj urïlanmiš Ths II$_9$ «принцесса родила мальчика (досл. разродилась мальчиком)»*. Между тем в других случаях на стадии же языка ТРН суффикс +lan- представляет собой спаянный словообразовательный формант, где элемент -n- уже претерпел процесс скрещения, ср. qatïγlan- Е 10$_7$, qatlan- Е 41$_2$ и др.

-iš-: qačiš- 'разбегаться' < qač- 'убегать, бежать': ol qan joq boltuqda kąsrä ąl jïtmiš ïčγïnmiš qačïsmiš O$_1$ «после смерти того хана [люди, входившие в] племенной союз, исчезли, разбежались». Ср. еще пример из памятника в честь Моюн-Чура: qabïš- 'объединяться, соединяться, сходиться' < *qab(-) ~ *qav(-)[1], ср. qabšur- (Bang, von Gabain 1931, 16) 'соединять, складывать' понуд. от qabïš-: ïda qabïšalïm tąmiš МЧ$_{23}$ «В лесу давайте соединимся! — сказал он».

-iš-: bökiš- < bök- 'удовлетворяться, быть довольным, наслаждаться': sizimä buŋuma qujda qunčujïma bökišmädim E 59 СЗ$_2$ «вами, о горе мне, мои принцессы, находящиеся в покоях, я не насладился» (Щербак 1961а, 241; ср. Васильев 1983, 34. 71).

Специально надо отметить глагол süŋüš- 'сражаться, враждовать' < süŋü 'копье' > süŋüš 'сражение, война, драка на копьях'. В этих формах, действительно, совпадают суффиксы имени действия и взаимно-совместного залога[2]. Совпадение этих суффиксов можно объяснить общностью их происхождения. Вероятнее всего, они восходят к архаичному показателю числа +z/+s (ср. Кононов 1960, 188), иными словами, в данном случае налицо факт перехода словоизменительного суффикса именной системы в сферу словообразования именной и глагольной системы. Между тем, хотя для формы süŋüš- нет противопоставления с незалоговой глагольной основой, тем не менее в ней усматривается взаимно-совместное содержание действия:

ąkinti qušlaγaqda ädiz birlä süŋüšdimiz КТ$_{45}$ «во второй раз мы сразились с Эдизами при Кушлагаке».

Любопытно, что, например, в первом столбце восточной стороны памятника с тюркской надписью в честь Моюн-Чура глагол süŋüš- передает как взаимно-совместное значение действия, так и возвратное:[3]

[1] По-видимому, конечный согласный в этой односложной корне-основе, ныне не воспринимающийся в качестве самостоятельного компонента слова, носил словообразовательный характер. Если на одной из прежних стадий языковой диахронии он и ощущался как "приклеенный" к исходной основе-корню qa (- 'складывать, класть вместе, класть по порядку'), то с течением времени произошло перемещение границы корневой морфемы, которая вместе с новым согласным стала восприниматься на семантическом уровне как более или менее неделимая языковая единица.

[2] Как известно, еще В.В. Радлов утверждал адекватность суффиксов имени действия -š и взаимно-совместного залога -š- (Radloff 1897, 57 сл.; ср. Deny 1921, 540 сл.; Clauson 1967, 6 сл.).

[3] Использование показателя взаимно-совместного залога в возвратной функции отмечается и в «Гадательной книге», ср. примеры с формами ögüš- и öŋüš- в строках, свидетельствующих о ритмической и рифмующейся организации строк: toγan qušuŋ tïrŋaqï ögüšüpän qaliju barmiš tabïšγan tärisi öŋüšüpän jügärü barmiš ThS II$_{67}$ «когти сокола вцепились [в зайца], и он [сокол] поднялся ввысь. Шкура зайца полетела хлопьями ["залиняла"], а [сам заяц быстро] бежал» (Малов 1951, 89).

ạ̈ki jaŋïqa kün toγuru süŋüṣ̈dim МЧ$_{13}$ «во второй день я сражался при восходе солнца».

Понудительный залог

Как в плане широкой разветвленности суффиксов, так и в плане тех семантических оттенков, которые придаются этими суффиксами глагольному корню-основе, понудительный залог в языке ТРН является более или менее разнообразным и сложным, хотя есть мнение о семантической однородности форм понудительного залога в таких, например, языках, как азербайджанский (Севортян 1962, 512). О многогранности семантики понудительного залога в древнетюркских текстах говорит А.М. Щербак, напоминающий, что помимо понудительного значения эти формы могут приобретать еще и значения пожелания, позволения и даже страдания (Щербак 1961, 169).

По вопросу о лексико-грамматическом значении форм понудительного залога в тюркологии имеется обширная литература. По общепринятой трактовке, понудительный залог служит для образования переходных глаголов от непереходных, а от переходных глаголов образует каузативную форму (Севортян 1962, 521; Баскаков 1952, 339). Н.К. Дмитриев рассматривает понудительный залог как специфическую грамматическую форму тюркских языков, благодаря которой язык может выражать подчинение основного субъекта действия другому или другим логическим субъектам, причем этих вторичных субъектов теоретически может быть сколько угодно (Дмитриев 1948, 181). Возможно, что широкое употребление форм понудительного залога находится в тесной связи с состоянием форм страдательного залога, где субъект действия обычно не выражен: как отмечалось выше, формы страдательного залога обнаруживают тенденцию сливаться с формами возвратного залога, подчеркивая этим свою малоразвитость, что никак нельзя сказать про формы понудительного залога, где субъект, побуждающий к действию, может быть либо выражен, либо не выражен.

В языке ТРН встречаются следующие суффиксы понудительного залога, выступающие непосредственно после глагольного корня или основы, могущей включать в себя различные словообразовательные элементы: -t-/-d-, -ït-, -it-; -tur-, -tür-//-tïz-; -r-, -ïr-/-ïz-, -ir-, -ur-, -ür-; -gür-.

Суффикс -t- является едва ли не единственным, употребляемым после основ с конечным гласным или -r-, -š[1].

-t-: artat- 'приводить к гибели, разрушать, уничтожать' < arta- 'разрушаться, нарушаться', 'пропадать, погибать': türk bodun ạ̈liŋin törüŋin kim artatï [udačï ärti] КТ$_{22}$ «тюркский народ, кто мог уничтожить власть твою!»* joritˇ- 'приводить в движение, заставлять идти' < jorï- 'идти, ходить, передвигаться': ol sabiγ ạ̈šidip sü joritˇdïm Тон.$_{35}$ «услышав те слова, я двинул войско в поход».

-r: jügürt- < jügür- 'бежать': tögünlig atïγ jügürtmädˇim Тон.$_{54}$ «я не устраивал набеги на клейменных конях»;

-š: qamašt- перен. 'довести до изнеможения' < qamaš- перен. 'становиться невмоготу': törtinč čuš bašïnta süŋüšdimiz türk bodun adaq qamaštdï КТ$_{47}$ «в четвертый раз мы сразились в верховьях Чуши, тюркский народ довел [себя переходами] до изнеможения».

В Онгинском памятнике, например, встречается и озвонченный вариант -d-:

toqïd- < toqï- 'бить, разбивать, громить': toqïdtïm jïγdïm basdïm Оа$_1$ «я победил, повалил, раздавил» (Малов 1959, 10).

Суффикс -ït-, -it- располагается после основ с конечным согласным, причем после полугласного -j, возможно, следует также вариант -id-:

-ït-: basït- 'быть покоренным, разбитым, поверженным' (ДТС 1969, 86), 'допустить себя подавить' (Малов 1951, 369) < bas- 'давать', 'подавлять, преодолевать', 'нападать': jälmä qaraγu ädgüti urγïl basïtma Тон.$_{34}$ "хорошо расставь [отряды] разведки и дозоры, не дай себя одолеть!" Ср. еще пример из памятника в честь Моюн-Чура: jaratït- < jarat- 'создавать, творить': bälgümin bitigim anta jaratïtdïm МЧ$_{20}$ «там я велел сделать (т.е. выбить на камне) мой знак и мои письмена »;

-j: ajïd- понуд. (?) от aj- 'говорить, рассказывать; разъяснять, толковать': bögü qaγan baŋaru anča ajïdmiš Тон.$_{34}$ «так велел передать мне Бегю-каган». Ср. форму ajït- в памятнике в честь Моюн-Чура: tatariγ ajïtdïm МЧ$_{20}$ «татар я призвал к ответу».

-it-: äŋit- < äŋ- 'гнуть, сгибать': jaš äš ač bän äŋitdim Е 94 Ю$_1$ «молодого Эш Ача я заставил склониться (~подчиниться)!» (Васильев, Кляшторный 1973, 110; см. Васильев 1983, 41, 75). Ср. еще пример из памятника в честь Моюн-Чура: ạ̈tit- < ạ̈t- 'совершать, создавать, строить': aqšïraq ordu ögin anta ạ̈titdim МЧ$_{20}$ «я повелел построить там белый (досл. беловатый) дворец и престол».

Суффикс -tur-, -tür- сочетается с одно- или двухсложной глагольной основой с согласным на конце и передает значение, где в одних случаях подлинный субъект действия участвует в самом действии, понуждая его исполнителя выполнять действие, обозначенное исходной глагольной основой (jantur-, kältür-). В других случаях субъект действия приказывает или повелевает исполнителю произвести действие, обозначенное исходной глагольной основой (urtur-, bintür-), причем сам может и не принимать в нем участия. Однако абсолютного разграничения между

[1] К конечному -r присоединяются также суффиксы -tur- и -gür-.

двумя этими значениями, придаваемого данным суффиксом понудительного залога, провести нельзя.

-tur-: jantur- 'возвращать' < jan- 'возвращаться': anta janturtïmïz Тон.$_{45}$ «мы заставили их вернуться оттуда»; urtur- < ur- 'выбивать, вырезать': aŋar adïnčïγ bädiz urturtïm КТм$_{12}$ «я поручил им построить особое здание, внутри (досл. внутренность) и с внешней стороны (досл. внешность) я велел покрыть [его] особой резьбой».

-tür-: bintür- < bin- 'садиться верхом': at üzä bintürä qarïγ sökdim Тон.$_{25}$ «приказав сесть на лошадей, я проложил себе дорогу через снег»; kältür- 'приводить, доставлять' < käl- 'приходить': bu türk bodunqa jarïqlïγ jaγïγ kältürmädim. Тон.$_{54}$ «к этому тюркскому народу я не приводил врагов, облаченных в кольчуги».

В ряде случаев выделение этого суффикса сопряжено с несомненными трудностями, поскольку не всегда ясно, присоединяется ли рассматриваемый суффикс к глагольной основе или же к глагольной основе, оканчивающейся, в свою очередь, согласным t, являющимся либо конечным элементом первичной глагольной основы, либо суффиксом понудительного залога, на который и нанизывается вторичный суффикс понудительности -r- (ср. von Gabain 1950, 83). Именно поэтому расходятся, например, авторы ДТС и Т. Текин в сегментации таких образований, как kötür- 'поднимать'[1] < köti-r- (ДТС 1969, 320)/< *kö-tür- (Tekin 1968, 117); irtür- 'вести, проводить' < irt-ür- (ДТС 1969, 182, 212)/< ir-tür- (Tekin там же).

В единственном случае выделяется вариант tïz-:

altïz- < al- 'брать, взять': ąkisin özi altïzdï КТ$_{38}$ «двух из них он сам дал взять (?) (т.е. потерял)»[2].

Суффикс понудительного залога -r-, присоединяемый к основе на гласном, в других случаях, в зависимости от фонемной композиции исходной глагольной основы, может выступать в вариантах -ïr-, -ir-, -ur-, -ür-, причем -ir- встречается весьма ограниченно и находится в свободном замещении с -ür-, реже, с -tür- (ср. kälir-, kältür- и kälür-). В этих показателях усматривается наличие трех рядов — -r-/-ïr-/-ur-, и по широкой встречаемости ряд -ur-, -ür- перекрывает все другие суффиксы понудительного залога, за исключением вышерассмотренного -t-:

-r-: kötir- 'возвышать' < köti- 'подниматься' : qaŋïm qaγanïγ ögim qatunïγ kötirmiš täŋri КТ$_{25}$ «Божество, возвысившее моего отца-кагана и мою мать-катун».

[1] По-видимому, здесь все-таки не kötür-, а kötir-, ср. устойчивость конечного i, например в деепричастной форме kötijü (см. von Gabain 1935, 161).

[2] Ср. перевод А.Н. Кононова: «двоих из них он сам позволил взять (~ отпустил = не сумел взять!)» (Кононов 1980, 181).

-ïr-: adïr- 'разделять, отделять друг от друга; разлучать' < ad- ~ at- перен. 'отгонять, прогонять' (ср. Clauson 1972, 66) : altï jašïmda qaŋ adïrdïm E 32$_{16}$ «шести лет я пережил смерть отца (досл. отделил отца)».

-ir-: ičgir- 'подчинять' < ičik- 'покоряться, подчиняться' (досл. 'направляться внутрь') : arqïš ïdmaz täjin sülädim ... ičgirtim БК$_{25}$ «так как он не посылал караваны с данью, я пошел с войском ... и подчинил [его]». Ср. еще пример из тюркской надписи в честь Моюн-Чура: kälir- < käl- (см. kälür-): qara jotalïq käčip kälirti МЧ$_{27}$ «[их] переправили через Кара-Йоталык».

-ur-: jaratur- < jarat- 'создавать, творить': aŋar adïnčïγ barq jaraturtïm КТм$_{12}$ «я поручил им построить особое здание». Ср. еще пример из памятника в честь Моюн-Чура: toγur- 'заставлять подниматься, восходить (о светилах)' < toγ- 'восходить (о светилах)': ąki jaŋïqa kün toγuru süŋüšdim МЧ$_{13}$ «во второй день я сражался при восходе солнца».

-ür-: ölür- < öl- 'умирать': toquz älig jašda toquz altmïš är ölürmiš E 48$_3$ «в сорок девять лет я (?) убил пятьдесят девять мужей»; tägür- 'доводить' < täg- 'доходить, достигать': šanduŋ [balïqqa] taluj ö[güzk]ä tägürtim Тон.$_{19}$ «я довел [войско] до [города] Шандуня и до большой реки». Ср. еще: kälür- Тон.$_{17}$, БК Ю$_{11}$ 'приводить', 'приносить, привозить, доставлять' < käl- 'приходить'.

В качестве фонетического варианта суффикса -ïr- выделяется форма -ïz-, непосредственно следующая после глагольной основы с конечным -d:

-ïz-: udïz- < ud- 'следовать, присоединяться': ötükän jïšγaru udïztïm Тон.$_{15}$ «я заставил [войско] следовать к Отюкенской черни»[1].

К суффиксам понудительного залога относится и суффикс -gür-, встречающийся после конечного -r глагольной основы[2]. Он является сложным образованием и представляет собой слияние мертвой для стадии языка ТРН морфемы -g- и активного форманта -ür-:

-gür-: kigür- 'вводить', 'вносить, доставлять' < kir- 'входить, проникать внутрь чего-л.'. В форме kigür- скорее всего

[1] Ср. также в «Гадательной книге»: utuz- 'проигрывать' < ut- 'побеждать, выигрывать': oγlïn kišisin utuzmaduq jana toquz on boš qoj utmïš ThS II$_{44}$ «не проигравший [имущество] и сына и жены (т.е. имущество, принадлежащее семье), он еще выиграл девяносто пасущихся на воле (?) баранов». Следует заметить, что авторы ДТС начало данной фразы переводят так: «не проиграв сына и жену...» (ДТС 1969, 619; ср. Малов 1951, 88).

[2] Как уже отмечалось, к конечному -r, помимо рассматриваемого суффикса, присоединяется только -t- и -tur-, но не -Λr-. Возможно, именно такой тенденцией к разуподоблению или же возведению двухконсонантной перегородки (ср. urtur- КТм$_{12}$) объясняется трансформация *kirgür- > kigür-.

имеет место опущение конечного -r глагольной основы на стыке с -gür-, нежели присоединение последнего к основе *ki-, как предполагает, например, Т. Текин (Tekin 1968, 115): jaŋa äbiŋä süŋüš kigürti КЧ$_{20}$ «еще до [своего] дома довел войну» (Малов 1959, 29).

В тюркской надписи в честь Моюн-Чура встречается и вариант -γur-:

turγur- < tur- 'жить, обитать': qara igil boduniγ joq qïlmadïm ... qïjïn ajdïm turγuru qo[d]tïm МЧ$_{14}$ «простой народ я не уничтожил... только назначил наказание и оставил жить».

Таблица 2

Сводная таблица залоговых показателей

Залог	Морфема	Алломорфа	Залоговая основа глагола
Основной	∅		al-; udï-
Возвратный	-n-		ban-
		-ïn-	saqïn-
		-in-	tälin-
		-un-	tutun-
Страдательный	-l-		tasul- (?)
		-ïl-	adïrïl-
		-il-	ätil-
		-ül-	tüzül-
	-n-		boγuzlan-
		-ïn-	qïlïn-
Взаимно-совместный	-š-		sözläš-
		-iš-	qačïš-
		-iš-	bökiš-
Понудительный	-t-		joriït-
		/-d-	toqïd-
		-it-	basït-
		/-id-	ajïd- (?)
		-it-	äŋit-
	-r-		kötir-
		-ïr-	adïr-
		/-ïz-	udïz-
		-ir-	ičgir-

Залог	Морфема	Алломорфа	Залоговая основа глагола
		-ur-	jaratur-
		-ür-	ölür-
	-tur-		jantur-
		-tür-	bintür-
		-tïz-	altïz-
	-gür-		kigür-

К вышеизложенному можно добавить следующее. Суффиксы -tur-, -tür- и -tïz-, равно как и -gür-, являются составными: -tur-/-tür- < -t- + -ur-/-ür-; -tïz- < -t- + -ïz-; -gür- < -g- + -ür-. В свою очередь -ïz- < -ïr- (ср. Кондратьев 1970, 25). В этих образованиях явно проступают элементы -t-, -r-, -g-, которые и следует признать древнейшими показателями понудительности.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА

Наряду с синтетическими глаголами, описанными в предшествующем изложении, в языке ТРН выделяются и два вида аналитических глаголов: 1) сочетание имени и глагола; 2) сочетание деепричастной формы глагола и глагола-модификатора. Аналитические образования первой группы в дальнейшем будут называться сложно-отыменными, а второй группы — сложно-вербальными.

В сложно-отыменной группе в качестве второго компонента выступают глаголы bol- 'становиться' и qïl- 'делать'. Посредством bol- образуются непереходные глаголы, а посредством qïl- — переходные глаголы. Не совсем только ясно, в какой степени правомочно выделять компонентом сложно-отыменных образований глагол är- 'быть, являться', выделенный, например, А.М. Щербаком в восточнотуркестанских текстах X-XIII вв. и в этой функции (см. Щербак 1961, 162).

Примеры с компонентом bol-:

qaγan bol- 'становиться каганом': anta käsrä inisi qaγan bolmïš КТб$_{4\text{-}5}$ «после этого каганами стали их младшие братья»;

qulïγ bol- 'стать рабовладельцем': ol ödkä qul qulïγ boltï КТ$_{21}$ «в то время рабы стали рабовладельцами»;

jaγï bol- 'становиться врагом': täŋri jär bulγaqïn üčün jaγï boltï КТ$_{44}$ «так как Небо и Земля пришли в смятение, он стал [нам] врагом» (см. Малов 1951, 42);

qarï bol- 'стареть, становиться старым': özim qarï boldìm Тон.$_{56}$ «сам я состарился».

Глагол bol- может взаимодействовать не только с ординарным именем, но и с двумя именами, выступающими в качестве парного слова:

küŋ qul bol- 'становиться рабынями и рабами': qaγanï ölti bodunï küŋ qul boltï КТ$_{20}$ «каган умер, [а] народ его стал рабынями и рабами» (см. Малов 1951, 39).

Глагол bol- может образовывать сложные глаголы как от субстантивов (qaγan) и адъективов (qarï), так и от форм, где трудно отделить субстантивность от адъективности (qulïγ, jaγï). Вместе с тем нет ни одного случая, в котором можно было бы усмотреть разрыв границы между сочетанием R + bol-[1].

Примеры с компонентом qïl-:

baz qïl- 'усмирить, замирить': qop baz qïlmïš КТб$_2$ «принудил всех к миру»;

baj qïl- 'сделать богатым': čïγaj boduniγ baj qïltïm КТм$_{10}$ «неимущий народ я сделал богатым»;

bulun qïl- 'захватить в плен': oγlïn kišisin bulun qï[ltï] КЧ$_5$ «его сыновей, его жен он пленил» (Малов 1959, 28).

Приведенные примеры с конструкцией R + qïl- показывают, что во всех случаях граница между именем и глаголом существует весьма условно, т.е. обладает той же характеристикой, что и сочетание R + bol-.

По мнению большинства исследователей, в частности и Т. Текина, фонетическим вариантом qïl- является форма qïs- (< qïš- ~ qïl-, см. Tekin 1968, 119). В основе такого подхода лежит принцип ламбдаизма — соответствия l ~ š.

Примеры с глаголом qïs- ~ qïš-:

özim-ök qaγan qïsdïm Тон.$_6$ «я сам принудил [его стать] каганом»;

üčägün qabïšïp sülälim anï joq qïsalïm Тон.$_{21}$ «объединившись втроем, отправимся в поход и уничтожим его»;

ol süg anta joq qïsdïmïz КТ$_{32}$ «то войско мы там уничтожили».

Обращает на себя внимание параллелизм ряда форм, ср.:

joq bol- БК$_{36}$ — joq qïs- Тон.$_{11}$ ~ joq qïš- БК$_{25}$;

qaγan bol- КТб$_5$ — qaγan qïs- Тон.$_6$;

qul bol- КТб$_7$ — qul qïl- БК В$_{20}$ (см. Tekin 1968, 119).

Выше указывалось, что в этих словосочетаниях отмечается нерасторжимое единство глагольного и именного компонентов — между ними, как правило, не вставляется какой-либо другой элемент, за исключением энклитической mu, ср.:

qaγan mu qïsajïn tądim Тон.$_5$ «[не] каганом ли [мне его] пожелать, говорил я [в сердце своем]».

[1] R — символ именной основы.

Примеры с глаголом är-:

ötükän jïšda jąg idi joq ärmiš КТм$_4$ «в Отюкэнской черни не было хорошего хозяина»;

bilgä qaγan ärmiš alp qaγan ärmiš КТб$_3$ «они были мудрыми каганами, они были мужественными каганами»;

qïrqïz qurïqan otuz tatar qïtaj tatabï qop jaγï ärmiš КТ$_{14}$ «кыргызы, куриканы, отуз-татары, кидане, татабы — все были [ему] врагами»;

jaγmïšï bän ärtim Тон.$_5$ «я был его приближенным (?)» (ср. Ross 1930/32, 38)[1].

В этих словосочетаниях стык между именем и глаголом är- существует вполне реально и, как видно на примере jaγmïšï bän ärtim, возможна инверсия с разрывом связи между именем (jaγmïšï) и глаголом (ärtim). Такое положение наводит на мысль, что глагол är- в сочетании с именами типа qaγan, jaγï и т.д. закономерно рассматривать не в качестве компонента сложно-отыменного образования, а в качестве обыкновенного глагола-связки.

В сложно-вербальной группе, как отмечалось, в качестве первого компонента выступает деепричастная форма семантически основного глагола, модифицируемая вторым компонентом — глаголом-модификатором. Этот вид аналитических глаголов под различными названиями прослеживается в различных группах агглютинативных языков. С точки зрения состава глаголов-модификаторов, их семантики и круга выражаемых значений наблюдается близость между языками уральской группы, а также тюркской, монгольской, дравидийской групп и в свою очередь близость этих языков с корейским, японским и некоторыми иранскими языками (см. Д. Насилов 1971, 371). По своей функциональной значимости система модифицирующих глаголов соответствует системе глагольных предлогов в индоевропейских языках, включая и славянские, ср. выбегать, забегать, набегать, убегать, вбегать, избегать, отбегать, добегать, сбегать и т.д.

В текстах надписей глаголы-модификаторы сочетаются с деепричастной формой предшествующего глагола на -a, -ä, -u, -ü/(j)u, -i, -ï; -ip: .

-a: uča bar- КТ$_{16}$ 'умирать (досл. улетать)';

-ä: sürä ält- КТ$_{23}$ 'погнать';

-u: joqadu bar- КТб$_{10}$ 'исчезать, погибать';

-ü: äšidü bär- Тон.$_{15}$ 'выслушать';

-(j)u: jaγïlaju bär- ИА 2$_2$ 'оплакивать (кого-н.)' (ср. Orkun 1938, 123);

-i: äti bär- КТб$_1$ 'устраивать';

[1] Ср. еще перевод А.Н. Кононова: «среди приставших [к Шаду] был я...» (Кононов 1973, 97). Недавно А.Н. Кононов, вслед за P. Жиро (Giraud 1961, 53, 71 сл.) и С. Тезджаном (Tezcan 1976, 174 сл.), читающих здесь ajïγmasï вместо jaγmïšï, предложил такой перевод: «тот, кто дал [ему, кагану] совет, был я ...» (Кононов 1980, 98 сл.).

-ï: ïčγïnï ïd- O_2 'потерять';
-ip: täzip bar- КТ$_{34}$ 'убегать'.

В языке ТРН в дополнительной функции, т.е. и в модифицирующей функции, выступают следующие глаголы: ält- 'тянуть, вести, уводить', bar- 'идти, отправляться', bär- 'давать', ïd- 'посылать', jorï- 'ходить', käl- 'приходить', kör- 'видеть, смотреть', olur- 'оседать, селиться', qal- 'оставаться', u- 'мочь, быть в состоянии'.

Число этих глаголов на четыре единицы меньше, чем общее количество дескриптивных глаголов, приводимых А. фон Габэн (см. von Gabain 1950, 131 сл.). В.Г. Кондратьев в своем очерке грамматики рассматриваемых памятников приводит семь модифицирующих глаголов (см. Кондратьев 1970, 46 сл.). К. Брокельман в языке раннемусульманской литературы обнаруживает семнадцать таких глаголов (tur-, bol-, qal-, bar-, käl, kir-, jaz-, jürü, jat-, tüš-, u-, bil-, kör-, al-, bir-, ïð-, qoð-, см. Brockelmann 1954, 321 сл.). Н.К. Дмитриев в современном башкирском языке насчитывает восемнадцать (Дмитриев 1948, 195 сл.), а А.Н. Кононов в современном узбекском — девятнадцать глаголов-модификаторов (Кононов 1960, 264 сл.).

С точки зрения количественного состава очевидна эволюция в сторону увеличения набора глагольных единиц, хотя в основе своей инвентарь рассматриваемых глаголов стадии языка ТРН не претерпел радикальных изменений. С точки зрения качественного состава любопытна дальнейшая дифференциация их семантики. Ф.А. Ганиев приводит таблицу модифицирующих глаголов по пяти современным тюркским языкам: узбекскому, каракалпакскому, казахскому, башкирскому и татарскому (Ганиев 1971, 380). По всем этим пяти языкам (в каракалпакском по этой таблице насчитывается тридцать, а в татарском — двадцать шесть таких глаголов) проходит всего лишь одиннадцать глаголов, из которых, если иметь в виду и памятник в честь Моюн-Чура, только четыре встречаются в руни́ческих текстах, а именно: al-, bar-, bär-, käl-.

Вот ряд примеров на рассматриваемую тему:

ält- выражает интенсивность действия: söŋüglig qantïn kälipän sürä ältdi КТ$_{23}$ «откуда пришли копьеносцы и погнали [тебя]?».

bar- выражает начало действия: türk bodun atï joq bolu barmïš ärti O_3 «слава (досл. имя) тюркского народа стала меркнуть (~ исчезать)»*; uluγ irkin az-qïŋa ärin täzip bardï КТ$_{34}$ «великий Иркин бежал с немногими мужами».

bär- выражает направленность действия в пользу другого лица: kök täjiŋin türkimä bodunima qazγanu bärtim ätï bärtim БК C_5 «их голубых белок я добыл для моих тюрков, для моего народа [и все] устроил [им]».

ïd- выражает интенсивность действия: qaγanladuq qaγanïn ïčγïnï ïdmiš O_2 «правившего своего кагана он потерял».

jorï- выражает продолжительность действия: kögmän jïšïγ toγa jorïp qïrqïz boduniγ uda basdïmïz КТ$_{35}$ «поднявшись на Кёгменскую чернь, мы напали на кыргызов [выбрав момент], когда они спали».

käl- выражает направленность действия: üč oγuz süsi basa kälti jadaγ jabïz boltï täp alγalï kälti БК$_{32}$ «войско уч-огузов напало [на нас], пришло [нас] пленить, полагая, [что мы] стали без коней (досл. пешие) и ослабли».

kör- выражает попытку совершить действие: qaγan jälü kör täŋiš Тон.$_{26}$ «каган: 'Старайтесь скакать быстрее', — сказал» (см. Кормушин, Д. Насилов 1972, 142).

olur- выражает продолжительность действия: türk bilgä qaγan türk sir boduniγ oγuz boduniγ igidü olurur Тон.$_{62}$ «тюркский Бильге-каган возвышает народ тюрков-сиров».

qal- выражает завершенность действия: tirigi küŋ boltačï ärti ölügi jurtda jolta jatu qaltačï ärtigiz КТ$_{49}$ «живые из вас стали бы рабынями, [а] мертвые остались бы лежать в стойбищах и на дорогах».

u- выражает возможность или невозможность совершения действия: türk bodun äliŋin törüŋin kim artatï [udačï ärti] КТ$_{22}$ «тюркский народ, кто мог уничтожить власть твою!»* üč oγlanïmïn ulγa[d]tuzu [umadïm-a] E 59 $C3_1$ «я не смог вырастить трех своих сыновей» (см. Васильев 1983, 34, 71).

Как отмечалось, в тюркской надписи в честь Моюн-Чура в модифицирующей функции выступает еще и глагол al- 'брать', ср.:

al- выражает интенсивность действия: toquz oγuz boduniïmïn tärü qubratï altïm МЧ$_5$ «я собрал свой народ девяти огузов».

За пределами данного рассмотрения остаются такие вопросы, как заполнение набора глаголов, выступающих в модифицирующей функции, равно как вопросы, связанные с грамматикализацией и расширением семантики глаголов. Во всяком случае, исходя из материала вышеприведенных примеров, можно считать, что круг конкретизируемых значений глаголами-модификаторами сравнительно узок и связан с характеристикой действия с точки зрения интенсивности его протекания, направленности, регулярности или способности к его реализации.

ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ И ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ ФОРМЫ ГЛАГОЛА

Положительная форма глагола выражена нулевым показателем; отрицательная — посредством суффикса -ma-, -mä-, велярный или палатальный вариант которого зависит от фонемного состава глагольного корня-основы:

türk sir bodun järintä bod qalmadï Тон.$_4$ «в стране народа тюрок-сиров не осталось [ни одного] племени»;

küntüz olursïqïm kälmädi Тон.$_{12}$ «днем я не имел покоя».

Как уже отмечалось, суффикс отрицательной формы служит "водоразделом" между сферами словообразования и словоизменения. Гораздо сложнее решить, однако, вопрос, куда отнести сам этот суффикс отрицательной формы: к словообразованию или к словоизменению. В плане частичного смещения лексического значения, иначе, в способности придавать глагольному корню-основе противоположное значение[1], он больше примыкает к сфере словообразования. С другой стороны, его присутствие в глагольной конструкции не переводит исходную форму из глагольного класса в именную или адъективную, иными словами, характеризуется признаками словоизменения. Казалось бы, например, в форме basïtma Тон.$_{34}$ «не дай себя одолеть!» или adïrïlma E 28_3 «не отделяйся!» отрицательный формант находится на периферии слова и этим сближается со словоизменительными суффиксами, но тем не менее он расположен и здесь перед словоизменительной категорией — нулевым показателем императива. Невозможность отнести суффикс отрицательной формы к словообразованию или к словоизменению, очевидно, является доказательством того, что демаркационная линия между этими сферами проходит именно через рассматриваемый показатель.

Сочетаемость показателя отрицательной формы с самыми различными грамматическими формантами означает, что в языке ТРН глагольная парадигма стабилизирована. Показатель -ma-, -mä- следует обычно после глагольного корня или основы и предшествует временным показателям (КТм$_{11}$, Тон.$_6$), формам на -duq (КТб$_5$, БК C_4), показателям повелительно-желательной формы (E 10_7), входит в состав деепричастия -matïn/-matï (КТм$_9$, КТб$_{10}$) и т.п.

В конструкциях с отрицательным показателем -ma-, -mä-, благодаря принятой древними тюрками записи, пока не представляется возможным выяснить, происходило ли в пределах этого показателя изменение a, ä в узкий гласный, как это отмечается, например, в новоуйгурском языке (Pritsak 1959, 562). Этот вопрос требует дополнительного исследования. Но тем не менее очевидно, что показатель отрицательной формы обладал в языке ТРН широкой сочетаемостью.

[1] Ср., например, udïma- Тон.$_{51}$ 'не спать', т.е. 'бодрствовать' и др. или приводимую А. фон Габэн форму ölürmämäk 'неумирание' (von Gabain 1950, 108), 'не умирать', т.е. 'находиться в процессе жизни, существовать'. К сожалению, автор не указывает источник, откуда взята эта форма (во всяком случае, она не из языка ТРН), а использованные А. фон Габэн в «Грамматике» памятники, по ее же признанию, датируются временем с VIII вплоть до XVIII в. (см. там же, 2).

ПЕРЕХОДНОСТЬ/НЕПЕРЕХОДНОСТЬ ГЛАГОЛА

Переходность или непереходность глагола скорее можно признать морфосинтаксической категорией, нежели словоизменительной или словообразовательной. Переходность/непереходность глагола не может быть, строго говоря, названа морфологической категорией, поскольку она не представлена средствами специфических морфем, равно как не выражает семантических смещений в пределах глагольного корня.

В речевом акте языка, и в том числе в текстах рассматриваемых надписей, переходность/непереходность глагола обусловлена связью между действием и его объектом, причем объект, на который переходит действие, является прямым дополнением, оформленным нулевым показателем или сегментным суффиксом винительного падежа. Иными словами, переходность/непереходность глагола характеризует не столько сам глагол, сколько его связь как лексической единицы с именной на синтаксическом уровне.

Рассматриваемый вопрос получает дополнительную характеристику под влиянием залоговых показателей, наращиваемых на глагольную корень-основу.

Примеры с переходными глаголами:

baz qaγanïγ balbal tikmiš КТ$_{16}$ «поставили балбал Баз-кагана»*;

sü tägisitä jätinč ärig qïlïčladï КТ$_{45}$ «в свалке он зарубил мечом седьмого воина»;

jäti böri ölürdim E 11_{10} «я убил семь волков».

Примеры с непереходными глаголами:

ol at anta ölti КТ$_{33}$ «этот конь там пал» (Малов 1951, 40);

buŋadïp qaγan ... tąmiš Тон.$_{26}$ «будучи озабоченным, каган ... сказал»;

türk bodun qanïn bolmajïn tabγačda adïrïltï qanlantï Тон.$_2$ «тюркский народ, не будучи со своим ханом, отделился от [страны] табгач, стал иметь хана».

Вопрос о переходности и непереходности глагола в тюркских языках, серьезно поставленный Э.В. Севортяном в плане языковой диахронии (Севортян 1958, 39), принадлежит к сфере, указывающей на связь глагола с именем и на отношение между морфологией и синтаксисом.

Словоизменение

Словоизменительные формы глагола в языке ТРН подразделяются на формы финитные и нефинитные, или, как их называет А.М. Щербак, формы полной и неполной вербальности (Щербак 1962, 151). В данном разделе анализируются финитные формы, т.е. формы, могущие выступать в качестве самостоятельного сказуемого.

В речевом материале рунических надписей в достаточно оформленном виде представлены все основные грамматические категории глагола, прежде всего наклонение и время. Наклонений в языке ТРН правомерно выделить два: изъявительное и повелительно-желательное. Вместо условного наклонения, статус которого ввиду недостаточности парадигм ставится под сомнение, выделяется условная форма на -sar, -sär.

ИЗЪЯВИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Изъявительное наклонение, немаркированное, как и в современных тюркских языках, представлено в трех временны́х планах: прошедшем, настоящем и будущем. Если формы настоящего и будущего времен не всегда четко отделяются друг от друга и не обладают формальной разветвленностью, то формы прошедшего времени в языке ТРН характеризуются как довольно богатыми оттенками претеритальности, так и целой системой разветвленных форм.

В плане прошедшего времени различается в общей сложности шесть времен: 1) прошедшее очевидное совершенное; 2) прошедшее неочевидное совершенное; 3) прошедшее несовершенное; 4) прошедшее неопределенное неочевидное; 5) давнопрошедшее очевидное; 6) прошедшее потенциальное.

Формы прошедшего времени противопоставляются по признакам: совершенности/несовершенности, очевидности/неочевидности, определенности/неопределенности, прошедшести/давнопрошедшести, реализованности/потенциальности. Очевидность указывает на то, что повествующий является как бы свидетелем происшедшего события. Неочевидность указывает на то, что повествующий говорит о происшедшем событии со слов других лиц. По выделенным пяти признакам указанные шесть претеритальных форм можно свести в краткую таблицу 3, которая достаточно четко указывает на различие между формами. Наиболее богата форма очевидного совершенного времени, в которой присутствуют все пять признаков. Наиболее скудно представлена форма прошедшего потенциального времени, где четыре первых признака по сути дела не являются значимыми. Все остальные времена лишены одного, двух или даже трех признаков, если считать

нейтрализацию признака совершенности/несовершенности в неопределенном неочевидном времени за отсутствие признака.

Таблица 3

Времена \ Признаки	Совершенность/несовершенность	Очевидность/неочевидность	Определенность/неопределенность	Прошедшесть/давнопрошедшесть	Реализованность/потенциальность
Очевидное совершенное	+	+	+	+	+
Неочевидное совершенное	+	—	+	+	+
Несовершенное	—	+	+	+	+
Неопределенное неочевидное	0	—	—	+	+
Давнопрошедшее очевидное	+	+	+	—	+
Потенциальное	0	0	0	0	—

Только две претеритальные формы являются элементарными по своей структуре, а именно, очевидное совершенное и неочевидное совершенное. Простота строения заключается в способности глагольной основы присоединять непосредственно показатель прошедшего времени -t-, -d- с дальнейшими модификациями по лицам или показатель -miš. Все другие претеритальные формы по своей структуре являются аналитическими конструкциями, где глагольная основа сочетается с различной причастной формой, а далее следует глагол är- с последующими суффиксами, выражающими значение времени и лица или суффиксом -miš, служащим для передачи содержания неочевидности.

Прошедшее очевидное совершенное время

Эта форма прошедшего времени предполагает, что действие, предшествующее моменту речи, как бы подтверждается свидетельством говорящего-очевидца. К глагольной основе присоединяется суффикс -t-, -d-, выражающий значение времени и показатель лица. Традиционная сегментация предполагает выделение следующих личных суффиксов:

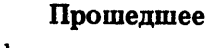
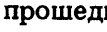
	ед. ч.:	мн.:
1-е л.	-m	-mïz, -miz
2-е л.	-ŋ; -g, -γ	-ŋïz, -ŋiz; -giz; -γïz
3-е л.	-i, -ï	-į, -ï

В качестве суффикса 3-го л. ед.ч., который, кстати, в языке ТРН применим и для 3-го л. мн.ч., выделяется суффикс -i, -ï, вероятно, восходящий к древнему местоимению *i 'он, она, оно' (ср

Рамстедт 1957, 117). В таком случае суффиксом времени следует считать только согласный -t-, -d-, в свою очередь большинством тюркологов возводимый к причастной форме на -tuq, -duq, (см. Böhtlingk 1851, 306 сл; Deny 1921, 1110), а показателями первых двух лиц единственного и множественного числа останутся перечисленные выше суффиксы с той разницей, что предшествующий гласный (-ïm, -im; -iŋ и др.) будет носить эвфонический характер.

Детальный анализ взаимодействия глагольной основы и словоизменительных суффиксов требует слишком много места и выходит за рамки поставленных задач. На примере суффиксов преимущественно 1-го л. ед.ч. будут показаны, по крайней мере, некоторые черты, характеризующие процесс этого взаимодействия.

В плане вокальной ассимиляции картина представляется относительно ясной. Ассимиляция по признаку палатальности/непалатальности происходит во всех случаях: если корневой гласный отличается признаком палатальности, то в составе суффиксов непременно появляется палатальный же гласный: bärtim C_7, äblädim C_6 и т.д. Если корневой гласный не является палатальным, то гласный суффикса будет точно также отличаться велярностью: tapdïm E 13_1, jïγdïm Oa_1 и т.д.

Сложнее обстоит дело с репрезентацией гласных большей или меньшей высоты. В аспекте возможного сингармонизма в первую очередь следовало бы отметить передний ü, по той причине, что корневые гласные переднего ряда обладают большей силой, чем велярные[1]. Однако в комбинации показателей -t-, -d- + -m и др., ни ü, ни его задненебный вариант материального изображения на письме не находят (за исключением памятника E 45, см. ниже), и если они присутствуют, то только имплицитно. Поэтому варианты -t-, -d- + -üm; -umuz, -ümüz (равно как и деепричастные -üp; -upan, -üpän) и др. выделены не будут, тем более что, во-первых, их обособление не имеет принципиального значения, а, во-вторых, губная гармония гласных в языке ТРН осуществляется весьма неравномерно. Случай с написанием из памятника в честь Моюн-Чура — julïp $МЧ_{29}$ со своей стороны оправдывает такой подход. Однако в памятнике из Кежээлиг-Хову в трех нехарактерных случаях регистрируется заднерядный u в составе ряда некорневых морфем; ср.: bolup E 45_3; boltum E 45_3; tu[t]tum E 45_4 (см. Васильев 1983, 31, 69).

При взаимодействии глагольных основ, оканчивающихся взрывными согласными, и показателя времени в языке ТРН наблюдается уже обсуждавшееся в тюркологической литературе явление, когда, вопреки ожиданиям, после глухих взрывных č, k,

[1] Именно в силу такого положения в разделе о причастных формах глагола выделяется вариант -ügmä.

q, p, s, š временна́я морфема предстает не в виде -t-[1], что должно быть в результате ассимиляции, например, k + d > kt, а в виде -d-:

č: sančdïm БК$_{31}$;
k: tikdim КТ$_{25}$;
q: taşïqdï Тон.$_{33}$;
p: tapdïm E 13$_1$;
s: basdïm КТ$_{35}$;
s: süŋüšdim БК$_{37}$;
t: ätdim БК C$_2$.

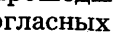
Помимо этого, наряду с звонким -d-, часто фиксируется глухой вариант суффикса прошедшего времени после сонантов l, n, r:

l + t: boltum E 45$_3$;
l + d: boldum E 6$_1$;
n + t: bantïm E 3$_2$;
n + d: adïrïndïm E 32$_{13}$;
r + t: olurtïm КТ$_{26}$;
r + d: ölürdim E 11$_{10}$.

Точно такие же варианты возможны после согласной z, но после согласных g̈, γ, j̃ наблюдается только звонкий вариант суффикса прошедшего времени:

z: bädiztim КТм$_{11}$ ~ buzdïm БК$_{34}$;
g: tägdim Oa$_1$;
γ: toγdïm E 29$_1$;
j̃: jaj̃dïm БК$_{33}$.

Вопрос, почему в позиции после звонких сонантов глагольной основы суффикс прошедшего времени оглушается, а в позиции после глухих, хотя и не всегда, озвончается, приобретает особый интерес. Предположение О. Прицака о существовании в древних тюркских языках оппозиции начальных согласных по признаку силы/слабости (Pritsak 1961, 142) представляется недостаточным, поскольку такой подход не объясняет, почему же в тексте встречаются параллельные формы, приведенные выше. Однако чисто предположительно можно допустить для языка ТРН смену одной системы (сильные ~ слабые) другой системой (глухие ~ звонкие). Вероятнее всего, это объясняется просодическим, или супрафонологическим характером рунического письма, при котором одни и те же согласные обретают различное начертание в зависимости от их палатализованности/непалатализованности. Оглушение суффикса прошедшего времени после звонких и озвончение после глухих согласных глагольной основы связано с тенденцией к разуподоблению и должно было облегчить сегментацию текста

[1] Если не иметь в виду несколько случаев такого сочетания в дефектных текстах, которые нуждаются в дообследовании; ср.: БК Ю$_8$ ... üktim (см. Малов 1959, 14; 18; Orkun 1936, 71); ... t[ikti] E 20$_1$ (см. Orkun 1940, 122, Малов 1952, 41; ср. Васильев 1983, 22, 62) и др.

надписей посредством четкого выделения его морфемных компонентов, которые в противном случае могли слиться с глагольной основой. Однако такая тенденция наблюдается не всегда, ср. kä[t]tim E 15$_2$ «я ушел (т.е. скончался)» и др.

Сравнительно недавно Э.Р. Тенишев высказал мнение о том, что консоннатизм рунических памятников имеет в общем глухой характер, объясняемый иноязычным воздействием (Тенишев 1973, 43 сл.).

Суффикс прошедшего времени взаимодействует практически со всеми классами морфем; он может непосредственно присоединяться к корневым глагольным морфемам, присоединяться к глагольным основам, заканчивающимся различными словообразовательными суффиксами, включая залоговые показатели, или следовать за суффиксом отрицательной формы.

1-е л. ед.ч.:

-tïm: bilgä toj̃uquq bän özim tabγač äliŋä qïlïntïm Тон.$_1$ «я сам, мудрый Тоньюкук, получил воспитание [на манер] табгачского народа»;

-tim: tür[giš qaγaniŋ] qïzïn ärtiŋü uluγ törün oγlïma alï bätrim БК C$_3$ «[устроив] очень большое пиршество, я взял дочь тюргешского кагана [в жены] своему сыну»;

-tum: toquz jägirmi jašïmγa ögsüz bolup qatïγlanïp otuz jašïmγa ögä boltum E 45$_{2\text{-}3}$ «к девятнадцати годам лишившись матери, я, возмужав, к тридцати годам сделался должностным лицом»;

-dïm: özim-ök qaγan qïsdïm Тон.$_6$ «я сам принудил [его стать] каганом»;

-dim: balïq[q]a tägdim qonaldïm aldïm Oa$_1$ «я дошел до города, поселился, захватил его». Ср. еще: ät äriki anta ätdim A 7a$_2$ «запасы добра я там сделал» (Тенишев 1966, 262);

-dum: üč jašïmda qansïz boldum E 6$_1$ «в три года я остался без отца» (см. Батманов, Кунаа 1963, 29 сл.; Васильев 1983, 17, 59).

Картина взаимодействия суффикса 1-го л. мн.ч. с глагольными основами, разумеется, принципиально ничем не отличается от той, которая прослеживается на примере суффикса 1-го л. ед.ч. Правда, суффикс 1-го л. мн.ч. не зафиксирован с суффиксами страдательного и возвратного залогов, причем отсутствие сочетания с суффиксом последнего особенно показательно. Рассматриваемая форма 1-го л. мн.ч. встречается в сочетании с предшествующим суффиксом взаимно-совместного залога в гораздо большем числе случаев, чем суффикс 1-го л. ед.ч., что понятно, поскольку употребление суффикса взаимно-совместного залога в 1-м л. ед.ч. говорит скорее о возвратном значении последнего. Неупотребительность суффикса 1-го л. мн.ч. в сочетании с суффиксом возвратного значения и большая употребительность в сочетании с суффиксом взаимно-совместного залога сравнительно с тем же

суффиксом 1-го л. ед.ч. вытекает из семантического диапазона самого же суффикса 1-го л. мн.ч.

1-е л. мн.ч.:

-tïmïz: kül tägin äbig bašlaju qï[d]tïmïz КТ$_{48}$ «мы отпустили Кюль-Тегина, чтобы он начальствовал дома»;

-timiz: kül tägin qoǰ jïlqa jäti jägirmikä učdï toquzunč aj jäti otuzqa joγ ärtürtimiz КТ СВ «Кюль-Тегин умер в год овцы, в сем надцатый день, в девятый месяц; в двадцать седьмой день мы устроили поминки»;

-dïmïz. täŋri jarïlqaduq üčün üküš tąjin biz qorqmadïmïz Тон.$_{41}$ «по милости Неба, мы не боялись, говоря, что их (т.е. врагов) много» (Малов 1951, 69);

-dimiz: bolčuda süŋüšdimiz БК$_{28}$ «мы сразились при Болчу»

В текстах надписей в единичных случаях выделяется личновременно́й показатель 1-го л. мн.ч. -tïq, -tuq, -duq:

qutluγ oγlanïn ulatïq T 9$_2$ «счастливого (Кутлуга) с его сыном мы соединили» (Батманов 1971, 21);

kök täŋridä boltuq E 53$_3$ «мы оказались на голубом небе»[1];

ąltäriš qaγanta adïrïlmaduq jaŋïlmaduq Oa$_3$ «мы не отделились от Ильтериш-кагана и не погрешили [против него]»[2].

Не исключено, что такой перевод может показаться сомнительным. В таком случае эти фразы удобно переводить и как «пусть счастливый (Кутлуг) со своим сыном соединится»; «пусть окажутся на голубом небе» и «пусть не отделятся от Ильтериш-кагана и не погрешат [против него]» в соответствии с тем, что -dik (?) мог выступать и в качестве варианта -sun (см. Щербак 1962, 158 сл.). Скорее это не так, переводы в целом правильны и имеются случаи употребления -tïq, -tuq, -duq вместо варианта -tïmïz, -dïmïz. Замена парадигм или такого рода параллелизм этих форм, по всей вероятности, объясняется диалектными различиями[3].

[1] У И.А. Батманова и А.Ч. Кунаа в транскрипции "восстановлено" -m boltum с соответствующим переводом «я оказался» (см. Батманов, Кунаа 1963, 38 сл.; ср. Васильев 1983, 19, 70).

[2] Перевод принадлежит С.Е. Малову, читавшему, однако, вместо Ильтериш — Эльтэрэс (см. Малов 1959, 10).

[3] Использование формы на -duq в роли verbum finitum, например, в качестве показателя 3-го л., наблюдается как в древнеуйгурских текстах, так и в руни́ческих, причем в последних только в виде -maduq, -mädük. По всей вероятности, она заменяла форму на -mïš в приватив́ных конструкциях, для которой в текстах надписей не зафиксировано сочетание с негативным -ma-, -mä- (см. Д. Насилов 1966, 102 сл.; Кондратьев 1970, 37), ср.: inisi äčisin täg qïlïnmaduq ärinč oγlï qaŋïn täg qïlïnmaduq ärinč biligsiz qaγan olurmiš ärinč КТб, «так как младшие братья не были подобны в поступках старшим, [а] сыновья не поступали, как их отцы, [то, надо думать, на царство] воссели неразумные каганы». Ср. еще пример из тюркской надписи в честь Моюн-Чура: bükägükdä säkiz oγuz toquz tatar qalmaduq МЧ$_{1_3}$ «в Бюкягюке не осталось ни одного из восьми огузов и девяти татар» (Малов 1959, 39)

Если в языке ТРН встречается фактически только личновременно́й показатель -tïmïz, -dïmïz, то в более поздних текстах фиксируется уже и суффикс -duq[1]. А.М. Щербак отмечает, что в текстах XI-XII вв. употреблялись оба окончания: bastïmïz «мы напали» и biz ujγurγaru kältük «мы пришли к уйгурам» (Щербак 1961, 156). Но уже в староузбекском языке А.М. Щербаком отмечается только показатель -duq (Щербак 1962, 164). В текстах ТРН нет варианта -dïbïz, тогда как в определенный период развития тюркских языков в плане прошедшего времени сосуществовали личные показатели 1-го л. мн.ч. -dïbïz и -tuq, -duq. В дальнейшем форма -duq распространилась в большинстве тюркских языков, а форма -dïbïz сохранилась в отдельных языках, например в хакасском, шорском и др. (см. Pritsak 1959b, 615; 635). Сосуществование в прошедшем времени обеих форм наблюдается и поныне, например в алтайском языке (см. Pritsak 1959a, 588).

Суффикс 2-го л. ед.ч. встречается в вариантах: -ïŋ, -iŋ; -ig, -iγ. Разумеется, каждая пара принадлежит к одному и тому же суффиксу, но два суффикса -ŋ и -g отличаются не только своей формой — хотя семантическое или стилистическое различие с очевидностью установить пока трудно, — но и направлением, в котором развивался этот суффикс. А. фон Габэн и А.М. Щербак в более поздних текстах древнетюркского и восточнотуркестанского языков отмечают употребление суффикса -ïŋ (von Gabain 1950, 112; Щербак 1961, 155 сл.)[2]. К. Брокельман, например, не отмечает суффикс -ig вообще (Brockelmann 1954, 238 сл.).

В языке ТРН суффикс 2-го л. мн.ч. встречается в виде -ïŋïz, -iŋiz; -igiz, -iγïz, что представляет совершенную аналогию вариантам суффикса 2-го л. ед.ч., к которому и присоединяется архаич-

[1] Развитие двух показателей 1-го л. мн.ч. прошедшего времени находится в прямой связи с эволюцией других личных показателей, употреблявшихся в разных наклонениях. Форма 1-го л. мн.ч. -tïq, -tuq, -duq восходит к причастной форме на -duq, которая могла употребляться в отношении различных лиц в качестве конечного глагола, ср.: ol anï urduq «он его побил»; olar ävgä kirdük «они вошли в дом» (см. Brockelmann 1954, 239). Впоследствии эта форма закрепилась только в 1-м л. мн.ч. Представляется, что в 1-м л. мн.ч., вопреки предположению Л. Базэна, К. Менгеса и др. (см. Bazin 1959, 315; Menges 1959, 473), она еще с самого начала не вошла во взаимодействие с архаичным показателем -k, -q из-за формального совпадения конечного элемента формы с некорневой морфемой.

[2] А.М. Щербак выделяет суффикс -γ только в языке восточнотуркестанских аргу и в тексте Гарибнаме. Следует заметить, кстати, что мнение А.М. Щербака об отсутствии личных суффиксов в глагольной парадигме пратюркского языка, которое он частично подкрепляет ссылкой на язык желтых уйгуров, требует дополнительного уточнения, поскольку отсутствие показателей лица в языке желтых уйгуров Э.Р. Тенишев и Б.Х. Тодаева связывают с исчезновением различий в лице и числе форм принадлежности и сказуемости (Тенишев, Тодаева 1966, 25), а оно, в свою очередь, может быть объяснено влиянием китайских диалектов (ср. Тенишев 1971, 294).

ный показатель числа +Λz, первоначально выражающий понятие двойственности (см. Bang 1918, 307 сл.)[1]. Количество примеров в рунических памятниках с этими суффиксами минимально.

2-е л. ед.ч.:

-tiŋ: täŋrikänkä išig bärtiŋ O_6 «ты на божественного (августейшего) трудился» (Малов 1959, 10);

-tig: süčig sabïna jïmšaq aγïsïna arturïp üküš türk bodun öltig $КТм_6$ «дав прельстить себя их сладкой речью и роскошными драгоценностями, ты, тюркский народ, погиб в большом количестве»;

-tiγ: qop anta alqïntiγ arïltiγ $КТм_9$ «ты там совершенно изнемог и изнурился»;

-diŋ: özlük at özin üč itig almadiŋ E 28_6 «скакуна и своих трех псов [с собой] ты не взял!»*[2]

-diŋ: qaniŋïn qodïp ičikdiŋ Тон.$_3$ «покинув своего хана, ты подчинился [табгачам]»;

-diγ: jär saju bardiγ $КТм_9$ «ты бродил по всяким землям»*.

2-е л. мн.ч.:

-tiŋiz: atasïz alp ertiŋiz E 28_5 «без отца вы героем были!» (Кляшторный 1976, 261; ср. Васильев 1983, 25, 64);

-tigiz: (ср., например, в форме qaltačï ärtigiz $КТ_{49}$ и др.);

-diŋïz: lüj jïlqa jätinč aj küčlig alp qaγanïmda adïrïlu bardiŋïz Oa_4 «в год дракона, в седьмой месяц, вы отделились (~ ушли) от сильного, геройского кагана» (Малов 1959, 10);

-diŋiz: jalabač barïpan kälmädiŋiz bägimiz E 30_5 «отправившись послом, вы, наш бек (начальник), не вернулись обратно» (см. Малов 1952, 59);

-diγïz: uča bardiγïz КТ ЮВ «вы улетели (~ скончались)».

Личным суффиксом 3-го л. ед. и мн.ч., как говорилось, является суффикс -i, -ï, присоединяемый к показателю времени. Характерная особенность этого суффикса состоит, в частности, в том, что к нему не присоединяется +lar, разграничивающий единственное число и множественное, как, например, в сутре «Золотой блеск» и др., ср.: qačtïlar Suv. «вы убежали». Отсутствие подобных форм в языке ТРН может оказаться важным показателем исторического развития тюркских языков. Необходимо проследить также наличие или отсутствие в различных тюркских

[1]По утверждению К. Брокельмана, в текстах раннемусульманской литературы наряду с -iŋiz функционирует и -iŋlar: aldiŋlar «вы брали»; irdiŋlär «вы били» (Brockelmann 1954, 238). А. Шеберг в своей грамматике узбекского языка приводит не только суффиксы -iŋiz и -iŋlar, но даже и -iŋizlar (Sjoberg 1963, 98 сл.), что опять-таки является примером плеонастического употребления суффиксов.

[2]Чтение itig предпочтительнее не только по общему содержанию фразы, но и в соответствии с тем, что графему ϒ можно интерпретировать и как палатализованный t (ср. Васильев 1983, 7, 64, 103).

языках суффиксов 1-го л. мн.ч. и 2-го л. ед.ч., которые изменялись в период создания рунических памятников прежде чем лечь в языковую структуру более или менее стабильными единицами, иными словами, проследить в диахроническом аспекте распространение и эволюцию изоглосс.

3-е л. ед.ч.:

-ti: otuz artuqï tört jašïma oγuz täzip tabγačqa kirti $БК_{38}$ «когда мне было тридцать четыре года, огузы бежали и вошли в [состав] табгачей»;

-tï: äčim qaγan älin törüsin anča qazγantï $КТ_{31}$ «он сделал кое-что (досл. приобрел) [для укрепления] власти моего дяди-кагана»;

-di: kül tägin jadaγïn oplaju tägdi $КТ_{32}$ «Кюль-Тегин в пешем строю бросился в атаку»;

-dï: mäniŋ sabïmïn sïmadï $КТм_{11}$ «[резчик] не исказил моих слов».

Как было указано выше, суффикс 3-го л. мн.ч. по своей форме не отличается от суффикса 3-го л. ед.ч. Отсутствие показателя множественного числа в глагольном суффиксе 3-го л. мн.ч. не случайно: трудно доказать, но категория множественности, очевидно, только начинала стабилизироваться.

Исследователи древнетюркского языка сходятся на том, что, хотя суффиксы множественного (+lar) и двойственного (+Λz) числа входят в систему древнетюркского языка и в систему алтайских языков вообще, употребление их отличается крайней спорадичностью. Это объясняется тем, что, по одной версии, имена существительные противопоставляются по признаку множественности/единственности (Doerfer 1954, 278), а по другой — по признаку коллективности/единственности (Grönbech 1936, 57 сл.; Austin и др. 1956, 11). Р. Жиро, например, считает, что использование суффикса множественного числа было связано с приданием оттенка вежливости или привязанности (Giraud 1960, 132 сл.). По О. Прицаку, древнетюркский язык VI-VIII вв. не знал суффиксов множественного числа в именной парадигме и категория множественности получила свое развитие либо в виде двойственного числа в личных местоимениях (bi-z 'мы', si-z 'вы'), либо в суффиксах категории принадлежности (-əm-əz 'наш', -əŋ-əz 'ваш'). Он же утверждает, что выраженная в языке категория множественности (+lar) начинает развиваться не в языке ТРН, который он называет тюркютским -- türküt (здесь +(ü)t показатель мн.ч.), а в древнеуйгурском языке, который представлен памятниками IX-X вв. (Pritsak 1963, 38). Это утверждение нуждается в корректировке, поскольку, как будет показано ниже, суффиксы множественного числа встречаются в именной парадигме даже в приведенных примерах. Более серьезно замечание О. Прицака (там же) о том, что стабилизация суффикса множественного числа +lar в системе именного склонения и глагольного спряжения произош-

ла под влиянием соприкасавшихся с тюркскими языками индоевропейских языков той языковой зоны, где обитали многие тюркские племена и где наблюдалось самое разнообразное языковое воздействие. Г. Рамстедт правильно указывает на то, что множественное число в алтайских языках совпадало с формой единственного числа (Рамстедт 1957, 57).

Случаи употребления суффикса 3-го л. ед.ч. в качестве показателя 3-го л. мн.ч. делятся на три группы. В первую входит употребление формы 3-го л. ед.ч. с именем коллективного, или целокупного значения, правда, в этом случае суффикс множественности является, вероятно, избыточным. Во вторую входят примеры, в которых значение множественности вытекает только из контекста. В третью выделены примеры, где, как, например, и в современном турецком языке, в самом глаголе отсутствует формальное выражение множественности, но имя, которое выступает в качестве подлежащего и согласуется с глаголом-предикатом, по крайней мере в лице, наделено показателем множественности или определено числительным, а может и именем, близким к числительному по содержанию, и потому значение числа необходимо присутствует и в самом глаголе. В эту же группу входят конструкции с одновременным употреблением, по крайней мере, двух имен в качестве подлежащего, что само по себе привносит понятие множественности в личной форме глагола.

К первой группе, где имеет место явная двусмысленность, относятся примеры:

qarluq atlantï КЧ$_{20}$ «карлуки сели на лошадей» (Малов 1959, 29);

silik qïz oγlïŋ küŋ boltï КТ$_{24}$ «твое благородное женское потомство (~ дочери) стало рабынями».

Примеры второй группы:

söŋüküŋ taγča jatdï КТ$_{24}$ «кости твои лежали, как горы»;

jïšqa aγdï БК$_{37}$ «[они] поднялись в чернь (~ на таежное нагорье)».

Примеры третьей группы:

türk bäglär türk atïn ï[d]tï КТб$_{7}$ «тюркские правители сложили [с себя] свои тюркские имена (т.е. звания и титулы)» (Малов 1951, 37);

äki ülügi atliγ ärti Тон.$_{4}$ «две части из них были всадниками»;

üküš öltäči anta tirilti БК$_{31}$ «многие обреченные на смерть там выжили»;

on oq bägläri bodunï qop kälti Тон.$_{42-43}$ «беки и народ "десяти стрел" — все пришли»;

küm soruγïm kün toγsïq[q]a tägdi С$_{4}$ «слухи и расспросы обо мне достигли до восхода и захода солнца».

Можно заключить, что форма прошедшего очевидного совершенного времени в языке ТРН закрепилась как средство констатации совершенного и очевидного события и занимает ведущее место среди остальных форм прошедшего времени.

Прошедшее неочевидное совершенное время

Это время передается посредством формы на -miš. Семантическая емкость и этимология самой формы остаются затемненными и не лишены проблематичности. Дополнительный интерес вызывает и то, что форма на -miš выступает как в качестве verbum infinitum, так и в качестве verbum finitum, например в модели рассматриваемого времени. По мнению Н.К. Дмитриева, -miš сохранила обе функции в южнотюркской языковой группе, тогда как в остальных языках она осталась только в причастных и именных конструкциях (Дмитриев 1962, 182).

Любопытно, что семантика аналогичных форм в языках, ареально соприкасающихся с тюркскими языками, также подвергалась существенному переосмыслению. Так, трактуя форму второго прошедшего времени, или прошедшего неочевидного, в уральских языках, Б.А. Серебренников с достаточным основанием указывает, что в самом названии этой формы "прошедшее неочевидное" смешиваются понятия времени и наклонения[1]. Он приводит несколько примеров типа mjj uškaljm čodraš nangaənam в марийском языке, что значит «я корову в лес водил» (Серебренников 1960, 161), где, действительно, весьма трудно выделить неочевидное для говорящего действие[2]. В таких языках тунгусо-маньчжурской группы, как нанайский и удэгейский, исследователи также отмечают противопоставление двух форм прошедшего времени по признаку совершенности действия, которому говорящий был свидетелем, иными словами, речь идет все о той же категории очевидности (см. Петрова 1941, 71; Шнейдер 1936, 118).

Но возникает вопрос, правомочно ли в этих языках определение оттенка очевидности или неочевидности по вопросительной форме времени, которая по самой своей сущности привносит оттенок сомнения в очевидность события?

К. Брокельман приводит ряд примеров из Рабгузи и других авторов, где в форме -miš значение неочевидности установить невозможно: bildim ki Dā'ud irmiš Rbγ «я знал, что это был Дауд» (Brockelmann 1954, 299).

В ряде случаев, действительно, значение неочевидности невозможно установить и нередко различие между прошедшим совершенным очевидным временем и прошедшим неочевидным совершенным едва ли не сходит на нет, ср.:

---

[1] Ср. мнение В.А. Гордлевского о том, что в форме прошедшего неочевидного времени имеется форма, противоположная изъявительному наклонению (Гордлевский 1928, 95).

[2] Еще П.М. Мелиоранский отмечал, что форма на -miš обозначает иногда действие, одновременное по отношению к действию, выраженному прошедшим категорическим временем (Мелиоранский 1899, 86).

bän özim ... ötükän järig qonmïš Тон.$_{17}$ «я сам избрал местом жительства землю Отюкен»;

buŋa či[k]sin bän bäŋ[g]üm ärmiš E 13$_5$ «я — печальный Чиксин, [это] — мой вечный памятник».

Форма на -mïs в текстах надписей не оформлена показателями лица и числа, если не иметь в виду единственный случай, когда она представлена с показателем 1-го л. ед.ч.: bän bäš jägirmi jašda alïnmïšïm E 11$_2$ «в возрасте пятнадцати лет я был взят [на воспитание к табгачам]» (Кононов 1980, 189). В остальных же случаях она встречается лишь только в 3-м л. ед. и мн.ч., и это служит дополнительным подтверждением того, что в данных текстах содержится оттенок неочевидности, который в переводе, точнее, в дословном переводе, должен передаваться оборотом «говорят, что...».

Вот ряд примеров на рассматриваемую тему:

Ед.ч.:

jaγïγ baz qïlmïš КТ$_{15}$ « врагов он примирил»;

ölüg ujarlïγ ärmiš ИА 1б$_1$ «умерший был могущественным [человеком]».

Мн.ч.:

kiši oγlïnta üzä äčüm apam bumïn qaγan istämi qaγan olurmïš КТб$_1$ «над сынами человеческими воссели мои предки Бумын-каган и Истеми-каган»;

basliγïγ jüküntürmiš tizligig sökürmiš КТб$_2$ «имеющих головы [они] заставили склонить [головы], имеющих колени [они] заставили преклонить [колени]» (Малов 1951, 36).

Форма на -miš — форма времени, а не просто предикативная форма с нерегулярной парадигмой. Показатель же лица отсутствует, за единственным исключением, в силу недостаточности самой формы. Недостаточность ее проявляется и в том, что в текстах ТРН не встречаются формы на -miš от отрицательных глагольных основ, как, например, в современном турецком языке. Что же касается значения этой грамматической формы, то несомненен ее повествовательный характер с возможной, но не обязательной ссылкой на лицо, явившееся свидетелем события. В таком случае рассматриваемое время можно было бы назвать и прошедшим повествовательным временем (ср. Насилов 1960, 62).

Хотя в большинстве примеров по текстам надписей отчетливо прослеживается совершенная форма действия, тем не менее по ряду случаев можно сделать вывод, что здесь значение временно́й формы близко неопределенному претериту, соответствующему английскому past indefinite. Многогранность семантики этой формы побуждала многих исследователей, мнение которых приводит Н.К. Дмитриев (см. Дмитриев 1962, 182 сл.), устанавливать исключительно широкую гамму ее претеритальных оттенков, а она, в свою очередь, все еще требует дополнительных

пояснений. Во всяком случае, можно согласиться с В.М. Насиловым, который полагал, что данная форма служит для передачи развивавшихся в исторической последовательности событий, причем говорящий не является их непосредственным свидетелем (Насилов 1960, 62).

Прошедшее несовершенное время

Форма прошедшего несовершенного времени, называемая также имперфектом (см. Гордлевский 1928, 100; Насилов 1960, 65), представляет собой сочетание формы на -r и глагола är- в прошедшем очевидном совершенном времени. Т. Текин называет эту форму настоящим в прошлом — preterit of the present, а также и обычным прошедшим — past habitual (Tekin 1968, 193 сл.).

Эта форма прошедшего времени имеет полную личную парадигму. Она употребляется для обозначения действия, которое происходило в определенный момент прошлого, либо же действия, которое охватывало большой промежуток времени в прошлом.

Ед.ч.:

1-е л.: basïnïγma jaγïγ kälü[rir ä]rtim (?) Тон.$_{53}$ «повинующихся врагов я приводил (?)» (Малов 1951, 69; ср. Orkun 1936, 118)[1].

2-е л.: anta qalmïšï ... jorïjur ärtig КТм$_9$ «оставшиеся там ... скитались (досл. ты скитался)».

3-е л.: kül tägin bir qïrq jašajur ärti КТ$_{42}$ «Кюль-Тегину было тогда тридцать один год». Ср. еще: süŋüš bolsar čärig ätär ärti КЧ$_9$ «когда было сражение, он предводительствовал (~ направлял) войском» (Малов 1959, 28).

Мн. ч.:

1-е л.: čuγaj quzïn qara qumuγ olurur ärtimiz Тон.$_7$ «мы осели в Куз-Чугае и в Кара-Куме».

2-е л.: ïγar oγlaniŋïzda tajγuniŋïzda jägdi igidür ärtigiz КТ ЮВ « Вы заботились о народе лучше, чем Вами любимые сыновья и потомки » (Tekin 1968, 237, 272).

Отрицательная форма:

tün jämä udïsïqïm kälmäz ärti ulursïqïm kälmäz ärti Тон.$_{22}$ «также ночью не приходило желание спать, не приходило желание присесть (отдохнуть)» (Насилов 1960, 65).

В отрицательной форме встречается 3-е л. мн.ч., которого нет среди утвердительных конструкций:

[1] Т. Текин читает [ja]nïγma jaγïγ [kälürir] ärtim (Tekin 1968, 194; ср. Sprengling 1939, 18) и дает такой перевод «я использовал силу, чтобы повернуть отступавших врагов» (там же, 289). Авторы ДТС данное предложение читают и переводят так: janïγma jaγïγ kälü bilirtim «я знал о приближении угрожающих нам врагов» (ДТС 1969, 424; ср. Ramstedt и др. 1958, 46 сл.).

inisi äčisin bilmäz ärti oγlï qaŋïn bilmäz ärti $КТ_{21}$ «младшие братья не знали старших, а сыновья не знали отцов» (там же).

Прошедшее несовершенное время в рунических текстах охватывает весьма широкий диапазон модально-временны́х значений и указывает на длительность, многократность или незаконченность действия, лишь только отчасти приуроченного к тому временно́му моменту, который вытекает из контекста. Эта форма, по свидетельству В.М. Насилова, в древнеуйгурских памятниках получает свое развитие как форма аориста и применяется также в составе обусловленного предложения с ирреальным условием, отнесенным к будущему времени (там же).

Прошедшее неопределенное неочевидное время

Прошедшее неопределенное неочевидное время передается сочетанием формы на -r и компонента ärmiš. Как видно из самого названия времени, оно обозначает действие, которое протекало в неопределенный момент прошлого, не наблюдалось самим говорящим лицом и происходило независимо от говорящего. Действие могло носить как продолженный характер, так и регулярный, обычный. Разумеется, при неочевидности действия его исполнителем может быть только субъект 3-го л. ед. и мн. ч.:

süčig sabïn jïmšaq aγïn arïp ïraq boduniγ anča jaγutïr ärmiš $КТм_5$ «соблазняя сладкой речью и "мягкими" (т.е. изнеживающими) драгоценностями, он так приближал к себе далеко живущие народы»;

ąkin ara idi oqsïz kök türk anča olurur ärmiš $КТб_3$ «между [этими] двумя так обитали "голубые" тюрки, не имевшие господина (~ предводителя) и лишенные внутриродовой организации».

Отрицательная форма:

sämiz buqa turuq buqa täjin bilmäz ärmiš Тон.$_6$ «он не может назвать, [где] жирный бык [и где] тощий бык»;

ädgü bilgä kišig ... joriïtmaz ärmiš bir kiši jaŋïlsar oγušï boduniï bisükiŋä tägi qïdmaz ärmiš $КТм_6$ «хороших и мудрых людей ... не могли сдвинуть (т.е. не привлекли на свою сторону), если же кто и соблазнялся (досл. ошибался), то они (табгачи) не отпускали (?) [его] к [своему] роду и свойственникам».

Давнопрошедшее очевидное время

Сочетание формы на -miš и компонента ärti (с уточнениями лица) передает прошедшее время, обозначающее действие, предшествующее другому действию в прошлом, или же означает такое действие, которое имело место до определенного момента в минувшее же время:

Ед.ч.:

3-е л.: ol sabïγ äšidip qaγanïm bän äbgärü tüsäjin tädi qatun joq bolmiš ärti Тон$_{31}$ «услышав эти слова, мой каган: 'Я пущусь-ка [в путь] к дому' — сказал. 'Моя жена умерла'» (см. Кормушин, Д. Насилов 1972, 142; Малов 1951, 68).

Мн.ч.:

2-е л.: qušča bala tüsürmiš ärtiŋiz E 48_6 «как птенец соколом вы были низринуты» (ср. Малов 1952, 95; Васильев 1983, 32, 70).

3-е л.: alp är biziŋä tägmiš ärti ... kül täginig az ärin ärtürü ï[d]tïmïz $КТ_{40}$ «мужественные люди (~ воины) на нас напали ... мы послали Кюль-Тегина провести небольшую группу мужей».

Наличие в языке форм типа past perfekt несомненно свидетельствует о достаточной стабилизации многих сложных грамматических форм. В первом и третьем примерах форма на -miš ärti явно передает действие, которое предшествует возвращению кагана домой или отъезду Кюль-Тегина. Во втором примере говорится о давнопрошедшем времени.

Таким образом, по значению и употреблению давнопрошедшее время на -miš ärti в языке ТРН мало чем отличается от давнопрошедшего времени на -miš idi в современных турецком и азербайджанском языках, несмотря на то, что в формальном отношении оно еще не стабилизировано. О нестабилизированности парадигмы, по-видимому, говорит и отсутствие отрицательной формы.

Плюсквамперфектное значение сохраняет свою маркированность, например, и в нижеприведенном предложении, где глагол är- заменяется синонимичным ему глаголом bol-:

šad atïγ anta bärmiš boltuqda toquz oγuz atig jaγï ärmiš bädük ärmiš $О_6$ «когда дал ему (моему отцу) звание шада, Токуз-Огуз и Атиг начали враждовать против нас. Они были могущественными»[1].

Любопытно, что конструкцию на -miš bol- можно рассматривать и как перифрастическую форму в ее начальном виде.

Любопытно также и то, что в «Гадательной книге» в одном случае фиксируется конструкция на -miš ärmiš, передающая иное плюсквамперфектное значение, а именно — давнопрошедшего неочевидного времени:

adïγlï toŋuzlï art üzä soqušmiš ärmiš adïγ[ïŋ] qarnï jarïlmiš ThS II_{10} «медведь и кабан встретились на [горном] перевале. Брюхо медведя было распорото».

Почти во всех современных тюркских языках встречаются формы давнопрошедшего времени. Например, в узбекском языке существует форма yɔzgan edim «я (раньше) писал» (Кононов 1960, 222), где присутствуют те же компоненты давнопрошедшего очевидного времени, за исключением того, что показатель

[1] Интерпретация фразы и перевод заимствованы у Т. Текина (Tekin 1968, 196), который иначе прочитывает эти строки, нежели С.Е. Малов (см. Малов 1959, 9 сл.).

-miš замещен родственным ему показателем -gan. В турецком языке именно конструкция на -miš ärti привела к возникновению стянутой синтетической формы типа ačmištïm, в семантику которой не входит, однако, значение законченности/незаконченности действия. По свидетельству А.М. Щербака, в восточнотуркестанских текстах X-XIII вв. эта форма давнопрошедшего неопределенного времени весьма широко распространена в таких конструкциях, как ol bäg qaγardan sarunmiš ärdi «тот бек был покрыт снегом» (Щербак 1961, 152). Типологически близкая форма имеется и в зырянском языке. Финский лингвист Т. Уотила отмечал наличие плюсквамперфекта, сконструированного аналогичным способом — из форм перфекта и застывшей формы 3-го л. ед.ч. прошедшего времени глагола vovni 'быть', например: munoma voli «я ушел раньше» (см. Серебренников 1960, 66). Однако принципиальное отличие приведенной формы от аналогичных тюркских форм состоит в том, что в ней второй компонент давнопрошедшего времени остается неизменным, тогда как первый компонент изменяется по лицам.

Прошедшее потенциальное время

Аналитическая форма прошедшего потенциального времени передается сочетанием формы на -tačï, -täči, -dačï и компонента ärti (с уточнением лица). Данная временна́я форма не раз употреблена в языке ТРН. Она служит для выражения действия, которое могло или должно было произойти в прошлом при вполне определенном условии. Т. Текин называет эту форму "будущим в прошлом" — preterit of the future и вместе с тем именует ее "будущим совершенным временем" — future perfect (Tekin 1968, 196). В.М. Насилов прав, когда указывает на сослагательностный или ирреальностный характер этой формы, однако правильность части его утверждения относительно имперфективности компонента ärti (Насилов 1960, 66) вызывает сомнение.

Ед.ч.:

3-е л.: jablaq bolt[ač]ï ärti КТ$_{47}$ «[дело] могло быть скверным»; türk bodun älïŋin törüŋin kim artatï [udačï ärti] КТ$_{22}$ «тюркский народ, кто мог уничтожить власть твою!»*

Мн.ч.:

2-е л.: ölügi jurtda jolta jatu qaltačï ärtigiz КТ$_{49}$ «мертвые лежали бы [вы] в [своей] стране по дорогам».

3-е л.: tirigi küŋ boltačï ärti КТ$_{49}$ «[все] живые [из моих родственниц] стали бы рабынями».

Ирреальная форма условного периода:

ältäriš qaγan qazγanmasar udu bän özim qazγanmasar ąl jämä bodun jämä joq ärtäči ärti Тон.$_{55}$ «если бы Ильтериш-каган не приобретал, следуя [за ним], если бы я сам не приобретал, не было бы ни племенного союза, ни народа»*. Ср. еще: kül tägin joq ärsär qop öltäči ärtigiz КТ$_{50}$ «если бы не было Кюль-Тегина, все бы вы погибли» (Малов 1951, 43).

Рассматриваемая форма времени, образованная от отрицательных глагольных основ, в текстах надписей не зарегистрирована.

Шестью описанными выше формами ограничивается прошедшее время в языке ТРН. Они передаются посредством небольшого набора суффиксов и компонентов, вступающих между собой в различные сочетания. Отсутствие, например, личных показателей в некоторых временны́х формах и показателей множественности свидетельствует, что категория лица и числа в этом языке была не совсем развита. Однако разнообразие и сложность претеритальных форм говорит о высокой степени стабилизации глагольной парадигматики, равно как и о достаточно высоком уровне логического мышления у древних тюрков, хотя Л. Базэн, например, считает, что енисейские тексты отражают стадию дологического мышления их составителей (Bazin 1958, 106).

Формы настояще-будущего времени

Отличительной особенностью временно́й системы изъявительного наклонения в языке ТРН является то, что разветвленным формам прошедшего времени противостоят количественно ограниченные формы настояще-будущего времени. Насколько дифференцированы претеритальные формы в языке ТРН, настолько лишены четкой дифференциации формы настояще-будущего времени. Содержательный план временно́й формы указывает на то, что формы настоящего времени в этом языке не полностью отделились от форм будущего времени.

Семантическая и формально-морфологическая дифференцированность претеритальных форм отчетливо сказывается в различных тюркоязычных памятниках, чего нельзя сказать о формах настояще-будущего времени. Ограниченность форм этого времени подчеркивается, например, наблюдениями как А. фон Габэн в ее исследованиях древнетюркского языка (von Gabain 1959, 36; она же 1950, 111) и в фонолого-грамматическом очерке Codex Cumanicus (von Gabain 1959a, 68), так и К. Брокельмана — в текстах раннемусульманской литературы (Brockelmann 1954, 230 сл.). Бедность этих форм отмечается и в работах А.М. Щербака (Щербак 1961, 152; он же 1962, 166 сл.), где выделены формы настояще-будущего времени и будущего неопределенного.

Э.А. Грунина, занимавшаяся проблемой соотношения форм настоящего и будущего времени по памятникам турецкого языка XIII-XVI вв., отмечает четыре временны́е формы с выделением четырех признаков (см. Грунина 1966, 101). При дальнейшем развитии форм настояще-будущего времени в тюркских языках произошла их семантическая дифференциация и времена формально обогатились. Так, Ф.Г. Исхаков и А.А. Пальмбах, исследователи тувинского языка, только в изъявительном наклонении

различают настоящее-конкретное время, настоящее заглазное время, будущее настоящее время и будущее ожидаемое время, а также прошедшее-настоящее (Исхаков, Пальмбах 1961, 379 сл.).

Т. Текин в языке орхонских памятников фиксирует наличие трех времен: настоящего времени на -ur, будущего времени на -dačï и будущего времени на -čï (Tekin 1968, 191 сл.). Однако вызывает сомнение, прав ли он, считая самостоятельной временно́й формой форму на -čï, которая, по его же утверждению, встречается лишь в отрицательных конструкциях[1]. Видимо, целесообразнее рассматривать форму типа täg̈mäči män Oa_2 как отрицательную форму настояще-будущего времени на -tačï, тем более что специальную отрицательную форму для этого времени не приводит и сам Т. Текин. Принадлежность показателей -tačï и -mačï к одной парадигме едва ли подлежит сомнению.

Если сопоставить формы настояще-будущего времени с приведенными выше претеритальными конструкциями, то окажется, что из дифференциальных признаков, по которым различаются все шесть форм прошедшего времени, для настояще-будущего времени остается в силе только противопоставление по признаку реализованности/потенциальности действия. Остальные признаки претеритальных форм становятся в формах настояще-будущего времени несущественными.

Настояще-будущее время

Форма настояще-будущего времени передается посредством формы на -r плюс в первых двух лицах единственного и множественного числа личные показатели, совпадающие в этом времени с личными местоимениями.

В отношении формальных показателей настояще-будущего времени имеется наличие четырех рядов — -r/-är/-ïr/-ur, среди которых ряд -ur, -ür, безусловно, надо признать доминирующим.

К. Брокельман, называя данную временну́ю форму аористной, на материале среднеазиатской исламской литературы показывает, что она может относиться как к настоящему, так и к прошедшему, и к будущему времени (Brockelmann 1954, 293 сл.). Примеры же из языка ТРН подчеркивают, что данная форма может указывать на действие, которое протекает в настоящее время или должно произойти в неопределенном будущем. Наиболее существенная функция этого времени заключается в четком противопоставлении претеритальному плану, который может дифференцироваться в самых различных направлениях.

Ед.ч.:

1-е л.: qaγanïm qanï nä qaγanqa išig küčig bärür män КТб$_9$ «где мой каган, какому кагану отдаю я [свои] труды и силы?».

[1] В частности, Т. Текин считает, что -čï тождествен суффиксу -γučï, а сложный суффикс -mačï образовался после стяжения в результате гаплологии: -mačï < -maγačï (там же).

Ср. еще: bäš balïq[q]a barïr män XT 7_3 «я отправлюсь в Беш-Балык» (Radloff 1895, 265).

3-е л.: öd täŋri jasar kiši oγlï qop ölgäli törümiš КТ$_{50}$ «время [жизни человека] устанавливает Небо, все сыны человеческие рождены, чтобы умереть» (Кононов 1980, 187). Ср. еще: tašra jorïjur täjin kü äšidip balïqdaqï taγïqmiš КТб$_{12}$ «услышав весть о том, что он бродит снаружи, жители городов поднялись в горы».

Мн.ч.:

1-е л.: näkä täzär biz üküš täjin näkä qorqur biz az täjin Тон.$_{38\text{-}39}$ «зачем нам бежать, так как [их] много, к чему нам бояться, потому что [нас] мало?».

2-е л.: türk bäglär qop bilir siz КТ$_{34}$ «тюркские беки, вы все знаете»*.

3-е л.: tabγač oγuz qïtaǰ bu üčägü qabïšïr Тон.$_{12}$ «табгачи, огузы, кидане — эти трое объединяются»*.

Ср. еще примеры из «Гадательной книги»:

ürüŋ köpükümin sačar män ThS II$_{36}$ «я брызжу белой пеной»;

täglük qulun ärkäk jun[t]da ämig tiläjür ThS II$_{36}$ «слепой жеребенок искал материнские соски у жеребцов» и др.

Формы 3-го л. ед. и мн.ч. внешне не различаются, точно так же, как нет никаких формальных критериев, помогающих установлению в каждом из примеров настоящего или будущего времени. Соотнесенность действия с настоящим или будущим временем устанавливается из контекста. Большинство же примеров в текстах ТРН выражают аористное значение, не приуроченное к конкретному моменту.

Отрицательная форма:

arqïš ïdmaz täjin sülädim БК$_{25}$ «так как он не посылал караваны [с данью], я пошел с войском».

В привативном употреблении встречается 2-е л. ед.ч., которого нет среди утвердительных конструкций:

bir todsar ačsïq ömäz sän КТм$_8$ «если раз насытишься, ты не думаешь [о состоянии] голода»*.

Настояще-будущее потенциальное время

Эта форма времени передается посредством суффикса -tačï, -täči, -dačï, знакомого еще по форме прошедшего потенциального времени типа qaltačï ärtigiz КТ$_{49}$. Формальное различие между прошедшим потенциальным временем и настояще-будущим потенциальным состоит в том, что последнее функционирует без глагола är-, а к форме же на -tacï присоединяется личный показатель.

Семантически рассматриваемая временна́я форма также отличается от формы прошедшего потенциального времени. Как уже указывалось, прошедшее потенциальное время связано, например, со значением ирреальности действия. Форма же настояще-будуще-

го потенциального времени не содержит в себе ни оттенков сослагательности, ни значения ирреальности действия. Наоборот, все примеры свидетельствуют о том, что действие, которое приурочивается к будущему, а иногда к настоящему времени, должно произойти непременно, осуществление которого представляется вполне реальным.

Ед. ч.:

2-е л.: özin ädgü körtäči sän äbinä kirtäči sän buŋsïz boltačï sän БК C_7 «ты сам будешь жить счастливо, войдешь в свой дом, станешь беспечальным».

3-е л.: sü jorïlïm [täd̈äči] unamaŋ Тон.$_{35}$ «'Двинем войско!' — может [Тоньюкук] сказать, не соглашайся!»*.

Мн. ч.:

1-е л.: tabγač oγuz qïtaǰ bu üčägü qabïšïr qaltačï biz Тон.$_{13}$ «табгачи, огузы, кидане — эти трое объединяются. Мы останемся [в одиночестве]»*; ạ̈ki üč biŋ sümüz kältäči miz Тон.$_{14}$ «мы должны прийти с двумя-тремя тысячами [нашего] войска»[1].

2-е л.: bödkä körügmä bäglär-gü jaŋïltačï siz КТм$_{11}$ «покорные престолу (досл. смотрящие на престол) (?) беки, вы ведь склонны ошибаться».

3-е л.: öŋrä qïtaǰïγ ölürtäči Тон.$_{10}$ «на востоке они убьют (~ собираются убить) киданей».

Отрицательной формой этого времени служит показатель -mačï, mäči. К сожалению, примеры употребления этой формы крайне ограничены:

bu jolïn jorïsar jaramačï Тон.$_{23}$ «если идти этим путем, [то] не годится»*.

В отрицательной форме встречается 1-е л. ед.ч., которого нет среди утвердительных конструкций:

tägmäči män täjin saqïntïm Oa$_2$ «'Я не буду касаться [этого]' — думал я».

Очевидно, что в этих примерах суффикс -ma-, -mä- служит для выражения отрицания. В форме рассматриваемого времени этот суффикс вытесняет показатель -ta-, значение и происхождение которого остаются пока не совсем ясными. В. Котвич допускает тождество его с показателем гипотетического причастия на -ta, -da (Котвич 1962, 308).

Во всяком случае, развитие настояще-будущего потенциального времени шло с использованием внутренних языковых ресурсов, по аналогии с отрицательной формой другого настояще-будущего времени: *jaratačï — *jaramatačï > jaramačï.

[1] В этой предикативной синтагме форму kältäči miz можно признать и субстантивной — тогда вся эта фраза станет подлежащим, ср. ạ̈ki üč biŋ sümüz kältäči miz bar mu nä Тон.$_{14}$ «может ли иметь место наш приход с двумя-тремя тысячами [нашего] войска?»*

Здесь же можно заметить, что в вышеприведенных примерах не всегда предполагается действие, существующее в потенции, иначе, действие, готовое проявиться. В ряде случаев в этой временно́й форме содержится только умысел совершить действие, в связи с чем ее можно было бы назвать и настояще-будущим временем намерения. Однако понятие намерения само по себе теснейшим образом связано с виртуальным содержанием высказывания, и поэтому наименование данной формы как настояще-будущее потенциальное время представляется вполне оправданным.

Рассмотренные в предшествующем изложении восемь временны́х форм целесообразно свести в таблицу 4.

Таблица 4

Сводная таблица временных форм

Название формы	Положительная форма	Отрицательная форма
Прошедшее очевидное совершенное	kirti	sïmadï
Прошедшее неочевидное совершенное	baz qïlmïš	
Прошедшее несовершенное	jašajur ärti	bilmäz ärti
Прошедшее неопределенное неочевидное	olurur ärmiš	bilmäz ärmiš
Давнопрошедшее очевидное	joq bolmiš ärti	
Прошедшее потенциальное	jablaq bolt[ač]ï ärti	
Настояще-будущее	jorïjur	ïdmaz
Настояще-будущее потенциальное	ölürtäči	jaramačï

Анализ всех глагольных временных форм позволяет сделать следующие выводы.

Количественное соотношение претеритальных и презенциально-футуральных форм в языке ТРН находится в пропорции 3:1. Это довольно редкий случай в лингвистической практике, ибо Универсальная схема временно́-видовых отношений в языке до-

вольно точно представлена Е. Куриловичем в виде двух ромбов, каждый из которых отражает план настоящего и прошедшего времени, причем вершины ромба указывают на такие признаки, как видовая нейтральность, имперфективность, перфективность, и на сочетание последних двух признаков, что прослеживается в формах типа I write, I am writing, I have written, I have been writing (см. Kuryłowicz 1956, 26). Какой бы из индоевропейских языков ни взять, всюду показательна ромбоподобная система времен, ср. в английском present indefinite – past indefinite, present continuous – past continuous, present perfect – past perfect. Более того, В.В. Иванов и В.Н. Топоров на примере санскрита показывают, что система будущего времени по своей разветвленности соответствует системе времени настоящего или системе прошедшего времени (см. Иванов, Топоров 1960, 99). Асимметричность глагольно-временнóй системы языка TPH представляется совершенно очевидной.

Однако асимметрия очевидна лишь ipso facto. Объективно же бедность форм настояще-будущего времени объясняется жанром надписей, спецификой текстов эпитафий, где естественно преимущественное употребление прошедших времен. Поэтому материал рассматриваемых текстов недостаточен для суждений о состоянии форм и значений настоящего и будущего времени в тюркских языках в целом.

Что касается примеров утвердительных конструкций, то к вышесказанному можно лишь добавить, что довольно высок процент форм, где категория лица либо не выражена, либо представлена частично в виде слабо выраженного или нулевого показателя.

В отношении привативных форм времен можно также упомянуть следующее: в трех случаях отрицательная форма не зафиксирована вообще, хотя есть основание думать, что в прошедшем неочевидном совершенном времени форму -*mamiš заменяла форма -maduq.

Строение глагольных временных форм показывает, что количественно синтетические конструкции типа täḍi уступают аналитическим конструкциям типа tägmiš ärti.

В плане личных показателей следует отметить два различных ряда. Один ряд фиксируется в формах прошедшего времени, тогда как другой ряд фиксируется только в формах настояще-будущего времени (см. таблицу 5). Различие между членами этих рядов выражается и в том, что в претеритальных формах значение 3-го л. ед. и мн.ч. выражено показателем -i, -ï, тогда как в формах настояще-будущего времени значение 3-го л. обоих чисел выражено нулевым показателем. Видимо, это обстоятельство, связанное с явным взаимодействием рядов личных показателей в претеритальных и презенциально-футуральных конструкциях, породило мнение, что и в претеритальных конструкциях значение 3-го л. обоих чисел выражено отрицательной морфемой.

Лишний раз можно отметить и следующее, что личные показатели в претеритальных конструкциях близки к притяжательным суффиксам в формах типа ögim $КТ_{25}$ или ärdämi $КЧ_4$. Наряду с этим показатели лица в формах настояще-будущего времени теснейшим образом связаны с местоименными формами, и не случайно, что здесь фигурирует форма biz, которая находится в чередовании с miz, объясняющемся, видимо, взаимодействием парадигм. Общая картина личных окончаний в глагольных формах будет сведена в таблицу 5 по рассмотрении форм повелительно-желательного наклонения.

УСЛОВНАЯ ФОРМА НА -SAR, -SÄR

В языке TPH встречается достаточное количество примеров условной формы на -sar, -sär. Частота встречаемости, равно как и наличие специфического значения реальной или ирреальной формы условного периода, говорит о том, что эта форма засвидетельствована в виде важного компонента грамматики, и, казалось бы, ничто не мешает включению ее в категорию, именуемую наклонением. Однако статус наклонения здесь ставится под сомнение ввиду недостаточности парадигм, в частности ввиду отсутствия показателей лица. Условная форма на -sar на стадии языка TPH находится в начальной фазе своего формирования, и модификации ее в языке более позднего периода объясняются взаимовлиянием различных лично-суффиксальных рядов[1].

Показатель -sar по своей структуре является составным. В нем, несомненно, проступают элементы -sa-[2] и -r, который, например,

[1] Ср., например, barsa(r)män, barsa(r)sän ~ barsa(ɪ)ïŋ и т.д. (Щербак, 1961, 146; ср. Schinkewitsch 1927, 31). Сначала в этих формах личные показатели типа -sän и -ïŋ выступают в свободном чередовании, но впоследствии вся условная форма обнаруживает тенденцию к стяжению, и постепенно происходит как выпадение элемента -r, утратившего свою значимость, так и стяжение личных показателей до облика тех, которые встречаются в претеритальных формах.

[2] Показатель -sa-, -sä- не только выражает условность, но и выступает в текстах более поздних в дезидеративных конструкциях: män anï körsädim МК «я хотел его увидеть». Этот показатель присоединяется в то же время не только к глагольному корню (kör-), но и к его производному (körüg): isig jüzüŋüzäŋ körügsäjür biz Man. I «мы хотим видеть твой приветливый лик». По замечанию А.М. Щербака, оптативность — одно из древних значений рассматриваемой формы (Щербак 1981, 66). Любопытно, что, например, в предложении из «Гадательной книги»: baj är qoŋï ürküpän barmiš börikä sooqušmiš böri aγzï ämsimiš ThS II_{40} «овца богача, испугавшись, бежала и столкнулась с волком. Волк сосал у нее [молоко]» (Малов 1951, 87), — авторы ДТС глагол ämsi- считают желательной формой от äm- 'сосать' (ДТС 1969, 173). Однако в данной форме скорее усматривается значение продолжительности или непрерывности действия, передаваемое суффиксом -si-, как, например, в эвенкийском и корейском языках (см. Рамстедт 1957, 146).

Г. Рамстедт склонен считать суффиксом причастия (Рамстедт 1957, 168), а К. Брокельман — формой аориста (Brockelmann 1954, 240).

Определить значение -r в показателе -sar по текстам надписей — не столь уж легкая задача. В пользу наблюдения Г. Рамстедта для языка ТРН, казалось бы, например, говорят предложения типа ol järgärü barsar КТм$_8$ или ötükän jïš olursar КТм$_8$, которые можно переводить и как «желающий идти в те земли», и как «желающий остаться в Отюкенской черни». Однако в пользу наблюдения К. Брокельмана свидетельствует большой процент примеров, где -r в составе -sar как будто связан с временны́м значением. Это подкрепляется и противопоставлением рассматриваемой формы форме прошедшего времени условного периода в примере из более позднего, коранического памятника: ägär bolsadï rast «если бы было правильным» (Боровков 1963, 107) и др., хотя существует мнение, что форма на -sa(r) не выражает определенного грамматического времени и что соотнесенность условия с каким-либо временным отрезком предопределяется временем совершения действия, передаваемого сказуемым главного предложения (Щербак 1981, 62; ср. Bazin 1966, 278). Во всяком случае, Г. Рамстедт прав в уточнении связи финального компонента этого сложного показателя с причастием на -r, которое, в свою очередь, как известно, обслуживает и семиологически релевантную основу настояще-будущего времени.

Особенность условной формы на -sar в языке ТРН состоит не только в ее неспособности взаимодействовать с личными показателями, но и в относительной ограниченности тех личных значений, которые вытекают из контекста. Все примеры с этим показателем относятся либо к 1-му и 3-му лицу обоих чисел, либо ко 2-му л. ед.ч.

Ед.ч.:

1-е л.: bu jolïn jorïsar jaramačï Тон.$_{23}$ «если идти этим путем, [то] не годится»*.

2-е л.: ačsar tosïq ömäz sän КТм$_8$ «если [ты] голоден, ты не думаешь [о состоянии] сытости»*.

3-е л.: turuq buqalï sämïz buqalï arqada bilsär Тон.$_6$ «если [будущий хан] вообще знает, [что у него есть и] тощие быки, и жирные быки».

Мн. ч.:

1-е л.: aŋaru sülämäsär qač näŋ ärsär ol bizni Тон.$_{20}$ «если мы не пойдем против него, как бы то ни было, он нас [победит]» (Малов 1951, 67).

3-е л.: ol ạ̈ki kiši bar ärsär sạ̈ni tabγačïγ ölürtäči Тон.$_{10}$ «пока существуют эти два человека, то вас (досл. тебя), табгачей, они убьют» (там же, 65).

Ирреальная форма условного периода:

män iniligü bunča bašlaju qazγanmasar türk bodun öltäči ärti БК$_{33}$ «если бы я не приобретал с большим усердием (желанием), то народ тюркский мог бы умереть» (Малов 1959, 21).

Хотя Т. Текин приводит ряд примеров, где, по его мнению, содержится значение, указывающее на обстоятельства, при которых происходит действие (Tekin 1968, 186)[1], тем не менее и в них можно уловить значение, соприкасающееся с условным:

süŋüš bolsar čärig ạ̈tär ärti ab ablasar äräп ülä täg ärti КЧ$_9$ «когда было сражение, он направлял войско, когда была охота, он напоминал громадного сокола» (там же).

Ср. еще: közdä jaš kälsär äti-da köŋültä sïγït kälsär janturu saqïntïm КТ$_{51}$ «так с грустью думал я, в то время как из глаз [моих] лились слезы и сильные (?) вопли исходили из [глубины] сердца [моего], я снова и снова скорбел» (см. Малов 1951, 43).

Из изложенного следует признать, что некоторые аспекты функционирования формы на -sar и поныне остаются не совсем ясными, например, в какой же мере этот показатель мог функционировать наподобие -mïš или -duq. Между тем общая картина его употребления представляется примерно так: в самый первый период элемент -sa- присоединялся к именным основам, и поэтому необходимы были формы типа körügsä- МК вместо вторичного körsä- МК. Очевидно, взаимодействие форманта -sa- с именами, которое надо признать первичным, постепенно уступало место другой языковой норме, где он все более и более становился грамматикализованным, присоединяясь уже непосредственно и к глагольным основам. Передаваемое же, например, в манихейских текстах и др., модальное значение желания в нем содержалось с самого начала и, по всей вероятности, наряду с условным. Должно быть, в руни́ческих памятниках рассматриваемая форма по какой-либо причине не нашла полного отражения и, в частности, поэтому суффикс -sar в языке ТРН употребляется исключительно только с глагольными основами.

ПОВЕЛИТЕЛЬНО-ЖЕЛАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Повелительно-желательное наклонение передает волеизъявление говорящего, проступающее в его отношении к необходимости или желательности исполнения действия.

При выделении единого повелительно-желательного наклонения на материале языка ТРН можно регистрировать полную парадигму с точки зрения употребления различных лиц.

Форма 1-го л. ед.ч. образуется с помощью суффикса -jïn; -ajïn, -ạ̈jin и выражает произносимое или мысленное обращение

[1] Любопытно, в частности, что Т. Текин условную форму на -sar рассматривает в одном ряду с деепричастными формами на -pan; -jïn; -γalï; -ča и др. (там же, 185).

к самому себе, причем явно примешивается оттенок желания со стороны говорящего.

-jïn: jüz jašajïn-a E 36_1 «да живу я сто [лет]!» (см. Малов 1952, 66; Васильев 1983, 28, 66). Ср. еще в отрицательном употреблении: oγuz bod[un] ... ïdmajïn БК$_{33}$ «народ огузов ... я не отправлю [их]» (Малов 1959, 21).

Первый из этих примеров показывает, что различие между повелительно-желательной формой и настояще-будущим временем едва ли не сходит на нет. То же самое можно сказать и в отношении предложения, где эта форма выступает в отрицательной конструкции[1].

-ajïn: bärijä čuγaj jïš tügül tün (?) jazï qonajïn КТм$_7$ «я поселюсь не только на юге в Чугайской черни, но и в Тюнской (?) равнине».

-äjin: bän jïrdantajan tägäjin Тон.$_{11}$ «нападу-ка я с севера!».

Из полного примера, приведенного в сноске[2], видно, что говорящий приказывает табгачам и киданям во 2-м л. ед.ч., а себе дает указание, выражаемое формой 1-го л. ед.ч. Иными словами, форма 1-го л. ед.ч. tägäjin и форма 2-го л. ед.ч. täg тождественны в плане своего императивного смысла, но различаются обращенностью к разным лицам.

Встречается случай, где из контекста вытекает, что в показателе -ajïn надо усмотреть форму 1-го л. мн.ч.:

soγdaq bodun ạ̈täjin täjin jạ̈nčü ögüzüg kạčạ̈ tämir qapïγqa tägi sülädimiz КТ$_{39}$ «чтобы устроить народ Согда, мы переправились через реку Йенчу и прошли с войском вплоть до Темир-Капыга».

Таким образом, показатель 1-го л. ед.ч. не ограничивается употреблением только в этом лице, а может затрагивать и 1-е л. мн.ч.: равным образом не всегда представляется возможным выделить в семантическом плане только лишь повелительно-желательное значение — фиксируется и значение, близкое к настояще-будущему времени (ср. Кононов 1956, 235; Севортян 1962, 314).

Форма 2-го л. ед.ч. выражена либо нулевым показателем, либо показателем -gil, -γïl:

-gil: sabïmïn tükäti äṣidgil КТм$_1$ «слушай(те) полностью речь мою!».

-γïl: jälmä qaraγu ädgüti urγïl Тон.$_{34}$ «хорошо расставь [отряды] разведки и дозоры!».

[1] Ср. еще примеры из «Гадательной книги»: otsuz subsuz qaltï ujïn näčük jorijïn ThS II$_{69}$ «как я смогу [обходиться] без травы и воды, как (~ каким образом) буду ходить?»; jilqa tägmäšig jïdïtmajïn ThS II$_{91}$ «достигших [зрелого] возраста я не заставлю испускать запахи (т.е. не погублю)».

[2] tabγač baridäjän täg qïtaǰ öndäjän täg bän jïrdantajan tägäjin Тон.$_{11}$ «'Табгачи, нападайте с юга, кидане — нападайте с востока, я нападу (~ нападу-ка я) с севера'».

-∅: täŋri öl tämiš Тон.$_2$ «Небо: 'Умри!' — [так] сказало» (см. Giraud 1961, 53, 59)[1].

Форма 2-го л. ед.ч., таким образом, может выражать и 2-е л. мн.ч. Следует вообще отметить любопытную особенность форм повелительно-желательного наклонения: большинство форм, при достаточно четкой дифференциации по лицам, не различается четко по числам. И форма 3-го л. ед.ч. (см. ниже) используется и для выражения 3-го л. мн.ч.

Исследователи древнетюркского языка обычно не отмечают, чем отличается нулевой показатель формы 2-го л. ед.ч. повелительно-желательного наклонения от формы на -gil. А.М. Щербак, например, рассматривая данную форму в староузбекском языке, указывает, что она служит для выражения так называемого категорического императива (Щербак 1962, 154), но и в этом случае остается неясным, относится ли к этой же категории форма императива, выраженная нулевой морфемой. Видимо, форма на -gil отражает диссимилятивные процессы в личных суффиксах, поскольку необходимо различать формы 1-го л. ед.ч. долженствовательного будущего времени типа alγa(j)mən «я должен взять» (Насилов 1963, 76), формы типа alajïn ThS II$_{90}$ «да получу я» (Малов 1951, 91) и формы типа alγïl «возьми» (Баскаков 1952, 448).

Отрицательная форма 2-го л. ед.ч. встречается только при нулевой морфеме императива, ср.: basïtma Тон.$_{34}$ «не дай себя одолеть!».

Форма 3-го л. ед.ч. оформляется посредством показателей -zun/-zu, -zün; -čun, выражающих пожелание или повеление.

-zun: toγdï turzun E 48_5 «родился и пусть живет!» (Малов 1952, 95)[2].

-zu: täŋri jarïlqazu КТ$_{29}$ «да будет [ко мне] Небо благосклонно!» (Малов 1951, 40; ср. Мелиоранский 1899, 71; Кононов 1980, 185)[3].

[1] Ср. другой пример, где нулевая морфема выражает и 2-е л. мн.ч.: bu sabïmïn ädgüti äṣid qatïγdï tïŋla КТм$_2$ «эту речь мою хорошенько слушайте и крепко [ей] внимайте!».

[2] Ср. -zun и в значении 3-го л. мн.ч.: ič jär ạ̈lki artzun E 48_4 «пусть множатся косули внутренних земель!».

[3] В. Томсен данную фразу переводит так: «по воле Неба» (Thomsen 1924/25, 150). В. Банг признает, что jarlïqazu — трудная форма, но, по его мнению, она едва ли императивная. Кстати, показатели -zun, -zu, равно как и -čun, В. Банг считает формой девербативного имени (Bang 1916a, 1248 сл.). Здесь же можно отметить, что, например, В.В. Радлов испытывает явное затруднение в выделении первоначальной формы -zun, -zu и -zuni (Radloff 1897, 91). По его мнению, все три формы могли быть исходными при последующем стяжении (zuni > zun > zu) или наслаивании формы (zu > zun > zuni).

-zün: türk bodun jitmäzün täjin joluq ärmäzün täjin üzä täŋri täг ätmiš O_3 «'Да не уничтожится тюркский народ, да не будет жертвой!' — наверху Небо [пожалуй, так] сказало» (Малов 1959, 10).

-čun: türk bodun joq bolmazun ... bodun bolčun Ктб$_{11}$ «'Да не погибнет народ тюркский ... народом пусть будет!'» (Малов 1951, 37).

Что касается отрицательной формы повелительно-желательного наклонения 3-го л. ед.ч., то, как видно из последнего примера с bolmazun (ср. также jitmäzün, ärmäzün O_3), она образуется обычным способом. Представляется только весьма любопытным и трудно объяснимым моментом, почему в отрицательной форме встречается норматив — суффикс -zun, тогда как в положительной форме этого же глагола двумя словами далее в нашем примере читается уже совершенно другая форма на -čun. Несмотря на затемненность контекстуальных нюансов этой формы, А.Н. Кононов предположительно рассматривает ее в качестве фонетического варианта формы на -zun, подчеркивая при этом, что "параллельные конструкции bolmazun//bolčun указывают на равенство функций и значений -zun//-čun" (Кононов 1980, 185 сл.). Пока нет веских оснований расставаться с этой конъектурой, но она не объясняет полностью причин параллельного употребления таких конструкций, оставляя тем самым открытой возможность переинтерпретации проблемы в целом или в частности. Предположение же В.Г. Кондратьева, допускающего здесь неправильное написание (Кондратьев 1970, 27), кажется недостаточным. Безусловно, форма -čun — трудная форма, но презумпция доверия к ее авторитету вполне реальна.

Если формы типа -ajïn; -gil и др. по отношению к оппозиции числа кажутся несколько индифферентными, то суффиксы -lïm, -lim; -alïm, -älim выражают только значение 1-го л. мн.ч. Можно полагать, что этот показатель первоначально появился в качестве особого разграничителя числа:

-lïm: öŋdän qaγanγaru sü jorïlïm Тон.$_{29}$ «отправимся-ка в поход с востока на кагана!».

-lim: üčägün qabïšïp sülälim Тон.$_{21}$ «объединившись втроем, отправимся-ка в поход!».

-alïm: anï subïγ baralïm Тон.$_{27}$ «да отправимся мы по реке Аны!».

-älim: nä basïnalïm tägälim Тон.$_{39}$ «зачем нам быть побежденными? Нападем [сами]!».

Отрицательная форма:

täŋri bilgä qaγanta adïrïlmalïm azmalïm Oa$_3$ «да не отделимся мы от божественного Бильге-кагана и не совратимся!» (Малов 1959, 10).

В языке ТРН форма 1-го л. мн.ч. предстает, в отличие от форм более поздних стадий тюркских языков, в относительно чистом и неконтаминированном виде[1].

Повелительно-желательное наклонение 2-го л. мн.ч., как было указано, может выражаться как посредством нулевого показателя, так и посредством суффикса -ŋ. Однако нормативной формой 2-го л. мн.ч. является форма с суффиксом -ŋ, -/\ŋ. Уже на материале языка ТРН можно отметить одну особенность: суффикс -ŋ и его варианты служат для выражения не только множественного числа, но и единственного. Иными словами, в этот период отмечается явное взаимозамещение суффиксов, выражающих повелительно-желательное наклонение для разных чисел. В связи с тем, что форма императива множественного числа употреблялась и для выражения единственного числа, для большей разграниченности противопоставления множественности/единственности уже в языке рунических памятников употреблено сочетание -iŋlär: anča biliŋlär ädgü ol ThS II$_1$ «так знайте — это хорошо!» В.В. Радлов отмечает в восточнотюркских диалектах и суффиксы -ïŋar, -ïγar, а в западных диалектах — -ïŋlar, -ïŋïz (см. Radloff 1897, 91).

Рассматриваемый суффикс можно признать именным по своей дистрибуционной способности. Формы biliŋ КТм$_{12}$ или biliŋlär ThS II$_1$ следует интерпретировать поначалу как именные формы со значением «ваше знание» и «ваши знания». Недаром В.В. Радлов говорил, что суффикс -γïl, служащий для выражения императива 2-го л. ед.ч., восходит к глаголу qïl- 'делать', т.е. qïl «делай!» (Radloff 1897, 91; ср. Deny 1921, 389 сл.; Brockelmann 1954, 225). В таком случае форму типа äšidgil можно интерпретировать как «делай слушание!». Со временем именной генезис императивно-желательных форм исчез, и эти конструкции начали восприниматься как типичные представители разветвленной глагольной парадигмы. Во всяком случае, анализируемые суффиксы повелительно-желательного наклонения свидетельствуют либо о нерасчленимости имен и глаголов на первой стадии развития тюркских языков, либо об именном генезисе этих глагольных форм.

Примеры с этим показателем в текстах ТРН относительно немногочисленны:

-ŋ: igidiŋ ämgätmäŋ tolγatmaŋ БК C_6 «Возвышайте и не мучайте!»*.

-ïŋ: [türk] bäglär [bodun anča] saqïnïŋ БК$_{33}$ «вы,тюркские беки [и народ],подумайте об этом!» (Малов 1959, 21).

-iŋ: aŋar körü biliŋ КТм$_{11}$ «смотря на него (т.е. на памятник), знайте!».

[1] Так, например, К. Брокельман из раннемусульманских текстов приводит формы, где конечный согласный суффикса -lïm/-alïm может варьироваться: -aliŋ: ičälim «мы хотим выпить»; -aliq: qojaliq «мы хотим положить» (Brockelmann 1954, 228 сл.).

-uŋ: altun jïšda oluruŋ Тон.$_{31}$ «оседайте в Алтунской черни!».

Анализ предложения oluruŋ täjin tämiš jälmä qaraγu ädgüti urγïl basïtma Тон.$_{34}$ «'Пребывай [на месте]! — сказал [каган] — Хорошо расставь [отряды] разведки и дозоры, не дай себя одолеть!'» дает любопытные результаты. Как явствует из перевода, достаточно точно отражающего несколько однородных императивных конструкций, тождественными в плане соотношения со значением лица являются следующие формы: oluruŋ «пребывай [на месте]!»; urγïl «расставь [отряды]!»; basïtma «не дай себя одолеть!».

В таком случае показатели -ŋ, -γïl и нулевая морфема лица являются синонимичными. Вместе с тем здесь имеется и пример того, как суффикс -ŋ выступает в качестве показателя 2-го л. ед.ч. Если даже в данном предложении имеет место обращение весьма вежливое, что никак не исходит из контекста, поскольку адресат является подчиненным Кутлуга, иначе, Ильтериш-кагана, которому и принадлежат эти слова, то и в этом случае налицо относительная нейтрализация оппозиции числа.

Точно так же суффикс -ŋ, следующий после отрицательного показателя -ma-, -mä- (и, следовательно, после основы на гласный), в зависимости от контекста носит значение как 2-го л. мн.ч., так и 2-го л. ед.ч., ср.:

ämgätmäŋ tolγatmaŋ БК C$_6$ «не мучайте!»*.

äl törüsü ïdmaŋ E 10$_7$ «законы государства не нарушай (?)!» (ср. Васильев 1983, 18, 60).

Достойно специального замечания, что личный показатель -ŋ и его варианты при наличии различных дистрибуционных особенностей могут встречаться в двух наклонениях — повелительно-желательном и прошедшем времени изъявительного наклонения, но в первом случае основное значение показателя -ŋ, следовавшего непосредственно после глагольной основы, связано с множественным числом 2-го л., тогда как во втором случае этот показатель следует после временно́й основы, выражая единственное число 2-го л., ср. ičikdiŋ Тон.$_2$ «ты подчинился». Вместе с тем очевидно, что в претеритальных конструкциях -ŋ использован редко, поскольку в них для выражения указанного лица употребляются преимущественно варианты -g, -γ, что обеспечивает опять-таки семантическую различаемость грамматического показателя.

Однако язык ТРН прекрасно отражает тот период, когда стабилизация различных элементов языка сопровождается процессом непрерывной модификации.

В сфере различных показателей обнаруживается тот разнобой, который связан с поисками наиболее устойчивого варианта. Что заставило использовать в прошедшем времени форму на -tïq, -tuq, -duq, которая на более поздней стадии развития тюркских языков приобрела широкое употребление, несколько вытеснив вариант -tïmïz, -dïmïz, с очевидностью установить пока трудно.

Вероятнее всего, такой параллелизм этих форм можно объяснить диалектными различиями. Но использование -tïq, -tuq, -duq как различителя 1-го л. мн.ч. натолкнулось на затруднение, сопряженное с оформлением 2-го л. ед.ч.

В качестве показателя 2-го л. ед.ч. в претеритальных конструкциях формы типа öltig КТм$_6$ и alqïntïγ arïltïγ КТм$_9$ при оглушении конечных согласных (-g, -γ) оказались весьма неудобными для различения 1-го л. мн.ч. на -duq. Во избежание двусмысленности при восприятии на слух, в соответствии с распространением варианта -duq, 2-е л. ед.ч. прошедшего времени постепенно стало выражаться посредством показателя -ŋ (далее трансформой -n), равно как -ŋ доминировал в качестве показателя 2-го л. мн.ч. повелительно-желательного наклонения.

Для устранения формального сходства в показателях лица этих разных парадигм, наряду с другими причинами, в повелительно-желательном наклонении проявилась тенденция к сочетаемости -ŋ с нормативным суффиксом множественного числа +lar (ср.: biliŋlär ThS II$_1$), точно так же, как личные суффиксы прошедшего времени изъявительного наклонения -ŋ; -g, -γ еще с давних пор сочетались с архаичным показателем числа +Λz (ср.: ärtiŋiz E 28$_2$; ärtigiz КТ$_{49}$; bardïγïz КТ ЮВ).

Проблема использования личных показателей единственного числа в значении показателей множественного числа (ср. -jïn; -Ø, -gil; -zun) связана с более широкой проблемой весьма экономичного употребления показателей категории множественного числа в древнетюркском языке, в особенности в памятниках рунической письменности (ср. von Gabain 1950, 84).

Представляет интерес структура показателя -ajïn, -äjin. В.В. Радлов затруднялся высказать что-либо в отношении происхождения этого суффикса (Radloff 1897, 90). В. Томсен, например, в форме ölüräjin гласный ä связывал с показателем футурума (Thomsen 1896, 170). По мнению Г. Рамстедта, суффикс -jïn/-ajïn восходит к форме -ai, которой сооветствует -aja, -eje, -ije в монгольских языках (Ramstedt 1903, 74). В другой своей работе Г. Рамстедт в приводимых им примерах bulγa-jïn, qus-a-jïn считает, что -jïn/-a-jïn < *yu-a (Ramstedt 1915/16, 77). Представляется сомнительным такой подход Г. Рамстедта. Элемент -ai не может быть выделен в вариантах -jïn/-ajïn, и вполне вероятно, что начальный -a-, -ä- в суффиксах -ajïn, -äjin и -alïm, -älim носит одинаковый характер, а именно характер соединительной фонемы. Желательное наклонение (см. Deny 1957, 21) и будущее время (см. Caferoglu 1964, 130) в ряде тюркских языков имеют показатель -gäj, -γaj[1], коррелятом которого в языке ТРН, очевидно,

[1]Еще в «Гадательной книге» имеется форма на -gäj, -γaj, выражающая как значение желательности, так и значение будущего времени (ср. Menges 1959, 476): qut bärgäj män ThS II$_3$ «'Я ниспошлю (досл. дам) [тебе] благодать'»; ïduqluγ jaraγaj ThS II$_{61}$ «[он] подойдет для того, чтобы быть священным (т.е. принесшим в жертву)».

является -j и восходит к форме типа al-γaj-män «я должен взять» (см. Насилов 1963, 76), где имело место выпадение слога -γa- и стяжение -*jmän > -jän > -jin. Что касается в составе суффикса -jïn/-ajïn согласного -n, возводимого В. Бангом к инструментальному падежу (Bang 1916a, 1245), то он восходит к конечному согласному местоимения män и служит показателем 1-го л., как, например, в старотурецком (см. Brockelmann 1954, 227), равно как конечный согласный -m в суффиксе -lïm/-alïm, вероятнее всего, восходит к личному местоимению män (там же)[1], но на этот раз не с его финалью, а с инициалью.

Таблица 5

Сводная таблица личных показателей

Лицо	Число	Повелительно-желательное наклонение	Изъявительное наклонение: Прошедшее очевидное совершенное время	Изъявительное наклонение: Настояще-будущее время
1-е	ед.	-jïn: jašajïn -ajïn: qonajïn -äjin: tägäjin	-ïm: qïlïntïm -im: ätdim -um: tutdum	-män: bärür män
	мн.	-lïm: jorïlïm -lim: sülälim -alïm: baralïm -älim: tägälim	-ïmïz: qorqmadïmïz -imiz: ärtürtimiz /-Ø: adïrïlmaduq	-biz: qorqur biz (ср. kältäči miz)
2-е	ед.	-gil: äšidgil -γïl: urγïl -Ø: öl	-iŋ: almadïŋ -iŋ: bärtiŋ -ig: öltig -ïγ: alqïntïγ arïltïγ	-sän: ömäz sän
	мн.	-ŋ: ämgätmäŋ tolγatmaŋ -ïŋ: saqinïŋ -iŋ: biliŋ -uŋ: oluruŋ	-iŋiz: adïrïlu bardïŋïz -iŋiz: ärtiŋiz -igiz: ср. qaltačï ärtigiz -ïγïz: uča bardïγïz	-siz: bilir siz
3-е	ед.// мн.	-zun: turzun//artzun- /-zu: jarlïqazu -zün: jitmäzün -čun: bodun bolčun	i: kirti//tägdi -ï: ančuladï//ï[d]tï	-Ø: jorïjur//qabïšïr

Различные исследователи отмечали дифференциацию лиц в различных глагольных формах, но на существование трех групп форм, выражающих категорию лица и числа в глагольной парадигматике, вполне четко указал А.М. Щербак (см. Щербак 1961, 155 сл.). Он отмечает, что первая группа личных окончаний, соответствующих полным личным местоимениям 1-го л. и 2-го л. обоих чисел, употребляется в формах настояще-будущего времени; вторая группа окончаний, представляющая собой стяженные формы личных местоимений, встречается в формах прошедшего времени. К третьей группе А.М. Щербак относит формы лица и числа, прослеживаемые в повелительном и выделяемом им предлагательно-желательном наклонениях, и рассматривает их как неместоименнные формы лица и числа, с чем полностью согласиться, пожалуй, несколько трудно, поскольку и для этой,третьей,группы прослеживается частичный местоименный генезис. Вместе с тем следует заметить, что во втором ряду личных окончаний, т.е. в формах прошедшего времени, особняком стоит лично-временной показатель 1-го л. мн.ч. -tïq, -tuq, -duq, зарегистрированный в формах ulatïq $T9_2$, boltuq E 53_3 и adïrïlmaduq jaŋïlmaduq Oa_3.

В таблице 5 усматривается достаточно разветвленная вариантность личных показателей, за исключением форм настояще-будущего времени, где они, как правило, выступают при нулевой морфеме 3-го л. обоих чисел.

[1] Ср. также, например, форму условного наклонения в восточнотуркестанских текстах на рубеже первого и второго тысячелетий н.э.: barsar män «если я пойду» > barsam (Щербак 1961, 146). Характерно, что местоименный показатель män выступает в трех формах: в полной män (-r män Тон.$_{37}$), в стянутой — -m (-lïm Тон.$_{35}$) и -n (-jïn E 36_1).

Нефинитные формы глагола в языке ТРН представлены разрядом деепричастия и причастия.

Деепричастная форма глагола обозначает мотивированный глагольной основой процесс как адвербиальный признак, а причастная форма глагола обозначает мотивированный глагольной основой процесс как атрибутивное состояние.

ДЕЕПРИЧАСТИЕ

Деепричастие в языке ТРН, как и в современных тюркских языках, образуется посредством специальных показателей (см. таблицу 6) и входит в морфологический разряд неизменяемых слов. Деепричастная форма глагола, не могущая выступать в качестве предиката, является вторичным центром предложения (деепричастный оборот), характеризующим другое действие. Грамматическое лицо и число такого действия, представленного деепричастием, выводится в зависимости от лица и числа основного действия, выраженного личной формой глагола. Вместе с тем, как принято считать, деепричастие обладает значением не абсолютного времени, а относительного.

Деепричастие на -a, -ä, -i, -ï, -u, -ü/-(j)u, -(j)ü присоединяется непосредственно к глагольной основе с согласным на конце, и только с основой, оканчивающейся на гласный, употребляется вариант -(j)u, -(j)ü с соблюдением правил сингармонизма. Полугласный j в этих случаях служит для устранения зияния. Посредством форм на -a, -ä, -u, -ü/-(j)u, -(j)ü передается действие, одновременное с действием основного глагола, однако, можно полагать, что в отдельных случаях передается и значение предшествующего действия (ср. bintürä Тон.$_{25}$).

Ряд тюркологов, в частности Ф.Г. Исхаков и А.А. Пальмбах (Исхаков, Пальмбах 1961, 324 сл.), вслед за В.В. Радловым (Radloff 1897, 124) считают, что эти суффиксы, состоящие из единственного гласного, включая форму на -i, -ï, представляют собой варианты одного и того же показателя. Между тем трудно выявить дополнительность этих суффиксов по отношению друг к другу[1]. По частоте употребления суффикс -u, -ü близок к суффиксу -a, -ä, тогда как -i, -ï встречаются значительно реже и притом в качестве конструктивных элементов аналитических форм глагола.

[1] Ср. мнение П.М. Мелиоранского о неравнозначности этих форм (Мелиоранский 1899, 132).

Форма на -a, -ä:

bäŋgü äl tuta olurtačï sän КТм$_8$ «ты можешь жить, созидая [свой] вечный племенной союз»;

süŋüg batïmï qarïγ sökipän kögmän jïšïγ toγa jorïp qïrqïz boduniγ uda basdïmïz КТ$_{35}$ «проложив дорогу через снег глубиною с копье и вздымая пыль (?), мы прошли через Кегменскую чернь и напали на кыргызов [выбрав момент], когда [они] спали».

joqaru at jätä jadaγïn ïγač tutïnu aγturtïm Тон.$_{25}$ «ведя лошадь пешком и держась за деревья, я поднял [всех] вверх».

at üzä bintürä qarïγ sökdim Тон.$_{25}$ «приказав сесть на лошадей, я проложил себе дорогу через снег».

В отдельных случаях эта форма перешла как в разряд наречий, например jana Тон.$_2$ 'снова, опять', jämä Тон.$_{27}$ 'и, также, еще', так и в разряд служебных слов, ср. tapa 'к, на, по направлению к кому-л., чему-л.'.

Форма на -u, -ü/-(j)u, -(j)ü:

jaγï bolïp ätinü jaratunu umaduq jana ičikmiš КТб$_{10}$ «став врагом и не будучи в состоянии создать что-либо для себя, он снова подчинился [народу табгач]»;

ï bar baš ašdïmïz jubalu intimiz Тон.$_{26}$ «мы перевалили через вершину с зарослями и спустились (досл. скатываясь, спустились)».

bolučuqa taŋ öntürü tägdimiz Тон.$_{35}$ «на рассвете (~ с наступлением утра) мы достигли [реки] Болучу»;

on oq oγliŋa tatïŋa tägi buni körü biliŋ БК С$_8$ «смотрите и знайте это, все вплоть до сыновей народа "десяти стрел" и иноземцев»;

kül tägin jadaγïn oplaju tägdi КТ$_{32}$ «Кюль-Тегин в пешем строю бросился в атаку»;

käjik jäjü tabïšγan jäjü olurur ärtimiz Тон.$_8$ «мы жили, питаясь оленями и зайцами».

В отдельных случаях и эта форма перешла как в разряд наречий, ср. ulaju КЧ$_{24}$ 'вслед, за', так и в разряд служебных слов, например saju Тон.$_{42}$ 'каждый, всякий', bašlaju КТ$_{48}$ 'во главе'.

Форма на -i, -ï, как отмечалось, встречается в аналитических образованиях типа kök täjiŋin türkimä bodunïma qazγanu bärtim äti bärtim БК С$_5$ «их голубых белок я добыл для моих тюрков, для моего народа и все устроил [им]»; tabγač qaγanqa älin törüsin alï bärmiš КТб$_3$ «они брали племенной союз и власть в интересах кагана табгачей»[1].

[1] Примерно так переводил эту фразу В.М. Насилов на лекциях, читанных им в ИСАА при МГУ, ср. содержание следующего столбца.

В отдельных случаях эта форма также перешла как в разряд служебных слов, например tägi Тон.$_{45}$ 'до, вплоть, до', так и в разряд наречий, ср. qodï БК$_{37}$ 'вниз, внизу'.

В.М. Насилов высказывал соображение, что семантика рассматриваемых форм деепричастия тесно связана с семантикой основного глагола, которому они предшествуют и для которого являются обстоятельством (см. Насилов 1960, 47). В большинстве из вышеприведенных примеров они действительно находятся в непосредственной препозиции к основному глаголу. Но в ряде случаев о непосредственной препозиции говорить нельзя, поскольку между деепричастием и основным глаголом находятся несколько слов, которые могут относиться совсем к другому предложению, ср.:

kögmän aša qi[rqïz järiŋä tägi sülädimiz] КТ$_{17}$ «перейдя через Кегменскую [чернь], мы ходили войском вплоть до страны кыргызов»;

barmiš bodun ölü jitü jadaγïn jalaŋïn jana kälti КТ$_{28}$ «ушедший народ, погибая, пешком и нагишом пришел обратно» и др.

Эти примеры показывают дисконтактную препозицию деепричастия по отношению к основному глаголу, в то же время они свидетельствуют о семантической нераздельности деепричастия и основного глагола. В самом деле, в первом примере едва ли можно говорить о семантической нерасчлененности aša «перейдя» и sülädimiz «мы ходили войском». Точно так же трудно говорить о смысловой нерасчлененности во втором примере таких слов, как ölü jitü «погибая» и kälti «пришел». Но независимо от этого деепричастная форма и основной глагол находятся в определенных отношениях детерминации, согласования и семантической дополнительности.

Рассматриваемые формы деепричастия могли бы объединиться названием "слитное деепричастие" (ср. там же, 46 сл.) только в том случае, если бы деепричастие непосредственно примыкало к основному глаголу и было бы от него отделимо простым морфологическим стыком. Но поскольку едва ли не в половине примеров надписей оно отделено от основного глагола одним или несколькими словами, то статус слитного деепричастия подвергается сомнению.

К. Брокельман подробно рассматривает все случаи употребления этих показателей в языке раннемусульманской литературы и приводит примеры, когда деепричастие имеет свое собственное подлежащее: taŋ ata jortalïm МК «с рассветом двинем вперед» (см. Brockelmann 1954, 315). Наличие отдельного субъекта у деепричастной формы глагола фиксируется и в текстах ТРН:

quγ säŋün bašadu tört tümän sü kälti БК Ю$_8$ «под предводительством Куг-сенгуна пришло войско из сорока тысяч человек».

О грамматической самостоятельности этого деепричастия говорит и А.М. Щербак, который, в частности, обозначает его

более адекватным определением "соединительное" (Щербак 1962, 167 сл.). В. Котвич, например, считает эту форму деепричастием настоящего времени (Котвич 1962, 302). Однако на уровне языка ТРН ничто не указывает на семантику настоящего времени в данном деепричастии.

Деепричастие на -p, -ïp, -ip, -up; -pan, -pän, -ïpan, -ipän присоединяется непосредственно к глагольной корне-основе, причем -p; -pan, -pän следуют после основ с конечной гласной, а остальные — после основ с согласным на конце. Иными словами, варианты -ïp, -up; -ïpan предполагаются в позициях, где глагольная основа в последнем слоге содержит велярный гласный, равно как наличие вариантов -ip; -ipän обусловлено характером палатальных гласных в тех же позициях. Действие, которое выражается этим деепричастием, обычно предшествует по времени действию, выраженному основным глаголом (Насилов 1960, 48).

Форма на -p, -ïp, -ip, -up:

maγï qurγan [q]išlap jaziŋa oγuzγaru sü tašïqdïmïz КТ$_{48}$ «перезимовав в укреплении Магы, весною мы выступили с войском против огузов»;

qaŋïm qaγan süsi böri täg ärmiš ... ilgärü qurïγaru süläp tą̈rmiš qubrat[miš qamu]γï jäti jüz är bolmiš КТб$_{12}$ «войско отца моего, кагана, было подобно волку ... собранное во время походов вперед (~ на восток) и назад (~ на запад), оно стало включать в себя семьсот мужей»;

anï jaǰïp türgi jarγun költä buzdïmïz КТ$_{34}$ «рассеяв, мы разбили их у озера Тюрги-Яргун»;

jolïγ tägin män aj artuqï tört kün olurïp bitidim bädiztim БК ЮЗ «я, Йолыг-тегин, сделал надпись и украсил, пробыв [за работой] месяц и четыре дня»;

išbara jamtar boz atïγ binip tägdi КТ$_{32}$ «сев на серого коня, [принадлежащего] Ышбара-Ямтару, он бросился в атаку»;

alp ärin ölürip balbal qïlu bą̈rtim БК Ю$_7$ «убив их отважных мужей, я соорудил балбалы».

toquz jägirmi jašïmγa ögsüz bolup qatïγlanïp otuz jašïmγa ögä boltum E 45$_{2-3}$ «к девятнадцати годам лишившись матери, я, возмужав, к тридцати годам сделался должностным лицом».

Примеры с формой на -p дают возможность сделать некоторые наблюдения. Прежде всего показательно совместное употребление деепричастных форм на -a, на -p и -ipän в одном из вышеприведенных предложений. Здесь вновь можно убедиться не только в том, что форма на -a не примыкает к основному глаголу и отделена от него семантически, но и в том, что в данном случае в оборотах toγa jorïp и qïrqïz bodunïγ uda basdïmïz имеется та деепричастная конструкция, которая обычно именуется абсолютным причастием типа русской конструкции «Подъезжая к сией стан-

цыи и глядя на природу в окно, у меня слетела шляпа»[1]. Деепричастные формы на -p и -ïpän в вышеупомянутом предложении сосуществуют рядом, точно так же, как идут рядом деепричастные формы типа -a и -u (ср. Тон.$_{25}$). Употребление деепричастия на -pan ставит целый ряд вопросов, которые до сих пор не разрешены более или менее адекватно. К таким вопросам относятся, во-первых, формальная близость показателей -p и -pan, производность одного показателя от другого; во-вторых, поскольку они сосуществуют рядом, то не совсем ясно их семантическое различие.

В.М. Насилов подвергает сомнению утверждение некоторых тюркологов, рассматривающих форму на -pan как развившуюся из деепричастия на -p (ср. von Gabain 1950, 124), в качестве доказательства ссылаясь на то, что в орхоно-енисейских текстах "деепричастие на -pan, -pän обычно употребляется для выражения действия, предшествующего основному, выраженному в сказуемом предложения" (Насилов 1960, 49). Но, согласно его же утверждению, деепричастие на -p "служит компонентом, выражающим действие, предшествующее тому, которое выражено в сказуемом". В то же время автор не обосновывает своего мнения, что существование обоих деепричастий в языке памятников, равно как в уйгурских и так называемых чагатайских письменных памятниках, обусловлено их смысловым различием, которое выражается в том, что деепричастие на -p может передавать и чередующиеся, и одновременные действия (там же, 48 сл.).

Большинство тюркологов склоняется к мысли о том, что форма на -pan служит расширенной формой деепричастия на -p (ср. Tekin 1968, 183; Kwon 1962, 86). К. Брокельман указывает, например, на именную природу деепричастия на -p (Brockelmann 1954, 243). В таком случае действительно имеются основания считать, что деепричастие на -pan представляет собой форму древнего орудного падежа от девербативного имени[2], которое стало функционировать в качестве деепричастия (ср. Щербак 1962, 173), и тогда, если, скажем, форму kälip можно интерпретировать в своем первоначальном смысле как 'приход', то форму kälipän можно рассматривать как 'приходом, с приходом'.

Форма на -pan, -pän, -ïpan:

säläŋä qodï jorïpan qaraγïn qïsalata (?) äbin barqïn anta buzdïm БК$_{37}$ «спустившись вниз по Селенге и сильно тесня (?) их, я там разорил их дома» (Малов 1959, 22);

sü süläpän ... boduniγ qop almiš КТб$_2$ «выступив с войском, они покорили все народы»;

tabγačγï bäglär tabγač atïn tutïpan tabγač qaγanqa körmiš КТб$_7$ «беки, находившиеся [в стране народа] табгач, приняв табгачские титулы, подчинились кагану табгачей»*;

[1] Фраза взята из «Жалобной книги» А.П. Чехова.

[2] Ср., например, слово qop в орудном падеже: qopïn Тон.$_{16}$ ~ qopan Тон.$_{36}$.

äčim qaγan oluriïpan türk boduniγ jąčä ątdi КТ$_{16}$ «мой дядя-каган, сев [на царство], снова устроил тюркский народ»;

bunča bodun kälipän siγtamiš joγlamiš КТб$_4$ «столько народов, придя, оплакивали [каганов]»;

qaliïn jaγïqa qïjmatïn tägipän adïrïldïm E 28$_8$ «я умер, храбро (досл. не отступив) сражаясь с многочисленным врагом».

В отношении распространенности в руниче ских текстах показателя -pan можно отметить бóльшую его частоту лишь в «Гадательной книге», в тексте, которому свойственно разговорное своеобразие. Поскольку, например, в надписях в честь Кюль-Тегина и Тоньюкука, отличающихся сравнительно упорядоченным языковым стилем, деепричастная форма на -pan либо очень редка, либо отсутствует вообще, то остается предположить, что она могла носить разговорный или частично диалектный характер. Форма на -pan, которая встречалась как в древнеуйгурских текстах буддийского содержания (ср. Насилов 1963, 50), так и в языке более позднего периода (ср. Brockelmann 1954, 242 сл.; Schinkewitsch 1927, 24 сл.; Щербак 1961, 160 и др.), впоследствии вообще вышла из употребления.

Деепричастие на -ujïn, -jin; -matïn/-matï, -majïn в текстах надписей представляет определенный интерес. Форма на -ujïn, -jin, являясь положительной формой показателя -matïn/-matï, -majïn, подвержена тем же трансформациям, которые прослеживаются ниже по отношению к -matïn. Забегая вперед, следует отметить, что -ujïn, -jin—синтетическая форма и восходит к сочетанию формы на -r и суффикса исходного падежа.

К сожалению, частота употребления этого показателя в языке ТРН весьма ограничена и фиксируется преимущественно в сочетании с глагольной основой tą- 'говорить, сказать'[1]. Анализ данной деепричастной формы осложняется и тем, что те два случая — bolmajïn Тон.$_2$ и bolujïn Тон.$_7$, — которые Т. Текин рассматривает как деепричастные (Tekin 1968, 183 сл.), в частности В. Томсен обошел своим вниманием (Thomsen 1916, 34). В форме bolmajïn С.Е. Малов выделяет деепричастный -jïn, тогда как вторую форму от той же основы bol- считает формой желательного наклонения (Малов 1951, 71). Перевод С.Е. Маловым или Г. Рамстедтом, И. Гранё, П. Аалто (см. там же, 65; Ramstedt и др. 1958, 31 сл.) 6-го и 7-го столбцов западной стороны памятника в честь Тоньюкука представлялся бы более верным, нежели, например, у Т. Текина, если бы после написания bolʌjïn стояла форма tąjin.

[1] А.М. Щербак форму tąjin «говоря» считает восходящей к деепричастию на -(j)a ... и суффиксу творительного (орудного) падежа (Щербак 1981, 123), тогда как, по К.Г. Менгесу, tąjin — древнеалтайское nomen presentis на -n (Menges 1968, 137).

Форма на -ujïn, -jin:

bilgä toǰuquq bojla baγa tarqan birlä ältäriš qaγan bolujïn bärijä tabγačïγ öŋrä qïtaǰïγ jïraja oγuzuγ üküš-ök ölürti Тон.$_7$ «став каганом, Ильтериш, вместе с мудрым Тоньюкуком — бойла бага тарканом, много поубивал направо (~ на юге) табгачей, спереди (~ на востоке) киданей, слева (~ на севере) огузов»* (ср. Tekin 1968, 183 сл.)[1];

türk bodunïγ ötükän järkä ... qonmïš täjin äšidip bärijäki...bodun kälti Тон.$_{17}$ «услышав, что тюркский народ поселился на земле Отюкен ... пришли к нам южные... народы».

Ср. еще: täŋrikänkä išig bärtiŋ täjin O$_6$ «говоря: 'Ты на божественного (августейшего) трудился'» (см. Малов 1959, 10).

В форме bolujïn фонема u в позиции между глагольной основой и показателем -jïn скорее является реликтом формы на -ur, нежели соединительным гласным.

По своему употреблению форма täjin, вводящая прямую речь, не отличается от формы täp, ср.:

äki šad ulaju ini jügünim oγlanïm bäglärim bodunïm közi qašï jablaq boltačï täp saqïntïm KT$_{51}$ «я предавался печали, думая: 'Вот [скоро] испортятся очи и брови обоих шадов и идущих за ними моих младших родичей, моих огланов, моих правителей, моего народа!'» (Малов 1951, 43).

Можно, однако, предположить, что форма täjin соотносится с настоящим временем, тогда как форма täp от той же основы — с прошедшим временем.

Форма на -matïn/-matï, -majïn еще со времени В. Томсена (Thomsen 1896, 143) является наиболее оспариваемой. Вновь вернувшись к вопросу о -matï(n) много лет спустя после выхода книги по дешифровке рунических надписей, В. Томсен с удовлетворением отмечал, что В.В. Радлов в конце концов вынужден был с ним согласиться, как и П.М. Мелиоранский. Он повторил предлагавшуюся им ранее сегментацию -ma-tï(n), где -ma- — показатель отрицания, а -ti(n) восходит к деепричастной форме на -p (Thomsen 1916, 10 сл.)[2]. Такая позиция не лишена оснований, но в то же время не представляется и доказанной, поскольку, как уже отмечалось, в суффиксе -pan конечный сегмент -an, вероятнее всего, является реликтом орудного падежа, в форме которого и застывает деепричастный показатель именного происхождения, между тем как природа элемента -n в составе -matin скорее связана с конечным согласным исходного падежа.

К. Брокельман, в сущности, склоняется к такому же мнению, что и В. Томсен, когда приводит форму типа uqmadïn «без понимания», хотя и не формулирует свою позицию четко. Соглашается он и с В. Бангом, который видит в форме -di притяжательный суффикс (см. Brockelmann 1954, 253). По Г.И. Рамстедту, форма типа qalmatï 'неустанно, все' (досл. «не отставая») является отрицательной формой отглагольного наречия на -ti (Рамстедт 1957, 51), однако здесь следует заметить, что вряд ли можно признать данную форму девербативным наречием, поскольку она сохраняет глагольное управление и выступает в качестве обычного деепричастия, ср., например, в «Гадательной книге»:

turujaja quš tüšnäkiŋä qonmïš tujmatïn tozqa ilinmiš uča umatïn olurur ThS II$_{94}$ «журавль сел на свое место, не заметив, угодил в силок и,не будучи в состоянии летать, сидит».

Другого подхода придерживаются В.В. Радлов и А.М. Щербак, позиции которых совпадают лишь формально, но не по существу. В.В. Радлов квалифицирует форму типа almatïn как форму инструментального падежа от almat, которая образуется по аналогии с такими производными на +t, как kirit 'вход' от kir-, käčit 'брод' от käč- (Radloff 1897, 94 сл.)[1]. Правда, П.М. Мелиоранский критиковал такой анализ, говоря, что примеры kirit и käčit общеизвестны, тогда как никто не встречал производных от отрицательной основы глагола форм типа kir-mä-t или bar-ma-t (Мелиоранский 1899, 91).

А.М. Щербак считает суффикс -madïn сложным, состоящим из суффикса -maδ- (> -maj-) и показателя орудного падежа -ïn (Щербак 1961, 161). Таким образом, А.М. Щербак согласен с В.В. Радловым, что конечный элемент -ïn является формой орудного (инструментального) падежа. Однако в остающейся части рассматриваемого показателя В.В. Радлов видит имя от отрицательной глагольной основы, а М.М. Щербак — отрицательную форму деепричастия настоящего времени (там же)[2].

Хотя А.М. Щербак и возражает против того, что нельзя считать форму типа barmaδïn параллельной форме типа barmastïn, что, в частности, исключает возможность исторического сближения

[1] toǰuquq bojla baγa tarqan, например, Г. Дёрфер переводит как «бойла Тоньюкук и таркан Бага» (Doerfer 1969, 46).

[2] Т. Текин, например, позитивной формой рассматриваемого деепричастия, наряду с -p, -pan/-pän, считает и формы на -a/-ä, -ï/-i, -u/-ü (Tekin 1968, 184).

[1] Ср. у В. Банга: -maj < *-maja, -majïn < *-matïn ~ *-madïn, где -ma — показатель отрицания, -t — формант глагольного имени, а -ïn — суффикс орудного падежа (Bang 1923, 129 сл.).

[2] В частности, А.М. Щербак в восточнотуркестанских текстах отмечает наличие форм -matïn, -madïn, -maδïn, majïn (там же, 160). По недавнему замечанию А.М. Щербака, форма -matïn не могла преобразоваться в -majïn, поскольку закономерным соответствием t в современных тюркских языках является t или d (Щербак 1981, 126). Если форму -majïn, например, в bolmajïn Тон., «не будучи» А.М. Щербак здесь квалифицирует особой разновидностью деепричастия на -(j)a ..., включающей в себя дополнительный элемент -ïn, восходящий к суффиксу творительного (орудного) падежа (там же, 123 сл.), то единственный путь объяснения остальных "фонетически не сопоставимых отрицательных форм" деепричастий он видит в допущении возможности параллельного использования в формах творительного (орудного), исходного и других падежей разных имен действия, включающих в себя отрицательную морфему на -ma-δ, -ma-s, -ma-t (там же, 126).

-maδïn и -majïn (Щербак 1961, 161), тем не менее, как представляется, именно здесь нужно искать ответ о морфологическом составе данной формы.

Прежде всего, независимо от происхождения формы -maδïn, в последующем своем развитии она могла сосуществовать с формой -majïn, где интервокальный согласный превратился в полугласный j. Далее, как можно проследить на примере ряда форм, в языке ТРН именные формы не полностью отделились от глагольных. Форма barmastïn, дествительно, структурно изоморфна форме barmaδïn и содержит в себе сегмент +tïn в качестве показателя исходного падежа и производную от отрицательной формы на -r основу barmas. Иными словами, форма -matïn/-matï, так же как и форма -majïn, является вариантом формы -maδïn, которая, в свою очередь, восходит к сочетанию отрицательной формы показателя -r и показателя исходного падежа[1]. Возможно, варианты -matïn/-matï действительно обязаны отсутствию в уйгурской письменности знака δ (там же), если они не обязаны редукции форманта -r, точно так же, как выпадает слог -at- или -aj- в хакасских формах -min ~ -pin (см. Pritsak 1959, 617), восходящих к форме на -matïn//-majïn с последующим переходом билабиального назального в билабиальный ртовый: *-matïn//-majïn > -min > -bin > -pin. Между тем следует отметить, что в языке ТРН зависимость или дополнительность форм -matïn/-matï по отношению друг к другу установить пока трудно.

Вот ряд примеров с формой на -matïn/-matï, -majïn:

sabïn almatïn jär saju bardïγ КТм$_9$ «его словам не внимая, ты бродил по всяким землям»*;

qalïn jaγïqa qïjmatïn tägipän adïrïldïm Е 28$_8$ «я умер, храбро (досл. не отступив) сражаясь с многочисленным врагом»;

tün udïmatï küntüz olurmatï qïzïl qanïm tökti qara tärim jügürti išig küčig bärtim-ök Тон.$_{51-52}$ «не спав по ночам, не имея покоя днем, я отдавал труды и силы [народу], проливая свою красную кровь и сгоняя семь потов (досл. изнурительный пот)».

türk bodun qanïn bolmajïn tabγačda adïrïltï qanlantï Тон.$_2$ «тюркский народ, не будучи со своим ханом, отделился от [страны] табгач, стал иметь хана»[2].

Любопытно, что в памятнике в честь Кюль-Тегина форма на -matï функционирует в качестве безличного предиката на периферии предложения, ср.:

[1] Ср., например, у А.Н. Кононова: -masdan < -ma-s+dan (Кононов 1960, 242).

[2] Т. Текин, например, вместо qanïn bolmajïn читает qanïn bulmajïn и дает такой перевод: «не найдя себе кагана» (Tekin 1968, 184).

jaγï bolïp ätinü jaratunu umaduq jana ičikmiš bunča išig küčig bärtükgärü saqïnmatï КТб$_{10}$ «став врагом и не будучи в состоянии создать что-либо для себя, он снова подчинился [народу табгач, но] так много труда и силы отдавать [ему] не намереваясь»*.

Деепричастие на -gäli, -γalï, по словам А.М. Щербака, в восточнотуркменских текстах выражает "достигательно-целевое значение" (Щербак там же). На уровне языка ТРН удобнее было бы назвать его просто деепричастием цели, если только эта форма не передавала бы и значение 'с тех пор как'.

В отношении происхождения этого показателя также высказывались различные догадки. Г. Рамстедт, например, полагал, что -γalï восходит к сочетанию причастного показателя -ga, -gai и суффикса -li с локальным значением (Рамстедт 1957, 48). Хотя первая часть его утверждения несомненна, тем не менее объяснение природы -li принадлежит к таким, которые столь же трудно доказать, как и опровергнуть.

Как упоминалось, суффикс -gäli, -γalï в языке ТРН выражает целевое значение; второе значение, в котором может выступать эта форма, связано со значением 'с тех пор как'. В современных тюркских языках обнаруживается фонетический вариант рассматриваемого деепричастия в виде формы -(j)alï, выраженный, например, в турецком, азербайджанском и других языках. В меньшей части современных тюркских языков, например в казахском, -γalï имеет первое, целевое значение, близкое к латинскому супину, ср. laudandum «чтобы хвалить» от laudare (1-е спряжение), corrigendum «чтобы направлять» от corrigere (2-е спряжение) и т.д. В большинстве же языков -γalï ~ -(j)alï имеет второе значение 'с тех пор как...' (ср. в турецком: ben buraya geleli... или ...geldim geleli... или ...geleliden beri... «с тех пор как я приехал сюда...»). Турецкая форма типа -(j)alïdan beri, где суффикс исходного падежа +dan присоединяется к деепричастному показателю, может служить подтверждением именного генезиса формы -gäli, -γalï.

Форма со значением цели:

öd täŋri jasar kišï oγlï qop ölgäli törümiš КТ$_{50}$ «время устраивает (т.е. распределяет) Бог, все сыны человеческие рождены, чтобы умереть»;

jujqa äriklig toplaγalï učuz ärmiš jinčgä äriklig üzgäli učuz Тон.$_{13}$ «легко мягкое собрать вместе, тонкое разорвать [также] легко»;

Таблица 6

Сводная таблица деепричастных форм

Морфема	Алломорфа	Пример
-a		äl tuta
	-ä	jätä

Морфема	Алломорфа	Пример
i		ätі bär-
	-ï	alï bär-
-u		jubalu
	-ü	körü
	-(j)u	oplaju
	-(j)ü	jäjü
-p		qïšlap
	-ïp	olurïp
	-ip	binip
	-up	ögsüz bolup
-pan		jorïpan
	-pän	süläpän
	-ïpan	tutïpan
	-ipän	kälipän
-ujïn		bolujïn
	-jin	täjin
-matïn		almatïn
/-matï		udïmatï
	-majïn	bolmajïn
-gäli		ölgäli
	-γalï	olurγalï
-ča		joq bolča
	-čä	tärčä
-qunča		buzqunča

süsi äbin barqïγ julγalï bardï БК$_{32}$ «[одно] их войско отправилось грабить жилища».

Форма со значением 'с тех пор как':

türk bodun olurγalï türk qaγan olurγalï šantuη balïq[q]a taluj ögüzkä tägmiš joq ärmiš Тон.$_{18}$ «тюркский народ, с тех пор как он оседает (т.е. существует), тюркский каган, с тех пор как он сидит [на царстве], никогда не доходили до городов Шантунга и до моря»* (ср. Tekin 1968, 185)[1].

Деепричастие на -ča, -čä указывает на действие, которое по времени либо предшествует действию основного глагола, либо является сопроводительным по отношению к нему:

[1] Т. Текин, например, в начале фразы вместо olurγalï читает qilïnγalï и переводит так: «с тех пор как (был создан)» (там же). С.Е. Малов для данного предложения предпочитает следующий перевод: «тюркский народ и тюркский каган для (дальнейшего) обитания (завоевания) не дошел до город(ов) Шантунга и до морской реки» (Малов 1951, 66).

uluγ oγlïm aγrïp joq bolča quγ säηünig balbal tikä bärtim БК Ю$_9$ «когда мой старший сын умер от болезни (от раны?), я поставил ему балбал Куг-сенгуна» (см. Малов 1959, 23);

jaj bolsar üzä täηri kü bärgüsi (?) tärčä ... БК З$_4$ «когда наступает лето, вверху славный дар небесный собирая...»*

Деепричастие на -qunča в текстах надписей встречается лишь только раз. Эта форма с алломорфными вариациями имеется в ряде современных тюркских языков, в том числе в узбекском, где она привносит значение 'до тех пор, пока...', 'до того, как...', 'до...', 'пока не ...' (см. Кононов 1960, 244):

...buzqunča Oa$_1$ «..до их погибели» (Малов 1959, 10).

ПРИЧАСТИЕ

Причастие в языке ТРН, как и в современных тюркских языках, образуется посредством специальных морфем. Однако едва ли не каждая из этих морфем в текстах надписей может выступать в трех морфологических функциях: 1) как причастие, в строго терминологическом смысле этого слова; 2) как форма времени или знаменательный компонент аналитической временно́й формы и 3) как субстантивная форма, могущая взаимодействовать с суффиксами принадлежности или падежей. Основа глагола, оформленная этими показателями, синтаксически может выступать в качестве определения, сказуемого, дополнения, обстоятельства времени или причины, а подчас и в качестве подлежащего[1]. Для разграничения рассматриваемых суффиксов в различных грамматических назначениях было бы целесообразно предложить следующие условные обозначения, например: -miš — форма причастия, -miš^T — форма времени или знаменательный компонент аналитической временно́й формы, -miš^N — форма субстантива. Точно такому же условному обозначению могут быть подвержены и остальные показатели.

Ниже основное внимание акцентируется на формах причастия — зависимых членов атрибутивной синтагмы. По этой причине специально не рассмотрены формы -güči, -γučï; -gülük, -γuluq; -ikli и -sïq, -sik, встречаемые в языке ТРН только в субстантивном употреблении.

Причастие на -tuq, -tük, -duq, -dük в текстах надписей выступает прежде всего в атрибутивной функции перед словом, являющимся объектом действия, и в функции имени действия (ср. Соколов

[1] Ср., например: qalmišï qubranïp Тон.$_4$ «оставшиеся собрались»; ölügmä ölti БК$_{37}$ «умирающие умерли» и др.

1966, 163). В атрибутивной функции эта форма, как правило, применяется как часть причастного оборота, остальные члены которого оказались опущенными, иначе, она встречается преимущественно как одиночное причастие:

süηüšdimiz täŋri jarïlqadu ... janduq jolta jämä ölti Тон.$_{16}$ «мы сразились. Небо оказало [нам] милость... На обратном пути [многие] еще, возможно, умерли» (см. Малов 1951, 66; Насилов 1960, 52);

qaγanladuq qaγanïn ïčγïnï ïdmiš O_2 «правившего своего кагана он потерял».

Являются ли адъективными формами формы типа janduq или qaγanladuq? Известно, что, с одной стороны, причастия с зависимыми словами или причастия, входящие в состав причастных оборотов, практически не адъективируются, как и одиночные причастия от глагольных основ с конкретным значением действия. С другой стороны, в одиночных причастиях от глагольных основ с переносным значением конкретного характера действия, равно как в одиночных причастиях вневременно́го приурочения действия-признака к лицу или предмету, легко создаются условия для развития адъективных значений.

Такие синтагмы, как janduq jolta или qaγanladuq qaγanïn, представляют собой усеченные формы, поскольку лишены зависимых и поясняющих слов. О форме janduq от глагольной основы с прямым и конкретным значением действия говорить не приходится. Форма же qaγanladuq обладает менее конкретным характером действия, но в пределах этой формы не наблюдается, например, ослабления глагольности за счет усиления качественности, равно как не наблюдается вневременно́го приурочения атрибутивного свойства к определяемому или переносного значения мотивирующей основы. Иными словами, формы janduq или qaγanladuq не являются адъективированными формами. Впрочем, на материале языка ТРН нет оснований сделать вывод о каком-либо закончившемся процессе адъективации причастия.

Форма на -duq в определительной функции употребляется также как с собственными членами, так и в составе причастного оборота:

türk bodun ällädük älin ï[čγï]nu ïdmiš КТб$_6$ «тюркский народ, организованный в племенной союз, свой племенной союз привел к распаду» (Насилов 1960, 52);

közin körmädük qulqaqïn äšidmädük boduniïmïn БК C_4 «не видящего глазами и не слышащего ушами моего народа»*.

Если в предложении qaγan[ïm bän özim] bilgä to$\jmath$uquq ötüntük ötünčümin äšidü bärti Тон.$_{15}$ «мой каган выслушал просьбу, изложенную мной самим, мудрым Тоньюкуком» форма на -duq сопровождается косвенным дополнением, то в других случаях, принимая суффиксы падежей или принадлежности и таким образом входя в именную парадигму, эта форма образует подчиненные члены предложения в системе сложного предложения (ср. Насилов там же), т.е. выступает в качестве развернутого дополнения (в направительном и винительном падежах), а также в качестве обстоятельства времени (в дательном и местно-исходном падежах) или причины, ср.:

направительный падеж: bunča išig küčig bärtükgärü saqïnmatï КТб$_{10}$ «так много труда и силы [народу табгач] отдавать не намереваясь»*;

винительный падеж: biligin biltükimin ödükimin bunča bitig bitidim КЧ$_{28}$ «его знание, мое знаемое, свои наставления так я написал» (Малов 1959, 29);

дательный падеж: özim olurtuqïma tört buluηdaqï boduniγ ätdim jaratdïm БК C_2 «после того, как я сам воссел [на трон], я привел в порядок и устроил народы четырех стран [света]» (там же, 23);

местно-исходный падеж: maγï qurγan qïšladuqda jut boltï БК$_{31}$ «во время моей зимовки в Магы Кургане... случился падеж скота» (там же, 21).

Форма на -duq в значении обстоятельства времени в местно-исходном падеже может сопровождаться и послелогом käsrä 'после':

ol qan joq boltuqda käsrä O_1 «после того, как не стало того хана».

Форма на -duq в сочетании с послелогом üčün 'для', 'ради', 'из-за' передает обстоятельство причины, причем причастный показатель взаимодействует с поссесивной формой, а подчас после притяжательного суффикса следует и форма винительного падежа:

män özim qaγan olurtuqïm üčün БК$_{36}$ «так как я сам сел каганом»;

inili äčili kiηšürtükin üčün bägli boduniγ joηšurtuqïn üčün КТб$_6$ «из-за того, что они (табгачи) ссорили младших братьев со старшими, из-за того, что они настраивали друг против друга беков и народ».

В предложении, например, män özim qaγan olurtuqïm üčün есть выделенное подлежащее. Однако в других случаях, где также есть выделенное подлежащее, форма на -duq с послелогом üčün сочетается без каких-либо оформителей:

täŋri küč bärtük üčün qaηïm qaγan süsi böri täg ärmiš КТб$_{12}$ «так как Небо даровало [ему] силу, войско моего отца-кагана было подобно волку».

Наконец, форма на -duq может выступать в предикативной функции, где она не фиксируется в сочетании с личными окончаниями. Эта форма на -duq не будучи способной дифференцироваться по лицам, видимо, могла служить для выражения различных лиц при выражении лица лексическими средствами:

jaγï bolïp ạ̈tinü jaratunu umaduq jana ičikmiš КТб$_{10}$ «став врагом и не будучи в состоянии создать что-нибудь для себя, он снова подчинился [народу табгач]». Ср. еще пример из «Гадательной книги»: uluγ äb örtänmiš qatïŋa tägi qalmaduq bökiŋä tägi qodm[ad]uq ThS II$_{14}$ «большой дом сгорел, не осталось даже основания, не осталось даже ограды».

Поскольку форма на -duq в отрицательном употреблении — umaduq выступает в качестве однородного члена с глагольной формой ičikmiš, то можно говорить о том, что эта форма в предикативной функции связана со значением прошедшего времени.

Форма на -duq в приативной конструкции сочетается также с последующей формой ärinč 'оказывается' (ср. КТб$_5$), сама по себе привносящей значение неочевидности действия, и это служит дополнительным подтверждением того, что форма -maduq действительно заменяла форму *-mamïš, как уже говорилось в разделе о прошедших временах.

Форма на -duq является одной из наиболее ранней в тюркских языках. Хотя однозначное объяснение ее генезиса представляется пока затруднительным, наиболее вероятное сегментирование могло бы исходить из наличия древнейших элементов -t ~ -d + -(ü)k, -(u)q. Г. Рамстедт, например, рассматривает -duq как имя на -q от вторичной глагольной основы на -d, -t (Рамстедт 1957, 139).

Причастие на -miš, -miš — широко употребляемая форма в языке ТРН. Эта форма встречается в определительных словосочетаниях:

ạ̈lsirämiš qaγansïramïš bodunïγ küŋädmiš quladmïš bodunïγ türk törüsin ïčγïnmïš bodunïγ äčüm apam törüsinčä jaratmïš bošγurmïš КТб$_{13}$ «народ, утративший племенной союз и лишившийся кагана, народ, сделавшийся рабынями и рабами, народ, потерявший тюркские установления, он привел в порядок и наставил по установлениям моих предков»;

oγurmïš-a qatun aγlajur T 5$_1$ «о, разбитая [горем] княгиня рыдает» (ср. Малов 1959, 63)[1].

Если формы типа küŋädmiš quladmïš лишены зависимых слов, то формы типа türk törüsün ïčγïnmïš образуют причастный оборот, где форма ïčγïnmïš связана отношениями управления с формой törüsün. Ниже приводятся другие примеры употребления формы на -miš с собственными членами:

äčümiz apamïz tutmïš jär sub idisiz bolmazun КТ$_{19}$ «пусть не будет без хозяина земля (досл. земля и вода), принадлежавшая нашим предкам»;

[1] Ю. Немет, например, вместо oγurmïš-a читает oγramïš-a, принимая его за имя собственное (см. Nemeth 1926, 142).

täŋri täg täŋri jaratmïš türk bilg[ä] qaγan sabïm БК$_1$ «[вот] речь моя, небоподобного, созданного Небом тюркского Бильге-кагана»*.

Форма на -miš в субстантивном употреблении встречается крайне редко (ср. Насилов 1960, 55):

ïda tašda qalmïšï qubranïp jäti jüz boltï Тон.$_4$ «оставшиеся в зарослях и скалах (досл. среди растений и камней), собравшись, составили семьсот [человек]»;

kälmiši alp tạ̈di Тон.$_{38}$ «'Приход был тяжелым' — было сказано» (Ramstedt и др. 1958, 43).

Причастие на -gmä, -igmä, -ügmä, -ïγma противопоставляется причастиям на -duq и -miš: если формы на -duq и -miš соотносятся прежде всего с прошедшим временем, то рассматриваемая форма соотносится преимущественно с настоящим временем (Малов 1951, 46)[1]. И еще: в отличие от форм на -duq и -miš, форма на -gmä не может выступать в предикативной функции (Tekin 1968, 176). А. фон Габэн рассматривает эту форму в качестве девербативных субстантивов и адъективов, считая синонимом этой формы форму на -gli/-γlï (см. von Gabain 1950, 71, 77). Очевидно, в основе форм -gmä и -gli (отсюда: -ikli)[2] действительно лежит один и тот же элемент -g- (в одном случае распространенный морфемой -ma-, -mä-, а в другом — морфемой -lï, -li), который, со своей стороны, этимологически может быть связан и с инициальным элементом футуральной формы -gäj.

Эта форма в определительных словосочетаниях одинаково равномерно функционирует как одиночное причастие, так и в составе причастного оборота или как неодиночное причастие с зависимыми от него словами:

käligmä bäglärin bodunïn ạ̈tip jïγïp Тон.$_{43}$ «когда я устраивал и собирал приходящих начальников и народ»;

---

[1] Впрочем, как будет показано ниже, в редких случаях эта форма соотносится и с прошедшим временем.

[2] Как отмечалось, форма на -ikli, равно как формы на -güči, -γučï; -gülük, -γuluq и -siq, -sik, в текстах надписей встречается только в субстантивном употреблении, например: bädiz jaratïγma bitig taš ạ̈tgüči КТ$_{33}$ «[в качестве] сооружителя камня с надписью, украшенного резьбою»; qaγanï alp ärmiš ajγučïsï bilgä ärmiš Тон.$_{29}$ «каган[тюрок] — герой, а советник его мудрый»; jujqa qalïn bolsar toplaγuluq alp ärmiš jinčgä joγan bolsar üzgülük alp ärmiš Тон.$_{13\text{-}14}$ «когда тонкое становится массивным, трудно скомкать, когда тонкое становится толстым, трудно разорвать»; qarluq bodun buŋsïz [är]ür barur ärikli jaγï boltï БК$_{29}$ «народ карлуков, безгранично своенравный, стал врагом»*; türk [bodunïγ tạ̈]rip ạ̈l tutsïqiŋin bunta urtïm jaŋilïp üläsikiŋin jämä bunta urtïm КТм$_{10\text{-}11}$ «я вырезал здесь (т.е. на этом камне), как вы, собрав тюркский народ, держали [воедино] племенной союз, как вы, заблуждаясь, распались (~ разделились), я также здесь вырезал»*.

bunča bitig bitigmä kül tägin atïsï jol[l]ïγ tägin bitidim КТ ЮВ «столько надписей писавший, я, племянник (?) Кюль-Тегина, Йоллыг-тегин, [это] написал» (ср. Мелиоранский 1899, 78);

bödkä körügmä bäglär-gü jaŋïltačï siz КТм$_{11}$ «покорные престолу (досл. смотрящие на престол) (?) беки, вы ведь склонны ошибаться»;

bädiz jaratïγma bitig taš ą̈tgüči tabγač qaγan čïqanï čaŋ säŋün kälti КТ$_{53}$ «[в качестве] соорудителя камня с надписью, отделанного резьбою, прибыл Чанг-сенгюн, племянник кагана табгачей».

Не лишен интереса и такой пример, где в одном и том же предложении употреблены две различные формы причастия, указывающие, в сущности, на соотнесение форм на -miš и -gmä к разным временны́м рамкам:

qanïm qaγanïγ ögim qatunïγ köritmiš täŋri ą̈l bą̈rigmä täŋri КТ$_{25}$ «Небо, возвысившее моего отца-кагана и мою мать-катун. Небо, дарующее племенную организацию».

Как отмечалось, форма на -gmä соотносится и с прошедшим временем[1]:

öltäčičä saqïnïγma türk bäglär bod[un] БК$_2$ «подобно обреченному на гибель, скорбящие [когда-то] тюркские беки и народ»*.

Эта форма функционирует также в качестве субстантива:

ičikigmä ičïkdi bodun boltï ölügmä ölti БК$_{37}$ «подчиняющиеся подчинились [мне] и стали народом, умирающие умерли» (ср. Tekin 1968, 176)[2].

Причастие на -r, -ar/-(j)ar, -ir, -ur, -ür в языке рунических надписей встречается в определительных словосочетаниях либо без зависимых слов типа qalar äšim E 41$_1$[3], либо с собственными членами, а подчас и в качестве центрального члена причастного оборота. Вместе с тем наибольшая функциональная нагрузка ложится на эту форму в том случае, когда она выступает в предикативной функции, иначе, когда она выступает в качестве основы настояще-будущего времени[4].

Вот ряд примеров на рассматриваемую тему:

körür közim körmäz täg bilir biligim bilmäz täg boltï КТ$_{50}$ «мои зрячие глаза словно перестали видеть, вещий разум мой стал словно несведущим» (Кононов 1980, 123);

[1]Так, например, П.М. Мелиоранский, переводя слово bitigmä КТ ЮВ как «написавший» (см. Мелиоранский 1899, 78), склонен был считать обозначаемое этой формой действие как атрибутивное свойство, предшествующее моменту речи.

[2]Ср. перевод С.Е. Малова: «часть их вернулась и подчинилась мне и стала (осталась) народом, а другие умерли» (Малов 1959, 22).

[3]«мои оставшиеся друзья» (см. Малов, 1952, 73; Васильев 1983, 29, 41).

[4]Т. Текин, например, отмечает, что суффикс -ur/ür встречается в многосложных формах типа bošγurur, igidür, приводя и примеры, противоречащие этому взгляду: kälürir, jaγutïr, tašïqïr (Tekin 1968, 177).

ujar äšim sizimä adïrï[l]tïm E 42$_4$ «могущественные друзья мои, от вас я отделился (~ скончался)»*;

ï bar baš ašdïmïz jubalu ą̈ntimiz Тон.$_{26}$ «мы перевалили через вершину с зарослями и спустились (досл. скатившись, спустились)»[1];

altun qumuš isigti qutaj buŋsïz anča bą̈rür tabγač bodun sabï sučig aγïsï jïmšaq ärmiš КТм$_5$ «у народа табгач, дающего без печали столько золота, серебра, хмельных напитков и шелка, речь была сладкая, драгоценности "мягкие"».

Ср. еще форму на -r в привативной конструкции:

bilig bilmäz kišï ol sabïγ alïp jaγru barïp üküš kiši öltig КТм$_7$ «и [вот] вы, люди, не обладавшие [истинной] мудростью, послушавшись речи и подойдя вплотную, погибли [там] в большом количестве» (Малов 1951, 35).

Форма на -r в памятнике в честь Тоньюкука зарегистрирована и как постпозитивное определение с предикативным оттенком:

bilgä toĵuquq aĵïγ ol öz ol aŋlar Тон.$_{34}$ «мудрый Тоньюкук — он хитрый и сам он — понимающий!» (там же, 68).

В ряде случаев эта форма сочетается с формой ärikli и занимает постпозиционное расположение к определяемому, ср.:

kül tägin jąti otuz jašïŋa qarluq bodun ärür barur ärikli jaγï boltï КТ$_{41}$ «когда Кюль-Тегину было двадцать семь лет, народ карлуков, являющийся своенравным, стал врагом»[2];

anča olurur ärikli oγuzdantan körüg kälti Тон.$_8$ «когда [мы] жили так, от огузов пришел лазутчик» (Кондратьев 1970, 44).

В последнем случае определяемый член [biz] опущен.

Ср. еще в тюркской надписи в честь Моюн-Чура:

tuγ tašïqïr ärikli jälmä äri kälti jaγï [kälü]r tą̈di МЧ$_{18}$ «когда выступило их знамя (~ войско), мужи с подвижного отряда пришли: 'Враг идет!' — сказали [они]»*.

В субстантивной функции эта форма встречается крайне редко:

ol ą̈ki kišï bar ärsär Тон.$_{10}$ «пока существуют (досл. имеющиеся есть) эти два человека»[3].

[bo]dun anta bą̈rmäziŋä tasul[miš] O$_8$ «народ тогда поднялся, чтобы не отдать его [врагам]».

Причастие на täči, -dači в определительных словосочетаниях употребляется как одиночное причастие:

[1]Ср. перевод Т. Текина: ï bar baš ... «поросший лесом холм (досл. имеющая лес вершина) ...» (Tekin там же).

[2]Т. Текин, например, дает такой перевод данной фразы: «когда принцу Кюль было двадцать семь лет, народ карлуков стал врагом, начавшим действовать свободно и независимо» (Tekin 1968, 177).

[3]Характерно, что слово bar 'есть, имеется', 'имеющийся, наличный' встречается также в предикативной функции, ср.: azu bu sabïmda igid bar-γu КТм$_{10}$ «разве есть ложь в этих моих словах?»

qutïm bar üčün ülügim bar üčün öltäči boduniγ tirigrü igi[d]tim КТ$_{29}$ «из-за того, что у меня счастье и удача, я поднял к жизни готовый погибнуть народ»;

qušladačï bilgä tutuq joq E 48$_5$ «[вечно] готового охотиться (на дичь) мудрого тутука нет!»*

Эта форма встречается и в субстантивном значении:

üküš öltäči anta tąrilti БК$_{31}$ «многие обреченные на смерть там выжили».

В субстантивной функции она может взаимодействовать и с падежными окончаниями:

Таблица 7

Сводная таблица причастных форм

Морфема	Алломорфа	Причастное употребление	Предикативное употребление	Субстантивное употребление
-tuq		udïztuq... КЧ$_{13}$ (?)	boltuq	olurtuqïma
	-tük	ötüntük		bąrtükgärü
	-duq	janduq	jaŋïlmaduq	qïšladuqda
	-dük	ąllädük		biltükimin ödükimin
-mïš		qaγansïramïš	olurmïš	qalmïšï
	-miš	ąlsirämiš	sökürmiš	kälmiši
-gmä		bitigmä		
	-igmä	bąrigmä		ičikigmä
	-ügmä	körugmä		ölügmä
	-ïγma	jaratïγma		
-güči				ątgüči
	-γučï			ajγučï
-gü-lük	-γuluq			üzgülük toplaγuluq
-ikli				ärikli
-sïq				ąl tutsïqïŋïn
	-sik			ölsikiŋin
-r		bar; bilmäz	jasar	bar; bąrmäziŋä
	-ar	qalar		
	-är		täzär biz	
	-(j)ar	ujar		
	-ïr		qabïšïr	
	-ir	bilir	bilir siz	

Морфема	Алломорфа	Причастное употребление	Предикативное употребление	Субстантивное употребление
	-ur	ärür barur	qorqur biz	
	-ür	bąrür	bąrür män	
	-(j)ur		jorïjur	
-tačï			qaltačï biz	
	-täči	öltäči	ölürtäči	öltäčičä
	-dačï	qušladačï	[udačï ärti] [tädäči]	udačïna

udačïna barsïm adïrïlu bardï E 28$_7$ «по его могуществу мой Барс был отдален» (см. Малов 1952, 54; Васильев 1983, 64, 102; Кляшторный 1976, 261).

Она же способна взаимодействовать и с показателем наречия:

olurtuqïma öltäčičä saqïnïγma türk bäglär bod[un] ögirip säbinip toqtamiš közi jügärü körti БК$_2$ «после того как я воссел [на царство], подобно обреченному на гибель, скорбящие [когда-то] тюркские беки и народ, радуясь, смотрели "вверх" довольными (досл. насытившимися) глазами»* (ср. Clauson 1972, 915).

Таким образом, в языке ТРН фиксируется пять причастных форм с комбинаторными вариантами (-duq; -mïš; -gmä; -r; -täči), которые сведены нами в таблицу 7. Если формы на -duq и mïš соотносятся с прошедшим временем, то остальные три формы — на -gmä; -r; -täči соотносятся с настоящим, настояще-будущим и настояще-будущим потенциальным временем, причем форма на -gmä соотносится и с прошедшим временем. Если считать три функции в предложении исчерпывающими, а именно — атрибутивное, предикативное и субстантивное употребление, то лишь формы на -duq; -mïš; -r и -tačï/-täči отмечаются во всех трех назначениях. Для формы же на -gmä не обнаружено предикативного применения. Вместе с тем следует иметь в виду, что субстантивное употребление этих форм не есть результат субстантивации, а есть древнейшее их состояние.

Приложение

ФРАГМЕНТ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГРАФЕМ И ФОНЕМНОГО СОСТАВА ЯЗЫКА ТЮРКСКИХ РУНИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

К числу наиболее интересных особенностей графической систе-ы языка тюркских рунических памятников (далее ТРП) отно-тся много обсуждавшаяся в тюркологии проблема парности льшого числа согласных графем. Так, в языке ТРП существуют мостоятельные графемы, позволяющие дифференцировать по изнаку палатализованности/непалатализованности не только рывные /b/, /d/, /k/, /g/, /t/, но и сонорные, щелевые и дрожащие па /j/, /l/, /n/, /r/:

/b'/ — 𐰉	/g/ — 𐰍	/l'/ — 𐰴
/b/ — 𐰃	/γ/ — 𐰑	/l/ — 𐰸
/d'/ — 𐰋	/t'/ — 𐰓	/n'/ — 𐰾
/d/ — 𐰕	/t/ — 𐰉	/n/ — 𐰽
/k/ — 𐰴	/j'/ — 𐰚	/r'/ — 𐱁
/q/ — 𐰇	/j/ — 𐰆	/r/ — 𐰺

Фактически подавляющее большинство фонем воспроизводится несколькими графическими знаками в зависимости от своей принадлежности к палатализованному/непалатализованному ряду. Это можно видеть на любой таблице тюркского рунического алфавита (см. Thomsen 1896, 9; Малов 1951, 17; ДТС 1969, XV сл. и др.). Графическое различие палатализованных и непалатализованных согласных фонем проходит по всем памятникам тюркской рунической эпиграфики, и проблема палатальной гармонии гласных и согласных вызывает столь же острый интерес, как и достаточно оригинальное решение этой проблемы творцами алфавита.

Вопрос графического воспроизведения комбинаторных вариантов согласных звуков был достаточно серьезно поставлен В. Томсеном (там же, 16). Сам В. Томсен высказал мысль, что графическое различие согласных не является отражением различия в их звуковой природе, а способствует отождествлению смежных гласных в слове, не воспроизводящихся в графике. Против этой точки зрения выступал И. Крамский, считающий, что разные графемы отражают консонантные различия интересующих нас пар (Krámský 1956, 156). А.М. Щербак, касаясь этого вопроса, справедливо отмечает, что он нуждается в дальнейшей разработке, и склоняется к мнению о возможной правоте В. Томсена, который подчеркивал функциональный характер графического различения согласных, являвшегося лишь приемом для обозначения тембра соседних гласных (Щербак 1970, 128).

Отдельные графемы для палатализованных и непалатализованных согласных отражают не самостоятельные согласные фонемы языка рунических памятников, а комбинаторные варианты согласных фонем, выступающих в словах с характерно выражен-

ной палатальной гармонией гласных, равно как и частично выраженной губной гармонией. Рунический алфавит замечателен тем, что, отражая систему согласных фонем языка ТРП, он в то же время отражает лишь систему дифференциальных признаков гласных — при этом только таких признаков, которые связаны с сингармонизмом. Иными словами, алфавит построен на просодической, или супрафонологической основе, а не на фонологической.

Для различных гласных фонем /o/, /u/ в руническом алфавите имеется лишь одна графема ᚦ ~ ᚦ, точно так же как для /ö/, /ü/ — ᚾ или ᚿ. Характерно, что сведение к одной графеме производится в этих случаях не по признаку высоты гласных и не по сходству их артикуляции, а на основании принадлежности к палатальному или велярному ряду. В основу графики оказался положенным признак, отличающий палатализованные согласные от непалатализованных, даже если они представляли собой всего-навсего варианты одной и той же согласной фонемы, выступающей в двух различных окружениях гласных. Создается впечатление, что творцы рунического алфавита с самого начала разделили все свои слова по их принадлежности к палатализованному/непалатализованному ряду звуков. Так, при опущении гласных графем в середине слова в языке ТРП слова ölürtim 'я убил' и olurtïm 'я сел [на царство]' должны были бы писаться одинаково в обычной графической записи при опущении гласных. Но в памятниках они передаются совершенно разными знаками: ᛟ ᚺ ᛏ ᛉ ᚿ ölürtim БК$_{26}$ и ᛟ ᛜ ᛋ ᛁ ᚦ olurtïm КТм$_1$ — только конечный билабиальный назальный в обоих случаях представлен одной и той же графемой. Такая дифференциация палатализованных и непалатализованных фонем, будучи неэкономичной, вместе с тем весьма способствует адекватному отождествлению написанного.

Написание слов в языке ТРП не отличается устойчивостью. Часто встречаются одни и те же слова в различном графемном наряде, например: ᛉ ᚾ ᚿ üküš КТм$_7$ 'много', ᛉ ᚿ ᚱ üküš КТм$_{10}$ то же.

Эта неустойчивость проливает свет на интересующий нас вопрос: отражает ли различное написание графем различную природу звуков или нет? Нейтрализация таких графем, как ᚦ /n/ и ᚽ /n'/ (ср. ᚦ ᚦ ᚽ ᛟ ᛁ ᚦ ᛃ bolmazun КТ$_{19}$ 'пусть не станет' — ᚽ ᚦ ᚽ ᛟ ᛁ ᚦ ᛃ bolmazun КТ$_{25}$ то же), а также таких графем, как ᛊ /s/ и ᛁ /s'/ (ср. ᛋ ᛊ ᛁ ᚦ ᛃ bolsar Тон.$_{14}$ 'если станет' — ᛋ ᛁ ᛁ ᚦ ᛃ bolsar Тон.$_{13}$ то же), говорит о том, что различение палатализованных и непалатализованных фонем графическим способом носит условный характер. Вместе с тем наблюдается не раз обсуждавшийся в специальной литературе факт свободного варьирования фонем /š/ и /s/. Так, например, в одной и той же строке памятника в честь Кюль-Тегина идут ᚴ ᛉ ᚴ ᚾ kiši КТм$_7$ 'человек' и ᚴ ᛁ ᚴ ᚾ kisi в том же значении. Совпадение /š/ и /s/, разумеется,

обусловлено пренебрежением дифференциальными признаками этих фонем в речевом акте носителей языка.

Сам этот факт информативен для исторической фонологии языка ТРП. Действительно, противопоставление гласных /i/—/ï/ никак не фиксируется в графике, а потому можно думать, что его не существовало в момент создания рунического алфавита. В то же время противопоставление /š/—/s/, вероятно, еще имелось и получило соответствующее графическое выражение, но уже утрачивалось к моменту создания известных нам памятников.

Система конструктивных элементов графем рунического алфавита представляет собой определенный интерес. Для построения подавляющего большинства графем используются всего три основных элемента в различных комбинациях: вертикальная черта |, наклонная черта ᛁ и дуга ᚦ. Возможны следующие их комбинации:

1) Одноэлементные графемы: ᛁ /s'/, ᚦ /n /.

2) Двухэлементные графемы:

a) комбинации наклонных черт: ᛪ /d'/;

b) комбинации дуг: ᛒ /j̃/, ᚦ /o/ ~ /u/, ср. также ᛟ с не вполне ясной интерпретацией;

c) комбинации вертикальной черты с наклонной: ᚴ /i/, ᛚ /l/, ᛩ /ŋ/, ᛢ /p/;

d) комбинации вертикальной черты с дугой: ᛑ /j /;

e) комбинации наклонной черты с дугой: ᛄ /g/, ᛩ /s / (в последнем случае дуга выступает в виде аллографа ᛁ).

3) Трехэлементные графемы:

a) комбинации вертикальной черты (черт) с наклонной чертой (чертами): ᛇ /a/ ~ /ä/, ᛣ /č/, ᛢ /k/, ᛯ /q/ ~ ᛡ /q/, ᛉ /l'/, ᚿ /ö/ ~ /ü/, ᛋ /r /, ᚻ /t'/;

b) комбинации вертикальной черты и дуг: ᛝ /γ/.

4) Четырехэлементные графемы:

a) комбинации наклонных черт: ᛟ /b'/, ᛒ /nč/;

b) комбинации дуг: ᛟ /m/;

c) комбинации вертикальной черты (черт) с наклонными чертами: ᛗ /lt/, ᛉ /š/, ᛩ /z/ (в последних двух случаях горизонтальная черта выступает как аллограф наклонной, т.е. ᛉ > ᛏ; комбинация ᛏ в графике отсутствует).

5) Многоэлементные графемы, представляющие собой также либо комбинации вертикальной черты с наклонными чертами — ᚽ /n'/, ᛥ /r'/, ᛜ /t/, либо комбинации одних наклонных черт: ᛞ /d /.

Только графемы ᛃ /b / и ᛩ /j'/, являющиеся как бы зеркальным отображением друг друга, а также графема ⊙ /nt/, выпадают из общей системы и как графический элемент не используются ни в каких других знаках. Однако, можно полагать, что первоначально и они записывались стандартными элементами (дугами и наклонными чертами), но позднее подверглись модификации (ср. Clauson 1970, 75). В некоторых случаях наблюдается свобод-

ное варьирование этих элементов — преимущественно дуг и наклонных черт. Так, возможно написание ⟩ или ⟩ /o/ ~ /u/, ≫ или ≫ /m/ и т.п. Такие графемы распределены здесь по комбинациям тех или иных элементов в бóльшей степени условно, чем альтернативно.

Хотя дифференциальные элементы, выделенные нами, разумеется, никак прямо не соотносятся с дифференциальными признаками фонем, ими обозначаемых, представляется не лишним отметить "трехэлементность" базисной графической структуры языка ТРП в сравнении с отмечаемым ниже треугольным характером системы гласных и тройственностью оппозиции в системе согласных.

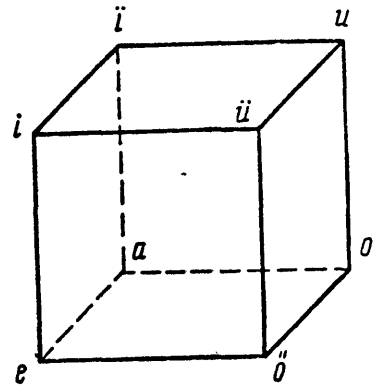
Рунический алфавит, в основу которого положен супрафонологический принцип, позволяет читать текст не по отдельным буквам, каждая из которых соответствует определенному звуку, и не по отдельным слогам, отражающим сочетание согласного и гласного, а зрительно, отождествляя слово в целом с исконно тюркской гармонией входящих в него гласных и согласных. Именно в этом и состоит особое значение данного алфавита при всех известных его недостатках, заключающихся как в многозначности того или иного сочетания графем, так и в том, что гласные во многих случаях только предполагаются, но не обозначаются.

Система фонем в языке ТРП до сих пор не нашла адекватного освещения. Выделение минимальных пар для большинства гласных фонем не сопряжено с особыми трудностями: at, ät-, it, oz-, öz, uz, üz-[1]. Однако лексика языка ТРП не дает возможности ввести фонему /ï/ в состав таких минимальных пар. На материале памятников не удается вычленить фонемы /i/ и /ï/. Небный и ненебный /i/ и /ï/ пока приходится рассматривать в качестве комбинаторных вариантов одной и той же фонемы, что в некоторой степени подтверждается совпадением biŋ Тон.$_{14}$ 'тысяча' и biŋ Тон.$_{18}$ то же, в то время, как пример, скажем, современного киргизского bir 'один' и bïr 'мелкая пыль' показывает четкое различение переднего и заднего неогубленного узкого гласного.

При таком выводе, который, разумеется, нуждается в уточнении с привлечением новых контрольных материалов, ожидаемых в будущем, равно как и в уточнении фонологического статуса пока принятого нами условно знака ä, геометрическая фигура вокализма языка ТРП будет несколько отличаться от того класси-

[1] at КТ$_{20}$ 'имя', ät- КТ$_{39}$ 'устраивать, приводить в порядок', it Е 28$_6$ 'собака' (ср. ït БК Ю$_{10}$ то же), oz- ThS Ii$_{75}$ 'спасаться, освобождаться, избавляться', öz БК$_{36}$ 'сам', uz Е 31$_1$ 'искусный, искусно', üz- Тон.$_{13}$ 'рвать, отрывать, вырывать'.

ческого куба, грани которого означают ряд, подъем и огубленность, и может быть представлена следующей схемой:

Классическая схема[1]

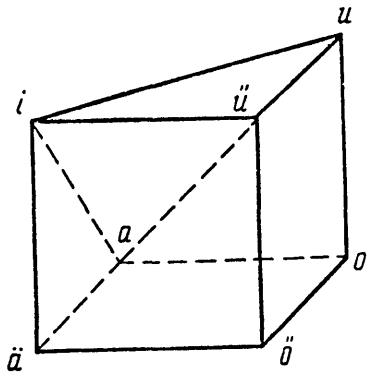

Схема вокализма языка ТРП

Если высказанное предположение считать соответствующим действительности, то можно прийти к следующему заключению.

Фонологическая система каждого языка отличается, как известно, весьма четкими противопоставлениями и сводится к определенной схеме. Язык ТРП показывает, что на зарегистрированной его стадии развития система гласных фонем имела усеченную форму. Если в качестве репрезентативной фонемы верхнего ряда и неогубленной брать /i/, то геометрическая фигура вокализма окажется усеченной в задней и верхней стенках, а фонема /i/ будет включать в качестве комбинаторного варианта фонему /ï/, которая в языке рассматриваемых памятников выступала довольно широко. Рудимент этой несамостоятельности /ï/ как фонемы может наблюдаться в таких современных языках, как узбекский или уйгурский. Так, А. Шёберг явно затрудняется привести доказательство фонемного противопоставления /i/—/ï/ и говорит о свободном их чередовании (Sjoberg 1963, 14). На чередовании именно этих гласных подробно останавливается и М. Рясянен, оговариваясь при этом, что не может объяснить эту особенность во всех ее деталях (Рясянен 1955, 53).

Неогубленные и огубленные гласные фонемы нижнего и верхнего подъема /i/, /ä/, /a/ & /i/, /a/, /u/ & /i/, /ü/, /u/ & /a/, /o/, /u/

[1] См. Lotz 1942, 123; Deny 1955, 57 и др.

образуют такие же фигуры треугольников, как и приводимая ниже система взрывных согласных. Превращение, в частности, совершенно законченного куба гласных фонем в усеченный куб гласных фонем и наоборот может объясняться взаимодействием различных подсистем в пределах языковой системы, когда подсистемы четырехугольных соответствий в конечном итоге вытесняют подсистемы треугольников, о которых шла речь выше.

Важной и исключительно сложной проблеме долгих гласных в языке ТРП посвящен ряд тюркологических исследований, результаты которых неоднозначны. Однако, если допустить, что признание большинством исследователей наличия долгот проливает определенный свет на эту проблему, то она не становится столь уж понятной с точки зрения фонологической, то есть в плане смыслоразличительного противопоставления долгих и кратких гласных.

В сфере согласных выделяется шестнадцать фонем и противопоставление согласных проходит по признакам прерывности/непрерывности, звонкости/глухости, периферийности/непериферийности (см. Якобсон и др. 1962, 181 сл.; Иванов, Топоров 1960, 52) и ряду других, причем для фонологической системы языка ТРП характерно отсутствие фонемных интерференций из арабо-персидской языковой зоны, которая некоторое время спустя будет оказывать столь ощутимое и разностороннее влияние на тюркские языки.

Фонемная значимость согласных прослеживается на следующем ограниченном материале:

/b/			tab-		
/č/	ač-				
/d/		öd			
/g/		ög			tüg-
/γ/					tuγ[1]
/j/	aj				
/k/		ök		sök-	
/l/	al-				
/m/			*tam-		
/n/		ön-			
/ŋ/		öŋ			
/p/			tap-		
/q/				soq-	

[1] ač- Тон.$_{28}$ 'проложить путь', aj БК ЮЗ 'месяц', al- БК$_{24}$ 'захватить, завоевать, покорить', ar- КТм$_5$ 'обманывать, лгать, соблазнять', öd КТ$_{50}$

/r/	ar-				
/s/			bas-		
/š/			baš		
/t/		öt			
/z/			baz		

Согласные, фиксируемые в минимальных парах, могут быть выделены в качестве самостоятельных фонем. Что же касается противопоставления согласных /k/—/q/ и /g/—/γ/, для которых такие минимальные пары подобрать невозможно, то их следует признать находящимися в дополнительном распределении, то есть представляющими одну и ту же фонему. Иными словами, смычные заднеязычные ртовые /k/, /g/ имеют в качестве комбинаторных вариантов /q/, /γ/, и последние, таким образом, не могут рассматриваться в качестве самостоятельных фонем.

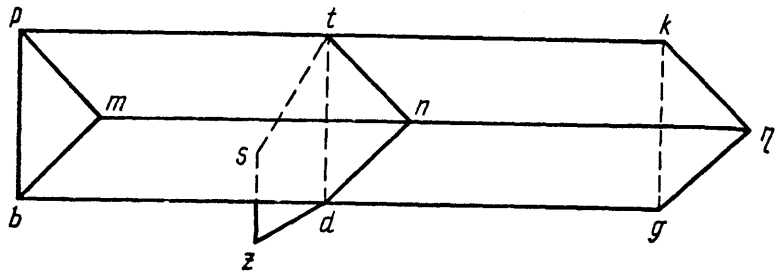
Система согласных резко распадается на взрывные, с одной стороны, и аффрикаты, щелевые, назальные, плавные и глайды — с другой. В группе взрывных наблюдается довольно симметричное противопоставление по звонкости/глухости. В группе же остальных согласных такого противопоставления не наблюдается, за исключением пары щелевых /s/, /z/:

p	t	k	(q)
b	d	g	(γ)
	č		
	š		
	s		
	z		
m	n	ŋ	
	l		
	j		
	r		

Здесь обращает на себя внимание весьма широкая функциональная нагрузка альвеолярных согласных (10), которые в численном отношении почти вдвое превышают все другие согласные фонемы, билабиальные и заднеязычные (6). Число согласных фонем (16) вдвое больше числа гласных фонем по классической схеме. Наконец, взрывные, противопоставляемые по признаку

'время', ög ThS II$_{90}$ 'мать', ök Тон.$_{60}$ (утвердительно-усилительная частица), ön- ThS II$_{82}$ 'выступать, обнаруживаться', öŋ Тон.$_{29}$ 'перед (~ восток)', öt ThS II$_{90}$ 'совет, назидание', tab- E 5$_1$ 'найти, снискать', *tam- в tamγači КТ$_{88}$ 'хранитель печати' (ср. Кононов 1980, 90), tap- E 18$_2$ 'служить, прислуживать', bas- КТ$_{22}$ 'давить', baš ThS II$_{90}$ 'голова', baz в baz qil- КТ$_{30}$ 'усмирить, замирить', sök- КТ$_{88}$ 'пролагать себе дорогу', soq- ThS II$_{60}$ 'погружать (в жидкость)', tüg- ThS II$_{76}$ 'завязать, затягивать (узел)', tuγ Тон.$_{26}$ 'преграда, завал, запруда'.

звонкости/глухости дополняются гоморганной назальной фонемой (p—b—m), (t—d—n), (k—g—η) и совместно с сибилянтами сводятся в следующую схему, где явно прослеживаются те треугольники, о которых говорилось выше:

Глухой и звонкий дентальные сибилянты /s/, /z/, не имеющие себе соответствия в рядах билабиальных и заднеязычных, даны на схеме в виде недостроенной пятигранной призмы на продолжении треугольника дентальных, что вносит в нее определенную асимметрию.

Заднеязычная назальная характеризуется ограниченным распределением в слове: /η/ может встречаться как в середине, так и в конце слова, но никогда — в начале. Тем не менее она, как видно из вышеприведенных минимальных пар, является самостоятельной фонемой, а не комбинаторным вариантом других согласных фонем.

Библиография

ЛИТЕРАТУРА

Ахметов 1978 — *Ахметов М.А.* Глагол в языке орхоно-енисейских памятников. Саратов 1978.

Бартольд 1968 — *Бартольд В.В.* Сочинения. М. 1968, т. 5.

Баскаков 1952 — *Баскаков Н.А.* Каракалпакский язык. II. Фонетика и морфология. М. 1952, ч. 1.

Баскаков 1958 — *Баскаков Н.А.* — В кн.: Вопросы составления описательных грамматик языков народов СССР. Уфа 1958.

Баскаков 1969 — *Баскаков Н.А.* Введение в изучение тюркских языков. М. 1969.

Батманов 1971 — *Батманов И.А.* Талласские памятники древнетюркской письменности. Фрунзе 1971.

Батманов, Кунаа 1963 — Памятники древнетюркской письменности Тувы/ Под ред. И.А. Батманова и А.Ч. Кунаа. Кызыл 1963, вып. 1.

Боровков 1963 — *Боровков А.К.* Лексика среднеазиатского тефсира XII—XIII вв. М. 1963.

Васильев 1983 — *Васильев Д.Д.* Корпус тюркских руниче-ских памятников бассейна Енисея. Л. 1983.

Васильев, Кляшторный 1973 — *Васильев Д.Д., Кляшторный С.Г.* Руническая надпись Йир-Сайыр. — СТ, 1973, № 2.

Ганиев 1971 — *Ганиев Ф.А.* К вопросу о сложном глаголообразовании в тюркских и монгольских языках. — В кн.: Проблема общности алтайских языков. Л. 1971.

Глисон 1959 — *Глисон Г.* Введение в дескриптивную лингвистику/ Пер. с англ. М. 1959.

Гордлевский 1928 — *Гордлевский В.А.* Грамматика турецкого языка. М. 1928.

Грунина 1966 — *Грунина Э.А.* Соотношение форм настоящего и будущего времени по памятникам турецкого языка XIII—XVI вв. — В кн.: Вопросы тюркской филологии/ Под ред. В.М. Насилова. М. 1966.

Джанашиа 1981 — *Джанашиа Н.Н.* Морфология турецкого глагола. Тбилиси 1981.

Дмитриев 1948 — *Дмитриев Н.К.* Грамматика башкирского языка. М.; Л. 1948.

Дмитриев 1962 — *Дмитриев Н.К.* Строй тюркских языков. М. 1962.

ДТС 1969 — Древнетюркский словарь/ Под ред. В.М. Наделяева, Д.М. Насилова, Э.Р. Тенишева, А.М. Щербака. Л. 1969.

Зайончковский 1961 — *Зайончковский А.* К вопросу о структуре корня в тюркских языках. — ВЯ, 1961, № 2.

Иванов, Топоров 1960 — *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Санскрит. М. 1960.

Исхаков, Пальмбах 1961 — *Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А.* Грамматика тувинского языка. М. 1961.

Кляшторный 1964 — *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М. 1964.

Кляшторный 1976 — *Кляшторный С.Г.* Стелы золотого озера (к датировке енисейских рунических памятников). — В кн.: Turcologica. К семидесятилетию академика А.Н. Кононова. Л. 1976.

Кондратьев 1970 — *Кондратьев В.Г.* Очерк грамматики древнетюркского языка. Л. 1970.

Кононов 1956 — *Кононов А.Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л. 1956.

Кононов 1960 — *Кононов А.Н.* Грамматика современного узбекского литературного языка. М.; Л. 1960.

Кононов 1973 — *Кононов А.Н.* Из наблюдений над синтаксисом надписи Тоньюкука (VIII в.). — В кн.: Philologica. Исследования по языку и литературе. Памяти академика Виктора Максимовича Жирмунского. Л. 1973.

Кононов 1980 — *Кононов А.Н.* Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв. Л. 1980.

Кормушин, Д. Насилов 1972 — *Кормушин И.В., Насилов Д.М.* За научное, глубокое изучение древнетюркских рунических памятников. — СТ, 1972, № 5.

Котвич 1962 — *Котвич В.* Исследование по алтайским языкам/ Пер. с польск. М. 1962.

Лигети 1955 — *Лигети Л.* Рец. на: Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. — ВЯ, 1955, № 5.

Малов 1951 — *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.; Л. 1951.

Малов 1952 — *Малов С.Е.* Енисейская письменность тюрков. М.; Л. 1952.

Малов 1959 — *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л. 1959.

Мелиоранский 1899 — *Мелиоранский П.М.* Памятник в честь Кюль-Тегина. — Зап. Восточного отделения имп. Русского археологического общества. СПб. 1899, т. 12.

Мещанинов 1948 — *Мещанинов И.И.* Глагол. М.; Л. 1948.

Насилов 1960 — *Насилов В.М.* Язык орхоно-енисейских памятников. М. 1960.

Насилов 1963 — *Насилов В.М.* Древнеуйгурский язык. М. 1963.

Д. Насилов 1966 — *Насилов Д.М.* Прошедшее время на -jük/-juq в древнеуйгурском языке. — В кн.: Тюркологический сборник. М. 1966.

Д. Насилов 1971 — *Насилов Д.М.* О способах выражения видовых значений в алтайских языках. — В кн.: Проблема общности алтайских языков. Л. 1971.

Петрова 1941 — *Петрова Т.И.* Очерк грамматики нанайского языка. Л. 1941.

Радлов 1963 — *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. М. 1963, т. 1—4 (перепечатано с изд.: СПб. 1893-1911).

Рамстедт 1957 — *Рамстедт Г.И.* Введение в алтайское языкознание/ Пер. с нем. М. 1957.

Рясянен 1955 — *Рясянен М.* Материалы по исторической фонетике тюркских языков/ Пер. с нем. М. 1955.

Севортян 1958 — *Севортян Э.В.* Об историческом положении категории переходности и непереходности в тюркских языках. — ВЯ, 1958, № 2.

Севортян 1962 — *Севортян Э.В.* Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М. 1962.

Севортян 1974 — *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. М. 1974, [ч. 1].

Севортян 1978 — *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. М. 1978, [ч. 2].

Серебренников 1960 — *Серебренников Б.А.* Категория времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М. 1960.

Серебренников 1971 — *Серебренников Б.А.* Тюркологические этюды. I. К проблеме происхождения двух типов личных глагольных окончаний в тюркских языках. — В кн.: Вопросы тюркологии. Баку 1971.

Соколов 1966 — *Соколов С.А.* Типология сложных синтаксических конструкций в турецком языке. — В кн.: Вопросы тюркской филологии/ Под ред. В.М. Насилова. М. 1966.

Тенишев 1966 — *Тенишев Э.Р.* Древнетюркская эпиграфика Алтая. — В кн.: Тюркологический сборник. М. 1966.

Тенишев 1971 — *Тенишев Э.Р.* Перебой s/ś в тюркских рунических памятниках. — В кн.: Структура и история тюркских языков. М. 1971.

Тенишев 1973 — *Тенишев Э.Р.* Смычные согласные в языке тюркских рунических памятников. — СТ, 1973, № 2.

Тенишев, Тодаева 1966 — *Тенишев Э.Р., Тодаева Б.Х.* Язык желтых уйгуров. М. 1966.

Трубецкой 1960 — *Трубецкой Н.С.* Основы фонологии / Пер. с нем. М. 1960.

Фан Цяо 1884 — Фан Цяо. Цзинь-Шу. Шанхай 1884, кн. 24, т. 95/97.

Харитонов 1963 — *Харитонов Л.Н.* Залоговые формы глагола в якутском языке. М.; Л. 1963.

Шнейдер 1936 — *Шнейдер Е.Р.* Удэгейско-русский словарь (с приложением грамматического очерка). Л. 1936.

Щербак 1961 — *Щербак А.М.* Грамматический очерк языка тюркских текстов X–XIII вв. из Восточного Туркестана. М.; Л. 1961.

Щербак 1961а — *Щербак А.М.* Новая руническая надпись на камне. — Учен. зап. Тувинского научно-исслед. ин-та яз., лит. и ист. Кызыл 1961, вып. 9.

Щербак 1962 — *Щербак А.М.* Грамматика староузбекского языка. М.; Л. 1962.

Щербак 1970 — *Щербак А.М.* Сравнительная фонетика тюркских языков. Л. 1970.

Юлдашев 1958 — *Юлдашев А.А.* Система словообразования и спряжение глагола в башкирском языке. М. 1958.

Якобсон и др. 1962 — *Якобсон Р., Фант Г.М., Халле М.* Введение в анализ речи. — В кн.: Новое в лингвистике. М. 1962, вып. 2.

Austin и др. 1956 — *Austin W.M., Gombojob H., Urgunge Onon.* A Mongol Reader. Washington 1956.

Bang 1916 — *Bang W.* Studien zur vergleichende Grammatik der Türksprachen. 2 Stück: Über das Verbum al- 'nehmen' als Hilfszeitwort. — SBAW, Jg. 1916, St. 37.

Bang 1916a — *Bang W.* Studien zur vergleichende Grammatik der Türksprachen. 3 Stück: Über das Possessiv-

suffix -sï einige seiner möglichen Vervandten. — SBAW, Jg. 1916, St. 51.

Bang 1918 — *Bang W.* Beiträge zur Türkischen Wortvorschung. — Túrán. Budapest 1918, sz. 3.

Bang 1923 — *Bang W.* Das negative Verbum der Türksprachen. — SPAW, Jg. 1923, St. 18.

Bang 1934 — *Bang W.* Turkologische Briefe aus dem Berliner Ungarischen Institut. Siebenter Brief: Neue Ansichten — neue Einsichten? — Ungarische Jahrbücher. B.; Leipzig 1934, Bd. 14, H. 3.

Bang, von Gabain 1929 — *Bang W., Gabain A., von.* Türkische Turfan-Texte. II. Manichaica. — SPAW, Jg. 1929, St. 22.

Bang, von Gabain 1931 — *Bang W., Gabain A., von.* Analytischer Index zu den fünf ersten Stücken der Türkischen Turfan-Texte. — SPAW, Jg. 1931, St. 17.

Bazin 1948 — *Bazin L.* Un texte proto-turc du IVe siecle: le distique hiong-nou du «Tsin-chou». — Oriens. Leiden 1948, vol. 1, nr. 2.

Bazin 1958 — *Bazin L.* La turcologie: bilan provisoire. — Diogène. P. 1958, N° 24.

Bazin 1959 — *Bazin L.* Le Turkmene. — In.: PhTF.

Bazin 1966 — *Bazin L.* Les classes du verbe turc. — Bulletin de la Société de Linguistique de Paris. P. 1966, t. 61, fasc. 1.

Bloomfield 1964 — *Bloomfield L.* Language. N.Y. 1964.

Böhtlingk 1851 — *Böhtlingk O.* Über die Sprache der Jakuten. StP. 1851.

Brockelmann 1928 — *Brockelmann C.* Mitteltürkischer Wortschatz nach Mahmud al-Kašgaris Divan Lughat at-turk. Budapest; Leipzig 1928.

Brockelmann 1954 — *Brockelmann C.* Osttürkische Grammatik der islamischen Litteratursprachen Mittelasiens. Leiden 1954.

Caferoğlu 1964 — *Caferoğlu A.* Türk dili tarihi. Istanbul 1964, c. 2.

Clauson 1962 — *Sir Clauson G.* Turkish and Mongolian Studies. L. 1962.

Clauson 1967 — *Sir Clauson G.* Three Notes on Early Turkish. TDAY 1967.

Clauson 1970 — *Sir Clauson G.* The origin of the turkish "runic" alphabet. — Acta Orientalia (Le Monde Oriental). Havniæ 1970, vol. 32.

Clauson 1972 — *Sir Clauson G.* An Etimological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford 1972.

Deny 1921 — *Deny J.* Grammaire de la lanque turque (dialecte osmanli). P. 1921.

Deny 1955 — *Deny J.* Principes de Grammaire turque ("turk" de Turquie). P. 1955.

Doerfer 1954 — *Doerfer G.* Zur Syntax der Geheimen Geschichte der Mongolen. Wiesbaden 1954 (Jnaugural-Diss.).

Doerfer 1969 — *Doerfer G.* Altaische Scholien zu Herbert Frankes Artikel «Bemerkungen zu den sprachlichen Verhältnissen im Lia-Reich». — In: Zentral-Asiatische Studien des Seminars für Sprach- und Kulturwissenschaft Zentralasiens der Universität Bonn.Wiesbaden 1969.

Eberhard 1942 — *Eberhard W.* Kultur und Siedlung der Randvölker Chinas. Leiden 1942.

Erimer 1969 — *Erimer Kayhan.* Eski türkče göktürk ve uygur yazï dili. Ankara 1969.

von Gabain 1935 — *Gabain A., von.* Die uigurische Übersetzung der Biographie Hüen-tsangs. — SPAW. Jg. 1935, St. 7.

von Gabain 1949 — *Gabain A., von.* Рец. на: Bazin 1948. — Der Islam. B.;N.Y.1949, Bd. 29, H. 2.

von Gabain 1950 — *Gabain A., von.* Alttürkische Grammatik. Leipzig 1950.

von Gabain 1959 — *Gabain A., von.* Das Alttürkische. — In: PhTF.

von Gabain 1959a — *Gabain A., von.* Die Sprache Codex Cumanicus. — In: PhTF.

Giraud 1960 — *Giraud R.* L'empire des Turcs Celesstes. Les regnes d'Elterich Qapghan et Bilgä (680—734) Contribution a L'historie Turcs d'Asie Centrale. P. 1960.

Giraud 1961 — *Giraud R.* L'inscription de Baïn Tsokto. Edition critique. P. 1961.

Grönbech 1936 — *Grönbech K.* Der türkische Sprachbau. I. Kopenhagen 1936.

Hockett 1958 — *Hockett Ch.F.* A Course in Modern Linguistics. N.Y. 1958.

Hoenigswald 1960 — *Hoenigswald H.M.* Language change and Linguistic reconstruction. Chicago 1960.

Karlgren 1940 — *Karlgren B.* Grammata Serica. Script and phonetics in Chinese and Sino-Japanese. Stockholm 1940.

Krámský 1956 — *Krámský J.* Über den Unsprung und die Funktion der Vokalharmonie in den ural- altaischen Sprachen. — ZDMG, 1956, Bd. 106, H. 1.

Kuryłowicz 1956 — *Kuryłowicz J.* L'apophonie en indo-européen. — Polska Akademia Nauk. Komitet Yezykoznawczy. Prace Jezykoznawcz. Wrocław [1956], N° 9.

Kwon 1962 — *Kwon Hyegmyon.* Das koreanische Verbum verglichen mit dem altaischen und japanischen Verbum. Seoul/Korea 1962 (Jnaugural-Diss).

von Le Qoq 1912 — *Le Qoq A., von.* Ein manichäisches Buch-Fragment aus Chotscho. — In: Festschrift Vilhelm Thomsen. Leipzig 1912.

Lessing 1973 — *Lessing Ferdinand D.: General Editor.* Mongolian-English Dictionary/Compiled by Mattai Haltod, John Gombojab Hangin, Serge Kassatkin and Ferdinand D. Lessing. Corrected reprinting with a new Supplement. Bloomington 1973.

Ligeti 1950 — *Ligeti L.* Mots de civilisation de Haute Asie en transcription chinoise. — AOH, 1950, t. 1, fasc. 1.

Lotz 1942 — *Lotz J.* Notes on structural analysis in Metrics. — Helicon. Amsterdam; Olten 1942, t. 4, fasc. 1/3.

Menges 1959 — *Menges K.H.* Die aralo-kaspische Gruppe (Kasakisch, Karakalpakisch, Nogaisch, Kiptschak-özbekisch). — In: PhTF.

Menges 1968 — *Menges K.H.* The Turkic Languages and Peoples. An Introduction to Turkic Studies. Wiesbaden 1968.

Nemeth 1926 — *Nemeth J.* Die köktürkischen Grabinschriften aus dem Tale des Talas in Turkestan. — Kőrősi Csoma-Archivum. Budapest 1926, kőt. 2, sz. 1/2.

Orkun 1936 — *Orkun H.N.* Eski türk yazïtlarï. Istanbul 1936, c. 1.

Orkun 1938 — *Orkun H.N.* Eski türk yazïtlarï. Istanbul 1938, c. 2.

Orkun 1940 — *Orkun H.N.* Eski türk yazïtlarï. Istanbul 1940, c. 3.

Pritsak 1959 — *Pritsak O.* Das Neuuigurische. — In: PhTF.

Pritsak 1959a — *Pritsak O.* Das Altaitürkische. — In: PhTF.

Pritsak 1959b. — *Pritsak O.* Das Abakan- und Čulymtürkische und das Schorische. — In: PhTF.

Pritsak 1961 — *Pritsak O.* Die Herkunft der Allophone und Allomorphe im Türkischen. — Ural-Altaische Jahrbücher. Wiesbaden 1961, Bd. 32, H. 1/2.

Pritsak 1963 — *Pritsak O.* Das Alttürkische. — In: Handbuch der Orientalistic. Leiden; Köln 1963, Bd. 5.

Pulleyblank 1962 — *Pulleyblank E.G.* The consonantal system of Old Chinese. — Asia Major. L. 1962, vol. 9, pt. 2.

Radloff 1895 — *Radloff W.* Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei. StP. 1895.
Radloff 1897 — *Radloff W.* Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei. Neue Folge. StP. 1897.
Ramstedt 1903 — *Ramstedt G.J.* Über die Konjugation des Khalkha-mongolischen. — MSFOu, 1903, t. 19.
Ramstedt 1915/16 — *Ramstedt G.J.* Zur mongolisch-türkischen Lautgeschichte. III. — Keleti Szemle. Budapest 1915/16, 16 évf., sz. 1/3.
Ramstedt 1922 — *Ramstedt G.J.* Zur frage nach der stellung des tschuwassischen. — JSFOu, 1922/23, t. 38.
Ramstedt и др. 1958 — *Ramstedt G.J., Granö J.G., Aalto Pentti.* Materialen zu den alttürkischen Inschriften der Mongolei. — JSFOu, 1958, t. 60.
Ross 1930/32 — *Ross. E.* The Tonyukuk Inscriptions. — Bulletin of the School of Oriental Studies. L. 1930/32, vol. 6.
Schinkewitsch 1927 — *Schinkewitsch J.* Radghuzi's syntax. — Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen an der Königlichen Fridrich-Wilchelms Universität zu Berlin. B. 1927, 30. Jg., Abt. 1/3.
Serebrennikow 1961 — *Serebrennikow B.A.* Zur Geschichte der Bildung des Perferkts in den türkischen Sprachen. — AOH, 1961, t. 12, fasc. 1/3.
Shiratori 1900 — *Shiratori K.* Über die Sprache des Hiungnu-Stammes und der Tung-hu-Stämme. Tokio 1900.
Shiratori 1902 — *Shiratori K.* Sinologische Beiträge zur Geschichte der Türk-Völker. II. Über die Sprache der Hiungnu und der Tunghu-Stämme. — Изв. имп. Академии наук. СПб. 1902, т. 17, № 2.
Shiratori 1970 — Shiratori Kurakichi zenshū. Tōkyō 1970, vol. 4.
Sjoberg 1963 — *Sjoberg A.F.* Uzbek structural Grammar. Bloomington 1963.
Sprengling 1939 — *Sprengling M.* Tonyukuk's epitaph: an old Turkish masterpiece. — The American journal of Semitic languages and literatures. Chicago 1939, vol. 56, pt. 1.
Tekin 1968 — *Tekin T.* A Grammar of Orkhon Turkic. Bloomington; Hague 1968.
Tezcan 1976 — *Tezcan S.* Tonyukuk yazïtïnda birkač düzeltme. — TDAY, 1976.
Thomsen 1896 — *Thomsen V.* Inscriptions de l'Orkhon. — MSFOu, 1896, t. 5.
Thomsen 1916 — *Thomsen V.* Turcica. Etudes concernant l'interpretation des inscriptions turques de la Mongolie et de la Sibérie. — MSFOu, 1916, t. 1.

Thomsen 1924/25 — *Thomsen V.* Alttürkische Inschriften aus der Mongolei/Übers. aus dem Dänisch. - ZDMG, 1924/25, Bd. 78.
TS 1963 — Tarama Sözlüğü. Ankara 1963, c. 1: A—B.
Vámbéry 1898 — *Vámbéry H.* Noten zu den alttürkischen Inschriften der Mongolei und Siberiens. — MSFOu, 1898, t. 12.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ВЯ — Вопросы языкознания. М.
СТ — Советская тюркология. Баку.

AOH — Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest.
JSFOu — Journal de la Société Finno-ougrienne. Helsinki.
MSFOu — Mémoires de la Société Finno-ougrienne. Helsinki.
PhTF — Philologiae Turcicae Fundamenta. Wiesbaden 1959, t. 1.
SBAW — Sitzungsberichte der Berliner Akademie der Wissenschaften (Philos.-Hist. Klasse) ~
SPAW — Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften (Philos.-Hist. Klasse). Berlin.
TDAY — Türk Dili Araštïrmalarï Yïllïγï. Belleten. Ankara.
ZDMG — Zeitschrift der Deutschen morgenländischen Gesellschaft. Leipzig; Wiesbaden.

СИГЛЫ ПАМЯТНИКОВ

А — Алтайские памятники.
а — верхняя часть большой вертикальной подписи. Строчная цифра — номер памятника, подстрочная — номер строки.
БК — памятник в честь Бильге-кагана.
БК — основная часть надписи на лицевой грани стелы;
БК В — восточная сторона;
БК З — западная сторона;
БК С — северная сторона;
БК Ю — южная сторона;
БК ЮЗ — юго-западная сторона.
Подстрочные цифры — номера строк.
Е — Енисейские памятники.
Строчные цифры — номера памятников, подстрочные — номера строк[1].

[1] Нумерация дана по «Корпусу» Д.Д. Васильева (Васильев 1983).

ИА — памятники из местности Ихэ-Асхете — надписи на двух камнях.
б — надпись на обратной стороне первого камня.
Строчные цифры — номера памятников, подстрочные — номера строк.

КТ — памятник в честь Кюль-Тегина.
КТм — „малая" надпись;
КТб — „большая" надпись;
КТ — остальные строки (с 14 по 53);
КТ В — восточная сторона;
КТ Ю — южная сторона;
КТ ЮВ — юго-восточная сторона.
Подстрочные цифры — номера строк.

КЧ — памятник в честь Кули-Чура.
Подстрочные цифры — номера строк.

МЧ — памятник в честь Моюн-Чура.
Подстрочные цифры — номера строк.

О — Онгинский памятник.
О — надпись на лицевой грани;
Оа — надпись на боковой грани.
Подстрочные цифры — номера строк.

С — памятник из Суджи.
Подстрочные цифры — номера строк.

Т — памятники долины р. Таласс.
Строчные цифры — номера памятников, подстрочные — номера строк.

Тон. — памятник в честь Тоньюкука.
Подстрочные цифры — номера строк.

ХТ — памятники Хойто-Тамира.
Строчная цифра — номер памятника, подстрочная — номер строки.

ThS II — (Thomsen-Stein II) Ïrq Bitig «Гадательная книга».
Подстрочные цифры — номера строк.

СИГЛЫ ДРУГИХ ИСТОЧНИКОВ

МК — словарь Махмуда Кашгарского / авторское издание: Dīvānu luγāt-it-turk «Собрание тюркских наречий (языков)».

At. — 'atäbätu'l-ḥaqājïq «Врата истин», или Hibät-ul-haqājïq «Подарок истин».

Chuast. — X^{u}astvanīft (название покаянной молитвы манихейцев).

КР — уйгурская версия о царевичах Kalyāṇaṃkara и Pāpaṃkara.

Man. I — фрагментарный текст манихейского содержания.

Rbγ — сочинение Н. Рабгузи Qïssas-ul-Anbiya «История пророков».

Suv. — Suvarṇaprabhāsa (Altun jaruq — сутра «Золотой блеск»).

Tiś. — Tišästvustik (название буддийской сутры).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Аалто П. (Aalto P.) 91
Ахметов М.А. 10
Базэн Л. (Bazin L.) 3, 4, 6, 7, 59, 69, 76
Банг В. (Bang W.) 6, 15, 25, 37, 60, 79, 84, 93
Бартольд В.В. 3
Баскаков Н.А. 3, 19, 35, 38, 79
Батманов И.А. 57, 58
Бётлингк О. (Böhtlingk O.) 55
Блумфилд Л. (Bloomfield L.) 18, 19
Бо 10
Боровков А.К. 76
Брокельман К. (Brockelmann C.) 15, 23, 25, 26, 28, 36, 46, 59, 60, 63, 69, 70, 76, 81, 84, 88, 90, 91-93
Вамбери А. (Vámbéry H.) 28
Васильев Д.Д. 5, 10, 35, 37, 39, 47, 55-58, 60, 67, 78, 82, 102, 105
Габэн А., фон (Gabain A.,von) 3, 4, 6, 7, 26-29, 36, 37, 40, 46, 48, 59, 69, 83, 90, 101
Ганиев Ф.А. 46
Гёнигсвальд Г. (Heonigswald H.M.) 33
Глисон Г. 31
Гордлевский В.А. 63, 65
Гранё И.Г. (Granö J.G.) 91
Грёнбех К. (Grönbech K.) 15, 28, 61
Грунина Э.А. 69
Дени Ж. (Deny J.) 37, 55, 81, 83, 113
Дёрфер Г. (Doerfer G.) 61, 92
Джанашиа Н.Н. 10
Джафероглу А. (Caferoğlu A.) 83
Дмитриев Н.К. 16-19, 32, 38, 46, 63, 64
Еример К. (Erimer K.) 24, 36
Жиро Р. (Giraud R.) 45, 61, 79
Зайончковский А. 30
Иванов Вяч. Вс. 74, 114
Исхаков Ф.Г. 19, 69, 70, 86
Карлгрен Б. (Karlgren B.) 5, 7
Кашгарский М. 24
Квон Х. (Kwon H.) 90
Клосон Дж. (Sir Clauson G.) 9, 21, 22, 24-26, 28, 29, 36, 37, 41, 105, 111
Кляшторный С.Г. 5, 27, 35, 39, 60, 105
Кондратьев В.Г. 43, 46, 58, 80, 103
Кононов А.Н. 11, 18, 20-22, 26, 27, 29, 31, 34, 37, 40, 45, 46, 64, 67, 71, 78-80, 94, 97, 102, 115
Кормушин И.В. 10, 47, 67
Котвич В. (Kotwicz W.) 15, 72, 89
Крамский И. (Krámsky J.) 109
Крюков М.В. 11
Кунаа А.Ч. 57, 58
Курилович И. (Kuryłowicz J.) 74
Лессинг Ф. (Lessing F.D.) 6
Лекок А., фон (Le Qoq A., von) 6
Лигети Л. (Ligeti L.) 3, 4
Лотц Дж. (Lotz J.) 113
Лю Яо 3-7, 9
Малов С.Е. 10, 21, 23, 24, 26-29, 33, 35-37, 39, 41-44, 49, 56, 58, 60, 62, 64, 65, 67, 69, 75-81, 90-92, 96-99, 100-103, 105, 109

Мелиоранский П.М. 3, 26-28, 63, 79, 86, 92, 93, 102
Менгес К.Г. (Menges K.H.) 59, 83, 91
Мещанинов И.И. 17
Насилов В.М. 11, 17, 23, 26-28, 64-66, 68, 79, 84, 87-91, 98, 99, 101
Насилов Д.М. 10, 45, 47, 58, 67
Немет Ю. (Nemeth J.) 100
Оркун Х.Н. (Orkun H.N.) 28, 29, 45, 56, 65
Остин В.М. (Austin W.M.) 61
Пальмбах А.А. 19, 69, 70, 86
Пеллио П. 3
Петрова Т.И. 63
Прицак О. (Pritsak O.) 49, 56, 59, 61, 94
Пуллиблэнк Э. Дж. (Pulleyblank E.G.) 4, 5
Рабгузи Н. 63
Радлов В.В. (Radloff W.) 3, 15, 27, 35-37, 71, 79, 81, 83, 86, 92, 93
Рамстедт Г.И. (Ramstedt G.J.) 3, 5-7, 15, 25, 30, 32, 34, 55, 62, 65, 75, 76, 83, 91, 93, 95, 100, 101
Росс Е. (Ross E.) 45
Рясянен М. 113
Севортян Э.В. 11, 16, 23, 24, 27, 32, 33, 38, 49, 78
Серебренников Б.А. (Serebrennikow B.A.) 9, 63, 68
Сиратори К. (Shiratori K.) 4, 5
Соколов С.А. 97
Старостин С.А. 5
Тезджан С. (Tezcan S.) 45
Текин Т. (Tekin T.) 22, 23, 26-29, 35, 36, 40, 42, 44, 65, 67, 68, 70, 77, 90-92, 94, 96, 101-103
Тенишев Э.Р. 11, 29, 57, 59
Тодаева Б.Х. 59
Томсен В. (Thomsen V.) 3, 29, 36, 79, 83, 91, 92, 109
Топоров В.Н. 74, 114
Трубецкой Н.С. 29
Туна О.Н. 27
Уотила Т. 68
Фан Цяо 3, 9
Футучэн 9, 10
Харитонов Л.Н. 18
Хоккет Ч. (Hockett Ch.F.) 18
Чехов А.П. 90
Шёберг А. (Sjoberg A.F.) 60, 113
Ши Лэ 3, 4, 7, 9
Ши Цзи-лун 7
Шинкевич И. (Schinkewitsch J.) 75, 91
Шнейдер Е.Р. 63
Шпренглинг М. (Sprengling M.) 65
Щербак А.М. 9, 11, 17-19, 27, 34, 35, 37, 38, 43, 53, 58, 59, 68, 69, 75, 76, 79, 84, 85, 88-91, 93-95, 109
Эбергард В. (Eberhard W.) 3
Юлдашев А.А. 19, 20
Якобсон Р. 114

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
ПРЕДИСЛОВИЕ	3
СЛОВООБРАЗОВАНИЕ	13
Словообразование глаголов от именных основ	20
Категория залога	30
Возвратный залог	32
Страдательный залог	35
Взаимно-совместный залог	36
Понудительный залог	38
Аналитические формы глагола	43
Положительная и отрицательная формы глагола	48
Переходность/непереходность глагола	49
СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ	51
Изъявительное наклонение	53
Прошедшее очевидное совершенное время	54
Прошедшее неочевидное совершенное время	63
Прошедшее несовершенное время	65
Прошедшее неопределенное неочевидное время	66
Давнопрошедшее очевидное время	66
Прошедшее потенциальное время	68
Формы настояще-будущего времени	69
Настояще-будущее время	70
Настояще-будущее потенциальное время	71
Условная форма на -sar, -sär	75
Повелительно-желательное наклонение	77
Деепричастие	86
Деепричастие на -a, -ä, -i, -ï, -u, -ü / -(j)u, -(j)ü	86
Деепричастие на -p, -ïp, -ip, -up; -pan, -pän, -ïpan, -ipän	89
Деепричастие на -ujïn, -jin; -matïn / -matï, -majïn	91
Деепричастие на -gäli, -γalï	95
Деепричастие на -ča, -čä	96
Деепричастие на -qunća	97
Причастие	97
Причастие на -tuq, -tük, -duq, -dük	97
Причастие на -miš, -miš	100
Причастие на -gmä, -igmä, -ügmä, -ïγma	101
Причастие на -r, -ar / -(j)ar, -ir, -ur, -ür	102
Причастие на -täči, -dačï	104
ПРИЛОЖЕНИЕ	107
Фрагмент характеристики графем и фонемного состава языка тюркских руниче ских памятников	109
БИБЛИОГРАФИЯ	117
Литература	119
Условные сокращения	127
Сиглы памятников	127
Сиглы других источников	128
Именной указатель	130

ИБ 3064

Редактор издательства И.Е. Герсамия
Техредактор Н.Н. Окуджава
Художник Н.Ю. Игнатов
Худож. редактор И.А. Сихарулидзе
Корректор Л.Ш. Джаши

Сдано в производство 18.3.1986; Подписано к печати 17.3.1986;
Формат бумаги 60×90¹/₁₆; Бумага офсетная; Печатных л. 8,5;
Усл. кр.-отт. 8,6; Уч.-изд.л. 8,0;
УЭ 01079; Тираж 1000 Заказ 962
Цена 1 руб. 20 коп.

ИВАН НИКОЛАЕВИЧ ШЕРВАШИДЗЕ

ФОРМЫ ГЛАГОЛА В ЯЗЫКЕ ТЮРСКИХ РУНИЧЕСКИХ НАДПИСЕЙ

Тбилиси
«Мецниереба»
1986

ივანე ნიკოლოზის ძე შერვაშიძე

ზმნის ფორმები თურქულ რუნულ წარწერათა ენაში

თბილისი
„მეცნიერება“
1986

Напечатано по Постановлению Редакционно-издательского совета Академии наук Грузинской ССР

Издательство «Мецниереба», Тбилиси, 380060, ул.Кутузова,19
გამომცემლობა „მეცნიერება“, თბილისი, 380060,კუტუზოვის ქ, 19
Типография АН Груз. ССР, Тбилиси, 380060, ул. Кутузова, 19
საქ. სსრ. აკადემიის სტამბა, თბილისი, 380060, კუტუზოვის ქ, 19

ИСПРАВЛЕНИЯ

Цифра слева указывает на страницу, цифра справа – на порядковый номер строки текста, отсчитываемый сверху вниз.

7/12-16	**Не следует читать.**
7/22 (27)	**Следует читать:** IV в. это был *-k. Помимо того, и Базэн, как и Рамстедт, переставляет слог *go- китайской транскрипции, и дает тюрк-
8/36	**Следует читать:** форму с суффиксом винительного падежа (*buquγiγ), поскольку в китайской передаче возможна элизия 2-го гласного между двумя слогами. Следует учитывать, что
10/2, 14	**Следует читать:** «Цзинь-шу»
49/29	**Следует читать:** tägisintä
122/31-32	**Вставить:** Щербак 1981 – *Щербак А.М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. (Глагол). Л. 1981.
127/25	**Следует читать:** надписи
135/2	**Следует читать:** ТЮРКСКИХ